

БОРЬБА КЛАССОВ

1932 г.

2-3

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМАКАДЕМИИ ЦИК СССР

Михаил Николаевич Покровский

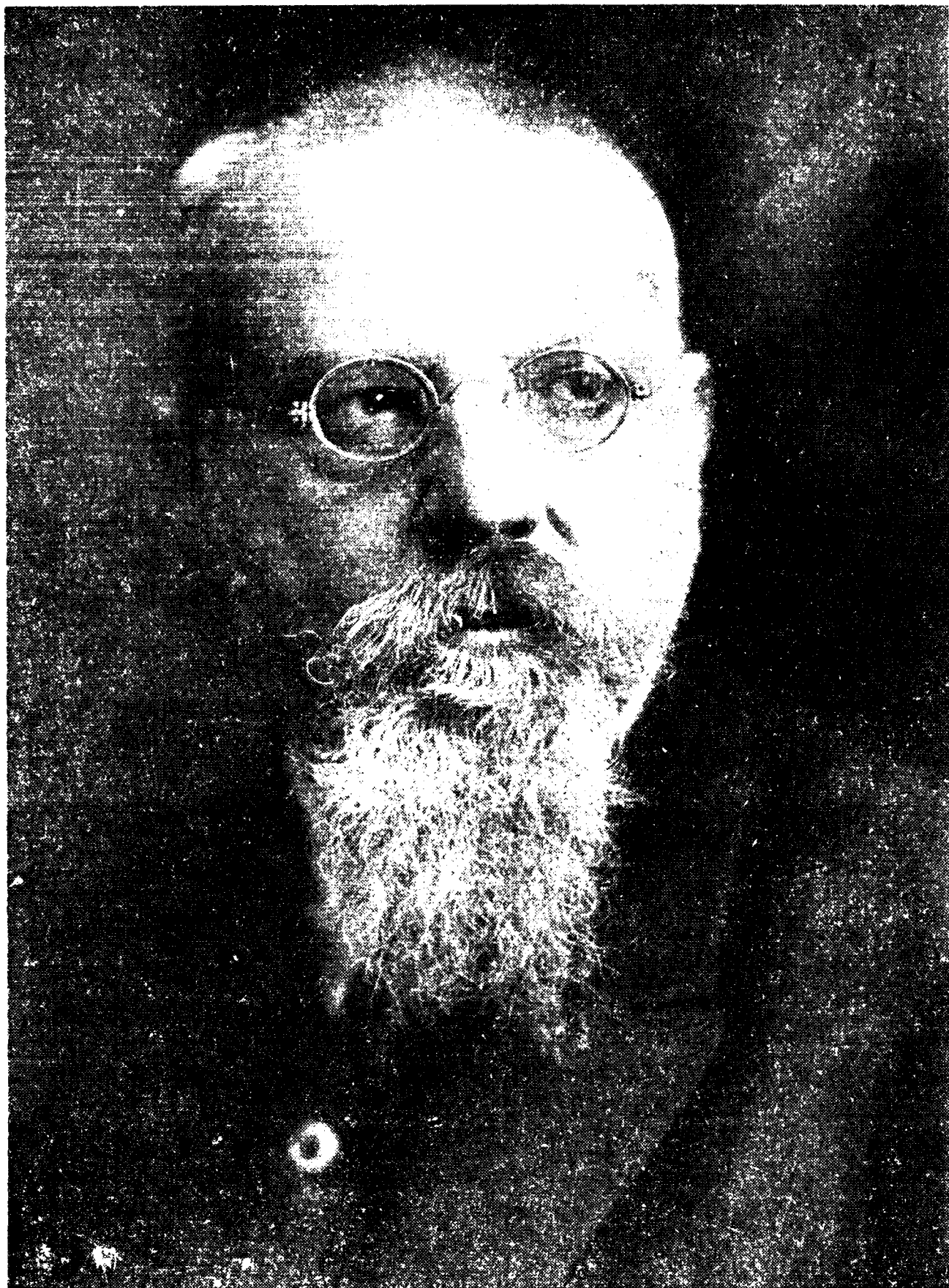
10 апреля 1932 г. не стало Михаила Николаевича Покровского. Это имя останется глубоко памятным мировому рабочему классу.

Утрата преданнейшего большевика и революционера - ученого М. Н. Покровского вызовет горестный отклик не только среди широких слоев нашей партии, среди рабочего класса и колхозников СССР, неудержимым потоком устремившихся к овладению учением марксизма-ленинизма, но и среди зарубежных пролетариев, потерявших в лице М. Н. Покровского всемирно-известного ученого-марксиста, непримиримого борца за победу коммунизма во всем мире.

Борьба с идеологией буржуазии не только русской, но и международной, борьба с буржуазными влияниями и извращениями марксизма в науке, в первую очередь в области истории, неустанная пропаганда марксизма-ленинизма, превращение марксистско-ленинской теории в действительное оружие в руках борющегося за социализм пролетариата — вот то основное, что характеризует ушедшего от нас историка-большевика и неутомимого борца за генеральную линию партии — М. Н. Покровского.

Поставленный партией в качестве виднейшего организатора и руководителя теоретического фронта, Михаил Николаевич, являясь одним из основоположников марксистской исторической науки в России, всю свою жизнь был при этом активнейшим и неустанным пропагандистом идей марксизма-ленинизма.

Его кипучая энергия, его творческая мысль, его неистощимая инициатива прежде всего направлялись на то, чтобы массы овладели революционной теорией, чтобы эта теория помогала массам строить и укреплять революционную практику. «Когда массы борются десятилетиями, — говорил об этом М. Н. в своем последнем выступлении на 10-летию ИКП, — и когда суть дела заключается не в том, чтобы при помощи масс ловко сесть им на спину, а в том, чтобы дать власть в руки этим массам, чтобы эти массы сами строили новый порядок, — без теории обойтись невозможно».

Михаил Николаевич Покровский

(1868 — 1932)

Являясь крупнейшим большевистским историком нашей революции, М. Н. Покровский стремился во всех своих последних работах осветить опыт революции 1905 и 1917 гг. и особенно показать роль ленинской партии в организации и руководстве революционной борьбой пролетариата.

Важнейшей задачей большевиков-историков он считал изучение истории эпохи диктатуры пролетариата и роли партии в эту эпоху.

Михаил Николаевич с глубоким волнением неустанно подчеркивал, какое счастье «жить и строить настоящий социализм».

Историческую науку, как и марксистскую теорию вообще, он превращал в одно из главнейших средств помощи массам в строительстве «настоящего социализма». Исходя именно из такой оценки роли теории и истории как оружия в борьбе масс за победу социализма, он до конца своих дней беспощадно боролся со всякой, как он образно выражался, «порчей ленинской теории», со всяким тупым либерализмом и примиренчеством в области теории и истории, с буржуазными принципами «объективной научности» и беспартийности, со всякими извращениями и искажениями учения Маркса—Ленина—Сталина.

Показывая образец непримиримости в борьбе с антиленинскими концепциями, Михаил Николаевич Покровский энергично работал, как он выражался, «пылесосом» и в отношении очистки своих собственных «непроветренных углов», с подлинно большевистской самокритикой относясь к отдельным своим ошибкам, неизменно идя вперед по пути их преодоления и дальнейшей углубленной разработки марксизма-ленинизма в истории. Всю свою эрудицию, весь свой полемический дар, свой талант несравненного популяризатора он поставил на службу партии и ее ЦК. В борьбе за генеральную линию партии, против троцкизма и правых уклонов, разоблачая их классовую сущность, он необыкновенно остро, конкретно и убедительно показывал массам, что оппортунизм во всех своих разновидностях в борьбе против линии партии и ее ЦК является орудием буржуазии против пролетарской революции.

Недаром буржуазия, меньшевики, троцкисты и оппортунисты всех мастей так дружно осуждали большевистского историка, обвиняя его в том, что он «науку превратил в служанку политики».

Но М. Н. Покровский по достоинству оценивал эти нападки. «По отзывам наших врагов,— говорил он на десятилетнем юбилее ИКП,— мы часто можем судить о той объективной ценности работы, которую мы производим. И когда меньшевик Троцкий называет этих красных профессоров красными профессорами сталинской формации, то это чрезвычайно почетное название, которым каждый должен гордиться».

М. Н. Покровский также с честью носил это почетное название, ибо он прежде всего был партийцем-большевиком, отдававшим с беззаветной преданностью все свои силы на службу рабочему классу и его ленинской партии, оставшимся верным солдатом революции до конца своей жизни.

М. Н. Покровский был организатором, вдохновителем и руководителем первого в СССР научно-популярного исторического массового журнала «Борьба классов».

До последних дней своей жизни он проявлял неслабый интерес к первым шагам и к дальнейшему направлению и росту журнала именно потому, что в этом последнем из многих его мероприятий полнее и конкретнее всего должна была осуществиться его постоянная мысль о приближении науки к массам.

Исторический опыт революционной классовой борьбы в прошлом и классовая борьба в настоящем, неустанно повторял Михаил Николаевич, требуют своего отражения и осмысливания прежде всего в интересах мобилизации новых и новых тысяч борцов за победу пролетарской революции во всем мире, за построение полного социалистического общества в СССР.

М. Н. Покровский придавал огромное значение тому, чтобы непосредственные участники великого фронта классовой борьбы являлись вместе с тем и ее изобразителями.

«Наш журнал, — писал он в своем приветствии М. Горькому в № 3-4 «Борьбы классов», — поставивший себе задачей возбудить интерес к истории в широчайших массах, сделать эти творящие историю массы изобразителями своего собственного творчества, начать писать историю руками не профессоров и архивистов, а руками рабочих, наш журнал приветствует в лице Горького своего предшественника и одного из основоположников той великой просветительной работы, которая составляет нераздельную часть социалистической революции».

Стремясь превратить журнал в подлинно боевой орган пропаганды марксизма-ленинизма и генеральной линии ВКП(б) и Коминтерна, Михаил Николаевич давал — даже в последние недели, не поднимаясь уже с постели. — ценнейшие руководящие указания, направляя журнал на путь воинствующей партийности в области исторической науки.

Он не оставлял мысли написать для журнала руководящую статью, посвященную вопросам разработки ленинского наследия и заостряющую вопрос о большевистской партийности в истории.

В борьбе за боевую партийность, за генеральную линию партии «Борьба классов» будет продолжать дело М. Н. Покровского.

Редакция журнала «БОРЬБА КЛАССОВ»

Жизненный путь Михаила Николаевича Покровского

10 апреля после тяжелой продолжительной болезни скончался старейший член партии и крупнейший ученый, большевик-ленинец М. Н. Покровский.

М. Н. Покровский родился в 1868 г. В 1891 г. он окончил Московский университет по историко-филологическому факультету и с этого времени начал свою научную, педагогическую и литературную работу.

К 1905 г. М. Н. окончательно определился как теоретик-марксист и практик-революционер. Вступив в ряды большевистской партии, М. Н. принимает активное участие в организации вооруженного восстания в качестве пропагандиста, агитатора и публициста.

В 1906—07 гг. он избирается членом МК.

В 1907 г. М. Н. делегируется московской организацией на лондонский съезд партии, где избирается членом большевистского центра.

М. Н. является членом редакций всех большевистских газет, издававшихся в Москве в годы первой революции.

После лондонского съезда М. Н. переходит на нелегальное положение и эмигрирует за границу. Одно время в Париже М. Н. принадлежал к группе «Вперед», но с весны 1911 г. он порывает связь с этой группой.

К этому времени относятся его крупнейшие работы: «Русская история с древнейших времен» и 1-я часть очерков «История русской культуры». В этих работах дается блестящий марксистский анализ русского исторического процесса.

Во время империалистической войны М. Н., ведя борьбу с меньшевиками-оборонцами, находится в постоянной переписке с центральным органом партии «Социал-демократ».

В августе 1917 г. М. Н. возвращается в Россию и принимает участие в революционной борьбе в качестве активнейшего члена московской большевистской организации.

В октябрьские дни М. Н., являясь решительным сторонником вооруженного восстания, принимал непосредственное участие в работе пролетариата при замоскворецком штабе, вместе с группой товарищей в качестве редактора печатного органа Военно-революционного комитета.

В ноябре 1917 г. М. Н. назначается комиссаром по иностранным делам президиума Московского совета, а через неделю — председателем Московского совета рабочих депутатов. В 1918 г., до переезда в Москву правительства, он работает председателем Совнаркома Московской области.

М. Н. принимал участие в первой советской делегации по переговорам о мире с Германией. В период внутрипартийной борьбы вокруг Брестского мира Покровский примыкает к «левым» коммунистам, но вскоре отходит от этой группы и до последних дней своей жизни неизменно отстаивает генеральную линию партии, ведя непримиримую борьбу на два фронта со всякими уклонами.

С мая 1918 г. М. Н. — заместитель наркома по просвещению.

Он явился инициатором, организатором и руководителем ряда крупнейших научных учреждений и учебных заведений СССР. Ему же принадлежит заслуга в организации первых рабочих факультетов. М. Н. — неслучайный участник всех научных съездов, конференций и т. д. С первых дней основания М. Н. является бессменным руководителем Комкадемии, Института истории и Общества историков-марксистов, Центрархива СССР и РСФСР, Государственного ученого совета, РАНИОН и сначала единого ИКП, а после его реорганизации — ИКП истории, и членом дирекции Института им. Ленина.

Наряду с этим М. Н. вел большую педагогическую работу как по линии ИКП, так и в вузах.

В 1929 г. М. Н. избирается действительным членом Академии наук.

В том же году М. Н. принял участие во главе делегации советских историков и архивистов на советской исторической неделе в Берлине и на международном конгрессе историков в Осло.

М. Н. в то же время ведет огромную научно-исследовательскую работу, показывая пример непримиримого борца за марксистско-ленинскую теорию, за большевистскую партийность в науке, против право- и «лево-оппортунистических извращений марксизма-ленинизма, против контрреволюционного троцкизма и буржуазных теорий (Тарле, Петрушевский, Яворский и т. д.).

Из-под пера М. Н. вышел ряд крупнейших марксистско-исторических работ: «Русская история в самом сжатом очерке», «Очерки по истории революционного движения в России в XIX и XX вв.», «Борьба классов и русская историческая литература», «Внешняя политика России XX столетия», «Марксизм и особенности исторического развития в России», «Октябрьская революция», «Империалистическая война» и др.

Под редакцией и непосредственным руководством М. Н. предпринят ряд изданий документов быв. царских архивов и архивов периода Октябрьской революции («Восстание декабристов», «Пугачевщина», серия документов по истории Октябрьской революции и т. п.). М. Н. являлся председателем комиссии ЦИК СССР и главным редактором по изданию документов «Международные отношения в эпоху империализма» и членом редакции «Истории гражданской войны». Ряд его работ переведен на иностранные языки.

Кроме того М. Н. являлся ответственным редактором и членом редакции ряда важнейших научных журналов: «Историк-марксист», «Борьба классов», «Под знаменем марксизма», «Красный архив», «Вестник Ком-академии» и т. д.

Перу М. Н. принадлежит большое количество статей периодической и непериодической печати.

М. Н. принадлежит инициатива в организации крупнейших коллективных научных работ («Очерки по истории Октябрьской революции» и др.).

Ленин высоко ценил деятельность М. Н. Покровского в области народного просвещения и исторической науки.

Ведя огромнейшую организационную и научную работу, М. Н. ни на момент не прерывал непосредственной партийной работы, был активным участником партсездов и конференций. После XVI съезда партии М. Н. избирается членом президиума ЦКК.

М. Н. состоял членом ЦИК СССР и ВЦИК ряда созывов.

В течение последних 2—3 лет, несмотря на тяжелую болезнь, М. Н. все время не прерывал своей огромной многообразной работы.

В лице М. Н. партия и рабочий класс потеряли преданнейшего члена партии, активнейшего участника социалистического строительства, крупнейшего большевистского ученого-историка.

За боевую перестройку исторического фронта

I

Исторический фронт потерял своего виднейшего организатора и непосредственного руководителя — Михаила Николаевича Покровского. Эта утрата особенно тяжела теперь, в переживаемый момент, когда задача перестройки исторического фронта, намеченная в директивах партии и ее вождя т. Сталина, становится неотложной и боевой задачей, остро выдвинутой перед историками-большевиками всем ходом развертывания и роста революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах и победоносным социалистическим наступлением в СССР.

Тяжесть утраты М. Н. Покровского так остра потому, что он, будучи виднейшим, мирового масштаба ученым, отдавшим весь свой громадный талант, свою поистине неистощимую инициативу и энергию на создание подлинно ленинской исторической науки в СССР, на широчайшую популяризацию и пропаганду идей марксизма-ленинизма в истории, был ученым-большевиком, преданнейшим делу рабочего класса борцом за марксистско-ленинскую теорию, непримиримым врагом буржуазной идеологии и буржуазных извращений в исторической науке.

Будучи основателем и руководителем Общества историков-марксистов, которое должно было организовать на платформе воиствующей партийности в науке распыленные научные кадры историков-марксистов. Михаил Николаевич Покровский до болезни осуществлял оперативное руководство историческим фронтом.

Осложнившаяся в последние полтора года болезнь Михаила Николаевича лишила Общество историков-марксистов его непосредственного руководства историческим фронтом, резкое отставание которого особенно ярко было вскрыто в свете письма т. Сталина.

Михаил Николаевич не мог уже принять активного участия в обсуждении и реализации указаний т. Сталина, но громадное значение этого письма и поставленные им задачи боевой партийности и непримиримой борьбы с искажениями ленинской теории он подчеркнул со всей присущей ему энергией в последней своей речи на десятилетнем юбилее ИКП.

Требую поставить всю научную работу на службу революции, подчеркивая, что в основе научной деятельности должна лежать практика большевика-партийца, указывая на необходимость постоянного движения вперед в деле организации работы по-новому, развертывая при этом решительную большевистскую самокритику, Михаил Николаевич в этой своей предсмертной речи начертал основное направление задержавшейся перестройки исторического фронта. М. Н. Покровский, в котором так замечательно сочетались ученый и пропагандист, не раз заявлял, что для историка-большевика его историческая специальность является одним из видов партийной работы.

Критикуя в статье «Новые течения в исторической литературе» («Историк-марксист», т. VII) тех историков, которые «сидят по своим углам, в высшей степени довольные, что Октябрьская революция обеспечила им свободу исследований и высказываний в их узкой специальности». Михаил Николаевич очень решительно заявлял, что в эпоху, когда совершается социалистическая, а не буржуазная революция, нет места для «смирного», «академического» «марксизма», что социалистическая революция обязывает пролетарских ученых к активному участию в борьбе за социализм на своем участке. М. Н. Покровский, представлявший новый тип большевика-ученого, сочетавшего в себе ученого и большевика, органически соединявшего крепкую большевистскую закалку

и преданность делу пролетарской революции с огромной научной эрудицией, проводившего напряженную, исключительно высокого качества работу в области исторической науки, требовал тех же качеств и от руководимых им научных кадров. Превременный уход большевика-историка и борца за марксистско-ленинскую теорию является тяжелой потерей, усугубляющей тот прорыв, который за последний период, в связи с болезнью М. Н. Покровского, образовался на историческом фронте и который необходимо углубленной марксистско-ленинской работой над вопросами истории ликвидировать большевистскими темпами — теми темпами, которыми умел работать и за которые постоянно боролся Михаил Николаевич Покровский.

II

Прошло два года со времени исторического выступления т. Сталина на конференции аграрников-марксистов, где т. Сталин указал на значительное отставание, на некоторый разрыв между практическими успехами социалистического строительства и успехами нашей теоретической работы.

«Надо признать,— говорил т. Сталин,— что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».

Прошел год со времени решения Центрального комитета партии по докладу Комакадемии, обязывавшего научных работников переключить все свои силы «на разработку узловых проблем, связанных с текущими задачами партии и с классовой борьбой мирового пролетариата» (резолюция ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г.).

И прошло около полугода со времени появления важнейшего теоретического и политического документа, каким явилось для всей нашей партии — и прежде всего для работников исторического фронта — письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Центральный комитет нашей партии давал не один раз указания и директивы, намечавшие основную линию перестройки и определявшие содержание и новые формы теоретической работы. Вместе с тем ЦК осуществлял ленинское руководство и практической работой по реализации этих общих директив на всех участках идеологического фронта.

По инициативе т. Сталина были вскрыты контрреволюционные корни рубинщины в политической экономии. Разоблачены меньшевистствующий идеализм (деборинщина) и механицизм в области философии и естествознания. Вскрыты серьезные политические ошибки в области теории права и государства. Разгромлены различные вредные антиленинские теории и «теорийки» в области литературы (переверзевщина, «Литфронт» и др.). Имеются известные достижения в этом направлении и на историческом фронте. Партия сорвала «научную» маску с меньшевистской рязановщины. Разоблачены такие представители махровой контрреволюции, как «историки» Тарле, Платонов и др. Разоблачены шовинистические, национально-демократические и великодержавные исторические фальсификации ряда «историков» Украины, Белоруссии, Грузии, Туркменистана и других национальных республик. В последние два года под руководством ЦК партии была проведена значительная борьба на два фронта и прежде всего с правой — главной на данном этапе — опасностью и в области практической политики, и в области теории и истории (в области последней — с историческими установками Слепкова, Яроцкого, Теодоровича и др.).

Письмо т. Сталина поднимает всю работу историков-коммунистов на новую высоту; оно заострило внимание всей партии и основных кадров

историков на разоблачения передового отряда контрреволюционной буржуазии — троцкизма и троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, в частности на разоблачении школы троцкистских контрабандистов (Эльзов, Кин и др.), которые бесконтрольно протаскивали антипартийный хлам в четырехтомнике «История ВКП(б)» под редакцией т. Ярославского.

За последние годы на нашем коммунистическом научном фронте развернулась углубленная борьба с буржуазными и мелкобуржуазными влияниями и решительная самокритика в наших собственных рядах. В результате был вскрыт целый ряд вредных теорий и «теориек», ряд грубых политических, принципиальных и исторических ошибок.

Эта борьба на всех участках теоретического фронта составляет нераздельную часть развернутого по всему фронту социалистического наступления, ибо теоретические вопросы не могут быть оторваны от общего фронта классовой борьбы. Ленин постоянно подчеркивал, что наша теоретическая работа должна направляться на «конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России», чтобы «вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками». Чтобы облегчить тем самым пролетариату возможность как можно скорее и как можно легче покончить со всякой эксплуатацией.

Отступления от теории марксизма на практике всегда приводили к ренегатству и уходу от революции. «Все споры о текущей политике и практике всегда были спорами глубоко теоретическими, — подчеркивал т. Каганович. — Своей исходной точкой они имели всегда теоретические разногласия. В основе практических ошибок лежали извращения марксо-ленинской теории» (Каганович, речь на 10-лети ИКП).

Этот враждебно-классовый характер всяких попыток искажения теории Маркса и Ленина и опасность такого искажения для дела социалистической революции подчеркивал М. Н. Покровский, предостерегая историков от «порчи» теории в своем последнем выступлении на 10-лети ИКП:

«...Все попытки исказить ленинскую теорию, — говорил он, — фактически есть атака враждебных классов, атака буржуазией социалистической революции. Социалистическая революция без теории немыслима. И каждая порча теории Маркса и Ленина означает в то же самое время огромный ущерб, выбивание камня из фундамента социалистической революции, подрыв ее основ».

Разрыв между теорией и практикой представляет громадную опасность для дела пролетариата, особенно в период разворачивающегося социалистического наступления в СССР, когда враждебные пролетариату классовые силы оказывают свое влияние на отдельные прослойки пролетариата, находя свое отражение также и в некоторых неустойчивых элементах коммунистической партии.

«Отражением сопротивления отживающих классов и являются все и всякие уклоны от ленинской линии, имеющиеся в рядах нашей партии» — указывал не раз т. Сталин. «Разве трудно понять, — говорил он, — что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами?»

Задачи марксистско-ленинского теоретического фронта тем серьезнее и ответственнее, что без решительной и неослабной борьбы на два фронта, которую партия заостряет в теории и на практике, невозможно было бы достигнуть решающих успехов на общем фронте развернутого социалистического наступления. Теория, неразрывно связанная с практикой, должна «помочь практике понять не только то, как и куда движутся классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 20).

Историческое решение XVII партийной конференции, поставившей основной политической задачей... полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию», вместе с тем подчеркнули, что «в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки». Задача ликвидации капиталистических элементов и классов вообще вместе с тем ставит перед рабочим классом и его партией требование беспощадного отпора сопротивлению гибнущих капиталистических элементов и преодоления буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков путем настойчивой работы по социалистическому перевоспитанию масс. Теоретическая работа в связи с этими общими перспективами второй пятилетки не только не должна ослабляться, но должна неизмеримо усиливаться, конкретизироваться, вырасти вширь и вглубь, непосредственно помогая делу укрепления пролетарской диктатуры, разворачивая борьбу со всякого рода оппортунизмом, особенно с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе, и с примиренчеством ко всем видам оппортунизма.

Партия потребовала именно такого поворота от всех участков идеологического фронта, который обеспечил бы непосредственную помощь ленинской теории в деле выполнения революционной практикой грандиозных задач борьбы партии за построение бесклассового социалистического общества, за мировую пролетарскую революцию. Именно для выполнения этих исторически важных задач была поднята на еще большую высоту и развернулась та разоблачительная работа по очистке главных участков нашего теоретического фронта, необходимость которой с такой остротой отметил в своих последних выступлениях т. Сталин. Типично мелкобуржуазными являются поэтому разговоры о том, что у нас-де нет никакой науки, что всюду — прорывы и тому подобное. Так реагировать на нашу большевистскую самокритику и на борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными влияниями в области идеологии могут только оппортунисты, являющиеся носителями этих влияний и рассуждениями о гибели «чистой» науки прикрывающие свой собственный оппортунизм, свое бегство от участия в развернувшейся борьбе за социализм.

III

Как же реализует этот политический поворот на теоретическом фронте его исторический участок, объединять и представлять который должно Общество историков-марксистов?

Письмо т. Сталина, являющееся директивой для всех работников в области идеологии, особенно непосредственное и прямое отношение имело именно к историкам.

Перед ними в первую очередь была поставлена задача «по-большевистски, по-ленински подойти к истории вчерашнего дня и подойти так, чтобы историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией партии, с теми грандиозными новыми задачами, которые стоят перед нами сегодня и которые будут еще стоять завтра» (Каганович, речь на 10-летию ИКП).

Письмо т. Сталина с чрезвычайной отчетливостью поставило перед историками-марксистами вопрос о партийной бдительности, о необходимости беспощадной борьбы с враждебными партии и рабочему классу теориями и уклонами, в первую очередь заостряя внимание партии на борьбе с «троцкистскими и всякими иными фальсификаторами истории нашей партии, систематически срываая с них маски». Письмо т. Сталина поставило при этом обязательным условием борьбы с троцкизмом — этим «передовым отрядом контрреволюционной буржуазии» — и с контрабандистами троцкизма требование покончить с пилым либерализмом в отношении них, ибо «либерализм в отношении троцкизма... есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу».

Наконец письмо т. Сталина поставило наряду с критической и задачу положительной работы — в первую очередь по разработке ленинского наследства и обязательному глубокому изучению ленинской методологии.

Можно ли, оценивая хотя бы в самых общих чертах положение на историческом фронте ко времени и после письма т. Сталина, признать это положение благополучным, не внушающим нам тревоги, обеспечивающим поворот исторической науки лицом к задачам социалистического строительства?

Наоборот, положение на историческом фронте достаточно тревожно и требует заостренного большевистского внимания на нем. Письмо т. Сталина, разумеется, нашло широчайший отклик в массах историков-коммунистов, как и во всей партии, мобилизовав весь ее актив. Оно было подвергнуто развернутому обсуждению фракцией Общества историков-марксистов и его филиалами.

Некоторые из них, особенно Ленинградское отделение и исторические коллективы ИКП, провели большую работу и в свете письма т. Сталина развернули решительную самокритику, усилив и укрепив массовую работу. В некоторых отделениях при обсуждении письма т. Сталина были однако и явные перегибы в сторону увлечения голым администрированием и даже просто «изгнания» из пределов города и общества тех, кто подлежал идеинному разоблачению. На местах не везде правильно поняты задачи историков-марксистов. Кое-где встречались попытки огульного охаивания всех имеющихся исторических работ как представляющих троцкистскую контрабанду или троцкизм в чистом виде. В других случаях были попытки смазать троцкистскую контрабанду или уйти от личной ответственности за проявление гнилого либерализма, сваливая вину на «общую линию». Были даже попытки прикрыться теорией «переоценки ценностей». Так например в Ленинграде была такая попытка со стороны Л. Флиднер, сжимавшей с себя ответственность за редактированные ею до письма т. Сталина работы, потому что, как она заявила, «сейчас все ценности переоцениваются».

Положение в Обществе историков-марксистов в свете уроков письма т. Сталина признано неблагополучным и в самой резолюции, принятой фракцией ОИМ.

«В работе общества,— гласит резолюция,— не было достаточно большевистской бдительности, недостаточно мобилизовались историки-большевики в борьбе за партийность в истории. Общество пропустило троцкистскую контрабанду, запоздало с критикой целого ряда троцкистских и полутроцкистских ошибок, тем самым проявило гнилой либерализм. Политической ошибкой руководства Общества и редакции «Историка-марксиста» является предоставление трибуны троцкистским контрабандистам»...

Отставание исторического фронта, выразившееся в недостаточной мобилизации историков на разработку проблем, вытекающих из задач партии и Коминтерна, особенно резко обнаружилось именно в свете письма т. Сталина. Мартовское (1931 г.) решение ЦК ВКП(б) о перестройке теоретической работы, об изменении методов и темпов работы не было реализовано. Критическая и творческая положительная работа развертывалась недостаточно, а главное не была поднята на достаточно принципиальную высоту.

Прошедшие до письма т. Сталина дискуссии по вопросам истории Запада и Востока хотя и вскрыли ряд оппортунистических установок, но все же не поставили актуальнейших проблем международного рабочего движения и особенно вопроса о роли большевизма на международной арене. Дискуссия не только не оценила, но и не обнаружила троцкистской контрабанды Слуцких и Волосевичей, не заострила вопроса о партийности в исторической науке, не поставила перед историками-марксистами задачи борьбы с гнилым либерализмом. В дискуссии не был поставлен вопрос о

том, что «русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции» и «коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции» (Сталин).

И только на фракции Общества историков-марксистов, обсуждавшей письмо т. Сталина, эти вопросы были подняты уже на известную высоту, были разоблачены троцкистские клеветнические «теории» Альтера, Миронова, Бернштейна и др. и вскрыты политические и принципиальные ошибки целого ряда историков в вопросах о роли большевизма на международной арене, о позиции Каутского и роли II интернационала до войны, об отношении к Розе Люксембург и т. п. В частности решительный отпор был дан т. Радеку, выступившему с теорией левых «ручейков», из слияния которых будто бы возник Коминтерн, и теорией «моста», коим будто бы является люксембургизм для социал-демократических рабочих, идущих в коммунистическую партию. Но и здесь фракция не развернула разоблачения школки троцкистских контрабандистов в четырех томах «История ВКП(б)» под редакцией т. Ярославского и не обстреляла меньшевистских и синдикалистских позиций «исторических» мемуаров Шляпникова.

Грубейшие политические ошибки «Истории ВКП(б)» под редакцией т. Ярославского, на которые обратил внимание т. Сталин в своем письме, не были конкретно и полностью выявлены на заседаниях фракции. Ошибки коллектива авторов (Эльзов, Кизн, Минц, Баевский, Пионтковский, Росс, Римский, Вакс и др.) не были вскрыты во всей конкретности и взаимосвязи.

Письмо т. Сталина обязывало прежде всего к большевистским действиям, к решительной самокритике и самопроверке, к усилению контроля над работами историков-марксистов. Но общество не подвергло своевременно критической проверке выходящую историческую литературу (Лукин, Ванаг, Горин, Пионтковский, Фридлянд и др.). После же письма т. Сталина оно не руководило развернувшейся самопроверкой, начатой партийными коллективами Исторического и Историко-партийного институтов красной профессуры.

Исторические журналы, в частности «Историк-марксист», который должен стать руководящим и мобилизующим на перестройку органом общества, не проявили себя органами воинствующего большевизма на историческом фронте. Старый состав редакции «Историка-марксиста» задержал выход журнала на ряд месяцев, не использовал журнала как орудие борьбы за большевистскую партийность в исторической науке и тем самым ослабил темпы перестройки, не выполнив обязательств, возложенных на него партией.

И после письма т. Сталина, несмотря на рост активности в рядах историков-коммунистов, руководство общества не сумело возглавить этой активности и не обеспечило до сих пор необходимой перестройки его для организации и мобилизации творческих сил историков-марксистов. Общество не возглавило творческой работы масс над созданием «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов».

Значительно ослаблена практическая деятельность общества. Чрезвычайно незначительна литературная продукция, уменьшилось количество докладов, ослабела работа ячеек содействия. Общество не работает достаточно большевистскими темпами, не выполняет тех творческих задач, к каким обязывает историков требуемый партией поворот к текущим задачам партии и Коминтерна.

Созываемый в мае всесоюзный пленум Общества историков-марксистов должен мобилизовать все силы историков-марксистов, наметить программу деятельности общества и обновить и освежить руководство, подобрав из крупных исторических коллективов наиболее крепкие больше-

высшие кадры партийно испытанных историков, способных обеспечить необходимую боевую перестройку исторического фронта.

IV

На какой основе должна быть проведена большевистская перестройка рядов историков-марксистов?

Прежде всего — на основе дальнейшей решительной борьбы за ленинский этап развития нашей исторической науки. В этом — центральная задача предстоящего в мае пленума общества, который должен не только провести дальнейшую критическую, разоблачительную работу, но и на ее основе развернуть творческую положительную деятельность.

Ленинский этап в науке ставит перед историками-марксистами задачу проведения партийности при разработке каждой научной исторической проблемы. Лучший образец реализации этого принципа показал нам т. Сталин в своем письме. Основные принципы марксистско-ленинского анализа, метод т. Сталина и его требование «проверять революционные партии, течения, лидеров не по их декларациям и резолюциям, а по их делам», должны быть положены в основу всей дальнейшей работы историков-большевиков.

Этот же метод настойчиво подчеркивал т. Каганович в своей речи на 10-летию ИКП: «К истории нашей партии часто подходят формально. Более или менее добросовестно излагают хронологию, вырывают отдельные факты, описывают более или менее верно отдельные события, но связи между этими фактами и событиями не вскрывают. Нужно диалектическое изучение истории партии, нужно понимание закономерностей развития, нужно дальше заострение внимания на главных и основных вопросах, на решающих этапах нашей революции».

Письмо т. Сталина, поднимающее на новую идейную высоту изучение истории вообще и прежде всего вопросы мировой истории большевизма, обязывает нас реализовать ленинский принцип партийности в исторической науке, проводить подлинно большевистскими темпами борьбу за марксистско-ленинскую методологию.

Необходимо не только не ослаблять борьбы с правыми оппортунистами на историческом фронте, но и усилить эту борьбу, помня, что правая опасность остается главной на данном этапе и что поставленные XVII партконференцией исторические задачи не могут быть разрешены без развернутой идеологической борьбы с «левацкими» перегибами и извращениями, с буржуазными и мелкобуржуазными влияниями на массы. Вместе с тем необходимо помнить, что «ворота истории нашей партии» попрежнему будут искать случая использовать контрреволюционный троцкизм и всяческие контрабандисты и фальсификаторы. Историки-большевики должны быть значительно более бдительными, чем до сих пор. Расчистку исторического фронта от всякого антипартийного хлама и мусора надо продолжать с неустанной энергией. Надо решительно подожить конец таким историческим фальсификациям, как Шляпникова, работы которого не получили своевременного отпора со стороны историков-марксистов.

К чему сводились утверждения Шляпникова в его четырехтомных мемуарах, посвященных истории 1917 года?

Являясь прямой ревизией программных и тактических положений большевизма, эти меньшевистские и синдикалистские утверждения Шляпникова сводятся: «к отрицанию лозунга советской власти, к попытке приписать партии замену этого лозунга анархо-синдикалистским лозунгом передачи власти фабрично-заводским комитетам, отрицанию гегемонии пролетариата, отрицанию установки партии в феврале—марте 1917 г. на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, к отрицанию установки партии на превращение войны империалистической в войну гражданскую на весь период с февраля 1917 г. по конец 1917 г.; к нежеланию признать свои ошибки на второй день после Октября».

ской революции по вопросу о создании однородно-социалистического правительства на основе блока с меньшевиками и эсерами и т. д. и т. п.».

В кардинальном вопросе о движущих силах революции 1917 г. Шляпников дает откровенно меньшевистскую установку, отвергая гегемонию пролетариата в революции. Отрицая организующую и руководящую роль партии в революции и исходя из анархо-синдикалистской концепции, он пишет: «Нам приходилось опровергать и бороться с некоторыми заблуждениями и иллюзиями товарищей относительно преувеличения сил пролетариата в надвигающейся борьбе».

«Отрицая ленинскую постановку вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, Шляпников исходит во всех своих утверждениях из антипартийных, продиктованных многолетней борьбой против партии и ее руководства, позиций, вытекающих из меньшевистского понимания им характера и движущих сил нашей революции».

Об этом говорит он сам под давлением партийной критики в своем заявлении ЦК («Правда» № 68):

«Эти основные политические ошибки привели к тому, что в своих воспоминаниях я допустил неправильное освещение роли пролетариата и нашей партии, дал неправильную и по сути дела меньшевистскую оценку позиции нашей партии, ее руководства в феврале—марте 1917 года по вопросу о мире, временном правительстве и превращению войны империалистической в войну гражданскую».

«Вся сумма этих ошибок ведет к отрицанию правильности ряда программных и тактических положений ВКП(б) и попытке их пересмотра в духе меньшевистско-троцкистской установки».

Шляпниковская меньшевистская и синдикалистская методология не получила должного отпора, она послужила источником для троцкистско-меньшевистских утверждений школы троцкистских контрабандистов — Куна, Эльвова и др., до письма т. Сталина остававшихся не разоблаченными.

• Необходимо, борясь с подобными фальсификаторами, требовать от историков-марксистов самого глубокого использования ленинского идейного наследия и на его основе — оценки исторических событий, идеологических течений, роли вождей и отдельных личностей, анализируя прежде всего их дела, а не резолюции.

Реализация поворота требует четкого переключения всех сил историков-марксистов на положительную работу в области ряда важнейших исторических проблем.

Какие проблемы необходимо разрабатывать в первую очередь для осуществления поворота, для боевой перестройки исторического фронта?

Таковыми проблемами на ближайший период должны стать:

1. Разработка проблем, связанных с историческими решениями XVII партконференции, раскрывающих историю борьбы за построение социалистического общества, историю 10 лет нэпа в связи с решением исторического вопроса «кто кого» в пользу социализма в городе и в деревне и наконец историю нашей первой пятилетки.

2. Разработка истории Октябрьской революции, особенно нужная сейчас, в связи с приближающейся 15-летней годовщиной Октября и необходимостью мобилизовать массы вокруг лозунгов Октябрьской революции на дальнейшее строительство социализма.

3. Разработка истории большевизма и его роли на международной арене, а также истории Коминтерна.

4. Создание истории гражданской войны.

5. Создание истории фабрик и заводов.

Две последние задачи были заострены в специальных решениях Центрального комитета нашей партии, придающего этим работам громадное политическое, воспитательное значение.

История гражданской войны и история фабрик и заводов должна мобилизовать гораздо большие кадры историков, чем это делается сейчас. Передача исторического опыта революции молодым пополнениям партии и комсомола и новым отрядам пролетариата — громадной политической важности задача, стоящая перед историками. Призыв рабочих к написанию этой истории при помощи квалифицированных большевистских сил историков должен содействовать быстрее перестройке наших рядов, поднятию подлинно большевистских темпов и выявлению творческой активности тех молодых историков, которые до сих пор не находили приложения своим силам или находили это приложение в совершенно недостаточной степени.

Работы пленума Общества историков-марксистов будут проходить уже без участия М. Н. Покровского. Талантливый ученый-большевик, отдавший многие годы своей жизни делу служения рабочему классу, большевистской партии, уже не будет больше осуществлять непосредственное руководство разворачивающейся борьбой за большевистскую партийность в исторической науке.

Мы должны больше, чем когда-либо, проявить большевистскую бдительность на идеологическом фронте, сплачивая все силы историков-коммунистов для борьбы за дело, за которое борется мировой большевизм, за которое боролся ученый-большевик — Михаил Николаевич Покровский.

За большевистскую перестройку наших рядов, за большевистские темпы в разворачивании творческой работы историков-марксистов, за разворачивание большевистской самокритики, — под такими лозунгами должна пройти подготовка к предстоящему пленуму Общества историков-марксистов, который должен мобилизовать всех историков-марксистов на то, чтобы «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

За боевую, под руководством нашего ЦК во главе т. Сталиным, перестройку исторического фронта!

„Всякая непоследовательность или слабость в разоблачении тех, кто проявляет себя как реформист или „центровик“, означает прямое увеличение опасности свержения власти пролетариата буржуазией, которая использует завтра для контрреволюции то, что кажется близоруким людям лишь „теоретическим“ разногласием сегодня“.

(Ленин, т. XXV, стр. 317)

И. СТАЛИН

Публикуемое ниже «Письмо с Кавказа» является одним из серии «Писем с Кавказа», написанных тов. Сталиным для «Пролетария» (орган большевиков, выходивший в 1906—1909 гг.) в декабре 1909 г. (ст. ст.). Письма эти писались из Баку, где Сталин в это время работал на нелегальном положении после побега из Сольвычегодской ссылки. Судя по архивным материалам, Сталиным в декабре 1909 г. было послано в «Пролетарий» три или четыре «Письма с Кавказа». В «Пролетарии» они не могли быть уже напечатаны ввиду того, что, согласно решению январского пленума ЦК 1910 г. об уничтожении фракционных центров, большевики прекратили издание своего отдельного органа. В центральном же органе РСДРП «Социал-Демократе», редакцию которого до конца 1911 г. составляли два большевика (Ленин и Зиновьев), два меньшевика (Мартов и Дан) и один от поляков (Варский, потом Ледер), было напечатано лишь одно «Письмо с Кавказа» (в № 11 от 26 (13) февраля 1910 г.), посвященное положению дел в Баку. Печатаемое же здесь «Письмо», бичевавшее ликвидаторскую деятельность тифлиских меньшевиков, не могло, конечно, быть пропущено на страницы «Социал-Демократа» меньшевистской частью его редакции и появилось лишь 7 июня (24 мая) 1910 г. в № 2 «Дискуссионного листка» (приложение к «Социал-Демократу») вместе с ответом на него лидера кавказских меньшевиков Ана (литературный псевдоним Н. Жордания), который своим ответом, как говорит Ленин, лишь «подтвердил самые тяжелые обвинения автора «Писем с Кавказа» (см. т. XIV, стр. 317).

Письмо тов. Сталина имело не только местный (тифлиский или кавказский) интерес. Вопросы, в нем затронутые, имели громадное общепартийное значение, ибо на примере тифлиских меньшевиков вскрывалась сущность общероссийского ликвидаторства, при поддержке троцкизма махровым цветом распутившегося в годы реакции, с которым большевикам пришлось вести ожесточенную борьбу в течение ряда лет.

«Письмо» перепечатывается из «Дискуссионного листка» без изменений.

Письмо с Кавказа (1909 год)

В смысле развития промышленности Тифлис представляет прямую противоположность Баку. Если Баку интересен как центр нефтяной промышленности, то Тифлис может быть интересен лишь как административно-торговый и «культурный» центр Кавказа. Всех промышленных рабочих в Тифлисе около 20 тысяч, т.е. меньше, чем солдат и полицейских. Единственное крупное предприятие — мастерские жел. дорог (около 3.500 раб.). В остальных предприятиях по 200, 100 и, большей частью, по 40 — 20 чел. Зато Тифлис буквально заполняют торговые заведения и связанный с ними «торговый пролетариат». Слабая зависимость от крупных рынков России, вечно живых и лихорадочных, накладывает на Тифлис отпечаток застойности. Отсутствие же резких классовых столкновений, свойственных лишь крупным промышленным центрам, превращает его в нечто вроде болота, ждущего толчка извне. Этим именно и объясняется, что меньшевизм, настоящий «правый» меньшевизм, так долго продержался в Тифлисе. То ли дело Баку, где резко классовая позиция большевиков находит живой отклик среди рабочих! То, что в Баку «само собой ясно», в Тифлисе становится ясным лишь в результате продолжительных дискуссий, — непримиримые речи большевиков перевариваются с большим трудом. Этим именно и объясняется «особая склонность» тифлиских большевиков к дискуссиям и, наоборот, желание меньшевиков по возможности

избавиться от дискуссии. Но из сказанного вытекает только то, что работа революционных социал-демократов по социалистическому просвещению тифлисского пролетариата очень часто и неизбежно будет выливаться в форме идейной борьбы с меньшевизмом. Ввиду этого особый интерес приобретает хотя бы беглый анализ той идейной атмосферы, с которой прежде всего приходится бороться и которую создают тифлиссские меньшевики, пока еще преобладающие в Тифлисе. Атмосфера эта может быть квалифицирована как ликвидаторская, ликвидаторская не только в организационном смысле, но и тактическом, но и программном. С характеристики этой атмосферы и начнем наш беглый очерк положения партийных дел в Тифлисе.

Ликвидаторство программное

Органом, в котором находит себе отражение «общественное мнение» меньшевиков, является грузинская меньшевистская пресса. Кредо тифлиссских меньшевиков выражено в статьях «Злободневные вопросы» (см. №№ «Азри» и «Дасацкиси») ¹. Автором этих статей является влиятельнейший из тифлиссских меньшевиков т. А. н. ². Перейдем к изложению этих статей, подготовлявших идейно ликвидаторство в Тифлисе.

В упомянутых статьях автор предпринимает «переоценку всех ценностей» и приходит к выводу, что партия (особенно большевики) заблуждалась, что касается некоторых ее программных, особенно же тактических положений. По мнению автора, необходимо «коренным образом изменить всю партийную тактику», чтобы сделать возможным «объединение сил буржуазии и пролетариата» — единственный залог победы революции. Впрочем, пусть говорит сам автор.

«Большевики доказывали,—говорит автор,—что он (пролетариат) должен осуществить (в буржуазной революции) весь минимум своей программы. Но ведь осуществление социальной части этого минимума повело бы к тому, что сковало бы производство буржуазии, вызвало бы протест всей буржуазии, положив начало грандиозной контрреволюции... Кто осмелится утверждать, что осуществление восьмичасового рабочего дня соответствует интересам современной неразвитой буржуазии?» Ясно, что «осуществление программы-минимум большевиков является простой декламацией» (см. «Азри», № 17, февраль 1908 г.).

Конечно, об осуществлении всей программы-минимум говорили не одни большевики. и никакой большевистской программы-минимум не знает история, кроме общепартийной, — но в данном случае не это интересно. Важно то, что ввиду «неразвитости буржуазии» и вытекающей отсюда контрреволюционной опасности наш автор ополчается против «социальной части» программы, как «простой декламации», подлежащей, очевидно, ликвидации.

Никакого анализа действительного положения промышленности (т. А. н., очевидно, неправильно выражается, называя отсталость промышленности «неразвитостью буржуазии». — К. С. т.), никаких цифр, никаких сколько-нибудь серьезных данных не найдете у т. А. н. Он просто исходит из голого положения о том, что буржуазия не потерпит осуществления 8-часового рабочего дня, между тем как без «объединения сил пролетари-

¹ «Азри» (Мысль) — грузинская легальная меньшевистская газета, выходившая в Тифлисе с 24 января по 2 марта 1908 г. (выходила также позже — с 1 марта по 11 июля 1914 г.). «Дасацкиси» (Начало) — грузинская легальная меньшевистская газета, выходившая в Тифлисе с 4 по 30 марта 1908 г. — Ред.

² А. н. — литературная кличка лидера грузинских меньшевиков, ныне эмигранта, Ноя Жордания. — Ред.

ата и буржуазии» победа революции невозможна, — стало быть, долой «социальную часть» программы...

Мы не станем доказывать вздорность утверждений автора, утверждений, то и дело выдвигаемых против социал-демократов либералами нашего времени. Но нашему, совершенно достаточно их процитировать, чтобы сразу уловить физиономию тифлиссских меньшевиков...

Но наш автор вооружается не только против «социальной части» программы. Он также не милует и ее политическую часть, хотя не так прямо и открыто. Выслушаем его:

«Борьба одного только пролетариата или одной только буржуазии¹ ни в коем случае не сломает реакцию... Ясно, объединение их сил, та или иная их комбинация и направление их к одной общей цели составляют единственный путь (курс. наш) победы над реакцией»... «Поражение реакции, завоевание конституции и проведение последней в жизнь зависит от сознательного объединения сил буржуазии и пролетариата и направления их к общей цели»... При этом «пролетариат должен шествовать так, чтобы своей непримиримостью не ослабить общее движение». Но так как «ближайшим требованием буржуазии может быть лишь умеренная конституция», то, очевидно, обязанностью пролетариата является отбросить свою «радикальную конституцию», если он не хочет «ослабить общее движение своей непримиримостью» и расстроить «сознательное направление сил буржуазии и пролетариата к одной общей цели», словом, если он не хочет подготовить победу контрреволюции» (см. «Дасацкиси», № 4, 1908 г.).

Вывод ясен: долой демократическую республику, да здравствует «общее движение» и... «умеренная конституция», конечно, «в интересах победы» революции...

Перед нами, как видите, плохой пересказ известной статьи бывшего с.-д. Васильева в «Товарище» 1906 г. об «объединении классов», о временном забвении классовых задач пролетариата, о снятии демократической республики и т. п.² Разница в том, что Васильев говорил прямо, ясно, а т. А. н. стыдится говорить достаточно ясно.

У нас нет в настоящее время ни времени, ни охоты разбирать весь этот либеральный лепет, давно уже разобранный и оцененный в своей основе в русской социал-демократической печати. Мы хотели бы лишь назвать вещи их собственными именами: программные упражнения нашего автора, принятые тифлискими меньшевиками за «новый» фракционный манифест, являются ликвидацией программы-минимум партии, ликвидацией, требующей приспособления нашей программы к программе кадетов.

От «новой» программы тифлиских меньшевиков перейдем к их «новой тактике».

Ликвидаторство тактическое

Тов. А. н. особенно недоволен тактикой партии, которую необходимо, по его мнению, «коренным образом изменить» (см. «Дасацкиси» № 4).

¹ Под «буржуазией» автор везде подразумевает «среднюю» либеральную буржуазию, «идеологами которой являются кадеты». — К. Ст.

² Васильев Н. В. — видный меньшевик, близко стоявший к Плеханову. После того, как Плеханов выступил в 1906 г. в газете левых либералов «Товарищ» с предложением общей платформы с.-д. и кадетов в избирательной кампании в Гос. думу, Н. Васильев поместил в том же «Товарище» (№ 142 от 30 (17) декабря 1906 г.) статью «Что делать?», в которой, приветствуя выступление Плеханова, доводил его до логического конца, предлагая — исходя из того, что, по его мнению, классовая борьба «убийственна и преступна» — «расстаться на время с самыми лучшими программами и слиться в одной конституционной партии». Ленин тогда же дал оценку политической позиции Н. Васильева в своей статье «Плеханов и Васильев» см. т. X, стр. 236 — 241). — Ред.

Большую часть своих статей посвящает он поэтому критике этой тактики. Он особенно нападает на известную «формулу Плеханова» («революция в России победит как рабочее движение, или вовсе не победит») ¹, отождествляя ее с положением о гегемонии пролетариата, и решает, что она не выдерживает критики. «Формулу» эту он предлагает заменить «новым» (старым!) положением об «объединении сил буржуазии и пролетариата» в интересах «общего движения»... «к одной общей цели». Слушайте:

«Положение о руководящей роли пролетариата в буржуазной революции не оправдывается ни теорией Маркса, ни историческими фактами».

Ссылка на теорию:

«Пролетариат не может своими же собственными руками построить порядки своих собственных врагов. Стало быть, руководство буржуазной революцией со стороны пролетариата является невозможностью».

Ссылка на исторические факты:

«Наша революция была в то же время нашим рабочим движением, несмотря на это, революция не победила. Ясно, что формула Плеханова не оправдалась» (см. «Азри» № 17).

Коротко и ясно. Приходится только жалеть германскую социал-демократию, признавшую (должно быть, по легкомыслию!) еще в своем ответственном письме Лондонскому съезду, что руководящая роль пролетариата в нашей революции вполне оправдывается как «теорией Маркса», так и «историческими фактами». Мы уже не говорим о нашей (несчастной!) партии...

Чем же заменяет наш автор руководящую роль пролетариата, что он предлагает последнему взамен?

«Борьба одного только пролетариата,—говорит т. А. н.,—или одной только буржуазии ни в коем случае не сломит реакцию... Ясно, что объединение их сил, та или иная их комбинация и направление их к одной общей цели составляют единственный путь победы над реакцией». При этом «пролетариат должен шествовать так, чтобы своей непримиримостью не ослабить общее движение»... (см. «Дасаукиси» № 4). Ибо, уверяет автор, «чем слабее классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, тем победоноснее (курсив везде наш.—К. Ст.) буржуазная революция, конечно при прочих равных условиях» (см. «Азри» № 15).

О каких «прочих равных условиях» говорит автор — Аллах ведает. Ясно только одно, что он проповедует ослабление классовой борьбы в интересах... революции. Подтвержденное опытом всей нашей революции положение о том, что победа этой революции будет тем полнее, чем больше обопрется революция на классовую борьбу пролетариата, ведущего за собой деревенскую бедноту против помещиков и либеральных буржуа, — это положение осталось для нашего автора тайной за семью печатями. «Объединение сил пролетариата с силами буржуазии» — вот в чем находит т. А. н. единственный залог торжества революции.

Но что это за буржуазия, на которую так много надежд возлагает наш автор? Слушайте:

«Реакционеры, — говорит наш автор, — особенно сильно борются с партией кадетов... так как... будущие господа России выделятся из того самого среднего класса, идеологию которого выражают кадеты. Вырвать у реакционеров государственную власть способна только созревшая для господства средняя буржуазия, этот класс является их прямым конкурентом и потому реакционеры боятся его больше всего». Вообще «во всех революциях реакционное сословие

¹ Слова, сказанные Г. В. Плехановым в его речи на Международном социалистическом конгрессе в Париже в 1889 году. — Ред.

не столько боялось революционеров, сколько умеренной буржуазии. Почему? Потому, что только этот класс является приемником бразд правления из рук старого режима, как это мы говорили выше. Следовательно, этот именно класс призван благодаря своей умеренной конституции сделать новый строй приемлемым для громадного большинства и таким образом уничтожить почву под реакцией» (см. «Азри» № 24). Но так как «буржуазия без пролетариата не сможет поставить новые порядки», то поэтому «пролетариату придется поддерживать буржуазную оппозицию» (см. «Дасацкиси» № 4).

Итак, «умеренная кадетская буржуазия с ее «умеренной» монархической конституцией — вот кто будет, оказывается, спасать нашу революцию.

А крестьянство, какова его роль в революции?

«Конечно,— говорит наш автор,— крестьянство вмешается в движение и придаст ему стихийный характер, но решающую роль будут играть только два современных класса: умеренная буржуазия и пролетариат (см. «Дасацкиси» № 4).

Итак, на крестьянство, оказывается, нечего особенно рассчитывать.

Теперь все ясно. Для торжества революции нужна умеренная кадетская буржуазия с умеренной конституцией. Но одна она не способна победить, ей нужна помощь пролетариата. Пролетариат должен ей помочь, ибо ему не на кого рассчитывать, вплоть до крестьянства, кроме умеренной буржуазии. Но для этого он должен отбросить свою непримиримость и, протянув руку умеренной буржуазии, повести общую борьбу за умеренную кадетскую конституцию. Остальное само собой приложится. Партия, видящая залог торжества революции в борьбе рабочих и крестьян против умеренной буржуазии и крепостников, — заблуждается.

Словом, вместо руководящей роли пролетариата, ведущего за собой крестьян, — руководящая роль кадетской буржуазии, ведущей за нос пролетариат.

Такова «новая» тактика тифлисских меньшевиков.

Разбирать всю эту пошло-либеральную рухлядь, по-нашему, нет необходимости. Необходимо только отметить, что «новая» тактика тифлисских меньшевиков является ликвидацией подтвержденной революцией партийной тактики, ликвидацией, требующей превращения пролетариата в хвостик умеренной кадетской буржуазии.

К. Ст.

„В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм? Во-первых и главным образом в борьбе против оппортунизма, который в 1914 году окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остается главным в международном масштабе. Этому врагу большевизм уделял и уделяет больше всего внимания“

(Ленин, т. XXV, стр. 179)

Телефонограммы В. И. Ленина в Московский совет в дни левоэсеровского мятежа

6 ИЮЛЯ 1918 ГОДА

Печатаемые ниже документы представляют собою телефонограммы, передававшиеся Владимиром Ильичем и по его поручению в Московский совет в дни левоэсеровского мятежа. Эти документы с чрезвычайной яркостью показывают Ленина как вождя государства пролетарской диктатуры, проводившего оперативное руководство мобилизацией масс и боями в дни левоэсеровского мятежа.

Восстание левых эсеров было одной из попыток этой партии вовлечь Советскую Россию в войну с Германией, чтобы сломить таким путем диктатуру пролетариата. Эта попытка была последним звеном в той восьмимесячной борьбе, которую вели левые эсеры против советской власти как органа пролетарской диктатуры. Левые эсеры упорно и настойчиво стремились устранить большевиков от руководства революцией и подчинить советскую власть блоку мелкобуржуазных партий. Они старались «сблизить» большевиков с контрреволюционными партиями, чтобы уничтожить таким путем пролетарский характер советской власти. Так, в своем заявлении II съезду советов они прямо писали, что «в использовании всех средств для сближения большевиков с покинувшими съезд партиями (т. е. с правыми эсерами и меньшевиками.—Ред.) левые эсеры... видят свою главную задачу». Будучи исключенными ЦК партии эсеров из партии (9 XI 1917 г.) и создав уже съезд, они все время пытались объединиться с правыми эсерами и на выборах в учредительное собрание выставляли свои кандидатуры по общему эсеровскому списку. На протяжении всего периода сотрудничества с советской властью они неизменно боролись против большевиков по коренным вопросам политики, требовали создания «оздоровленного социалистического правительства из представителей всех социалистических партий», требовали продолжения войны с Германией, вышли из Совнаркома в ответ на подписание Брестского мира и т. п.

С каждым поступательным шагом пролетарской революции левые эсеры все больше и больше противопоставляют себя диктатуре пролетариата и под прикрытием ультра-«революционных» фраз все дальше скатываются к открытой контрреволюции.

Поднятое по замыслу ЦК левых эсеров 6 июля 1918 г. восстание должно было быть проведено так, чтобы одновременно со свержением диктатуры пролетариата была возобновлена война с Германией. План восстания был следующий: сначала попытаться произвести свержение советской власти на съезде советов (открывшемся 4 июля). Если это не удастся (как это и оказалось в действительности, так как большинство съезда пошло за большевиками), то спровоцировать войну с Германией и одновременно с этим поднять в Москве антисоветское восстание.

После того, как съезд советов принял по докладам Ленина и Свердлова резолюцию, одобряющую деятельность ЦИК и СНК, и отверг предложение левых эсеров о разрыве Брестского договора, ЦК левых эсеров приступил к непосредственному осуществлению выработанного им плана. 6 июля 1918 г. член партии левых эсеров Я. Блюмкин явился в германское посольство и, вызвав посла, выстрелил в него, но промахнулся и бросил в него бомбу. Мирбах был убит. О том, каково могло быть значение этого

акта «взбесившихся мелких буржуа», как называл левых эсеров Ленин, для международного положения советской власти, свидетельствует тот факт, что в ответ на убийство Мирбаха германское правительство потребовало, чтобы советское правительство допустило ввести в Москву батальон немецких солдат, т. е. вооруженную силу для оккупации. Только благодаря решительному и категоричнейшему отказу советского правительства германское правительство сняло это свое требование.

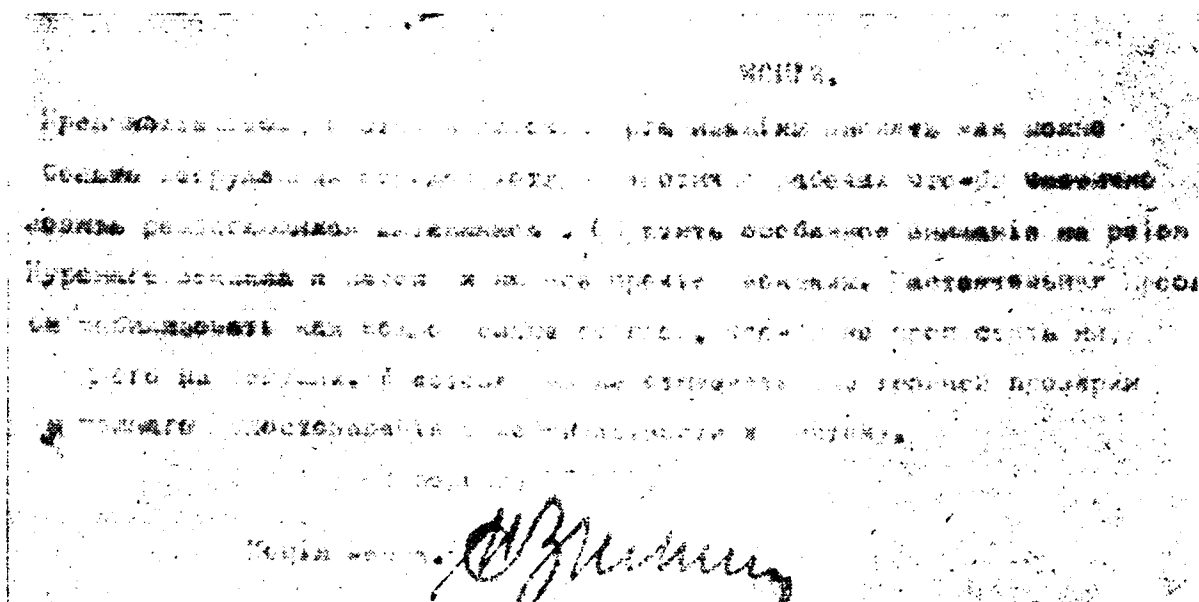
Тотчас же после убийства Мирбаха началось восстание левоэсеровских отрядов, заранее вооруженных и подготовленных к выступлению. Выступление начал отряд Попова, который арестовал т. Ф. Э. Дзержинского, приехавшего в отряд, чтобы арестовать скрывавшегося там Блюмкина. Восставшие захватили центральный телеграф и начали рассылать телеграммы, призывавшие к борьбе против большевиков и к поддержке правящей в настоящее время партии левых эсеров».

На самом деле этой партии «править» не удалось: уже к следующему дню, к 7 июля, восстание было ликвидировано силами московского пролетариата. Левые эсеры были выбиты из центрального телеграфа, и участники восстания, в том числе и отряд Попова, начали удирать из Москвы. Это отступление было заранее подготовлено. У восставших имелись подложные документы с поддельными подписями на бланках ВЧК, заготовленные левыми эсерами, работавшими в ЧК, в частности Александровичем, игравшим в заговоре руководящую роль.

Восстание левых эсеров было подавлено благодаря тому, что на стороне нашей партии стоял московский пролетариат и что наша партия в труднейших условиях, когда телеграф был занят и когда единственной формой связи был телефон, сумела блестяще организовать борьбу партии и рабочих масс против восстания.

Телефонограммы В. И. Ленина подготовлены к печати т. Г. И. Костомаровым. Для большей полноты картины в дополнение к телефонограммам публикуется ряд документов, обнаруженных в том же архиве и показывающих, как реализовывались Московским советом директивы т. Ленина.

Подлинники документов хранятся в Московском областном архивном управлении, фонд Моссовета за 1917 год, дело телефонограмм № 1.

1. ТЕЛЕФОНОГРАММА ¹

за № 16235 из Совета Рабочих Депутатов 6 июля в 4 часа 20 минут была подана от т. Ленина

Около 3 часов дня у здания германского посольства было брошено две бомбы и тяжело ранило графа Мирбаха, это явно дело монархистов или тех провокаторов, которые желают втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших чехо-словаков. Мобилизовать все силы поднимите на ноги всех поиски всех преступников задерживать все автомобили и держать их до трех проверок Ленин.

Президиумом предписывается принять немедленно самые энергичные меры для поимки и задержания преступников. Задерживать всех подозрительных и также автомобили и держать их до тройной проверки.

Президиум Московского Совета.

Принята 5 часов 30 минут дня, приняла Борисова. В уезды по случаю грозы тотчас передать не удалось. Борисова.

2. ТЕЛЕФОНОГРАММА ²

из МСРД Басманному, Лефорту. Железнодорож. и Сокольн. район

В этом направлении убегают левые с-ры в числе около 100 человек с броневином. Принять все меры к тому, чтобы задержать этот броневик. Бросая поленья на дорогу, устанавливая другие заграждения, запасаясь заранее ручными гранатами и бомбами. Предупредить рабочие организации в окрестностях Москвы по всем дорогам, по которым мог бы удирать броневик. Просят извещать немедленно, если будут сведения о появлении броневика с мятежниками.

Передал Ленин.
Приняла Рыкова.

¹ Телефонogramмы В. И. Ленина Московским Советом рассылались по всем районным и уездным советам рабочих депутатов. Оригиналы в своем большинстве писаны от руки, даты на многих отсутствуют, а на некоторых также отсутствуют №№. Оригиналы хранятся Мособлрхбюро, фонд Моссовета за 1918 г., дело телефонogramм № 1 на 119 листах. Кроме того в деле имеются документы, относящиеся к левоэсер, мятежу, о которых делаем ссылки особо. — Г. К.

² В оригинале дата отсутствует; судя по смыслу, последняя относится к 7 июля 1918 года.

3. ТЕЛЕФОНОГРАММА

от 7 июля 1918 г.

в 1 час дня

Предписать всем райсовдепам и раб. орган. немедл. выслать как можно больше вооруж. отрядов, хотя бы частично рабочих, чтобы ловить разбегающихся мятежников.

Обратить особенное внимание на район. Курск. вокз., а затем на все прочие вокзалы. Настоят. просьба мобилизовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих. Арестов. не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения непричастности к мятежу.

Передал Ленин.

Принял С. П. Смидович. Передала Додонова.

4. ТЕЛЕФОНОГРАММА

Копия телефонogramмы, полученной Московским Советом от тов. Ленина. Передайте во все районные советы, комиссариаты, как в Москве так и всех окрестностях, что проп. авт. действит. только с одной из подписей Ленин, Свердлов, Муралов и председателя М. С. Р. Д. Смидовича, авт. всех Народных Комиссаров и автобоев. отряда при Ц. Псп. Ком. задер. не подлежат — Ленин.

5. ТЕЛЕФОНОГРАММА

из Моск. С. Р. Д.

Передать в города и пригороды в окрестности на 50 верст пропускать кроме автомобилей Совнаркома, автомобили боевых отрядов. Задерживать все автомобили Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Арестовать всех левых эсеров членов этой комиссии, в особенности Закса и Александровича. Сомнительных по партийной принадлежности препровождать в Кремль до выяснения.

Подписал Ленин, передал Аксельрод. Принял Воронеж.....

6. ТЕЛЕФОНОГРАММА № 1939. Ц. 5530

из Совнаркома

Задержанные автомобили из комиссариата после тщательной проверки документов и справки в Кремле по телефону № 3-89-30 разрешить следовать на место назначения, а сколько-нибудь сомнительных автомобилей не выпускать. Обратить особое внимание на автомобиль № 2383.

Подписал Ленин, управделами Бонч-Бруевич. принял Воронеж...

7. КОПИЯ ТЕЛЕФОНОГРАММЫ, РАЗОСЛАННОЙ ВОЕННЫМ КОМИССАРОМ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ МОСКОВСКОГО РАЙОНА

от 7 июля 1918 года

Предписать всем Советам и рабочим организациям выслать как можно больше вооруженных отрядов хотя бы частично рабочих, чтобы ловить разбегающихся мятежников. Обратить особенное внимание на район Курского вокзала, а затем и на все прочие вокзалы. Настоятельная просьба мобилизовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих. Арестованных не отпускать без тройной проверки и полного удостоверения о не причастности к мятежу.

Подписал Ленин.

Копия верна: Н. Зимин.

Всем начальникам охраны ж. д.

Препровождая копию приказа, полученного от тов. Ленина, Военный Комиссариат предлагает немедленно установить наблюдение за всеми отъезжающими с вокзалов и по возможности проверку документов. Всех сколько-нибудь подозрительных задерживать и доставлять в Военн. Комиссар. (Вместе с тем доводим до сведения, что будут посланы дополнительные патрули, которым оказывать содействие).¹

Военный Комиссар Н. Зимин.

Печать Воен. Комиссар. ж.-д. района, Соск. уезда.

Передать на Александровскую по лит... Дианов...

и Киево-Воронежскую Панову нач. ох. Горбунову В. Рев.

К. Н. Зимин.

8. ТЕЛЕФОНОГРАММА МОССОВЕТА

№ 16310

Во все районные советы моск.

В 5 ч. дня контрреволюционная попытка отдельных авантюристов из партии левых с.-р., убийство Мирбаха. Сорвать волю 5-го Всероссийского Съезда Советов и вовлечь новую Россию в войну не удалось.

¹ В оригинале имеется приписка следующего содержания: «Президиум предписывает немедленно принять самые энергичные меры к задержке и поискам преступников. Задерживать все подозрительные автомобили и держать до трех проверок. Управляющий делами Шейдман».

Штаб мятежников занят и они в беспорядке бежали частью расп. по городу, сейчас наша конница преследует отступающих за Измайловскую Звериницу. Взяты десятки пленных — Президиум предлагает впредь до распоряжения все время быть наготове следить за революционным порядком, принять меры к разрушению рассеявшиеся контрреволюционные банды и отдельных мятежников в понедельник в 4 дня. К 1 часу дня Штаб Лев. С. Р., охваченный паникой, стал разбегаться подоспевшими нашими войсками освобождены все товарищи коммунисты в числе которых был председатель С. Раб. Депутатов тов. П. Г. Смидович, арестованный как и все остальные товарищи накануне лев. эсерами.

Подписал Игнатов.

Передала Андрианова. Принял Самсонов.

9. ТЕЛЕФОНОГРАММА М. С. Р. Д.

№ 16326. Всем район. Совд. от Презид. Моск. С. Р. Д.

Восст. мятежников подавлено. Последн. остатки деморализ. отр. Попова вместе со штабом окружены в имении Третьяково в 19 в. от М. Образована след. комиссия Кремль зд. Суд. Уст. к. № 37. Все документы и материалы, относящ. к восст. лев. с. р. представить в Комисс. немедленно. Обо всех арестах и освобожд. из под арестов сноситься с комиссией. Лев. с. р., занимающих ответ. посты сместить и заменить коммунистами. Чл. През. Фельдман.

10. ИЗВЕЩЕНИЕ М. С. Р. Д.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

К часу дня Штаб левых с. р., охваченный паникой, стал разбегаться, подоспевшими нашими войсками освобождены все товарищи коммунисты, в числе которых был председатель Сов. Раб. Депутатов П. Г. Смидович, арестованный, как и все остальные товарищи накануне левыми с. р.

Подписал Игнатов. Передала Андрианова, принял Самсонов.

11. ТЕЛЕФОНОГРАММА В ЛЕФОРТОВСКИЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ

Антонов приказал занять станцию Черкизово и установить связь между стан. Черкизово и Лефортово, делать это осторожно, так как от Лефортово идет наш Ла-

[illegible]

местного обсуждения ряда вопросов об организации вопроса по освобождении арестованных.

Член Следствен. Комиссии Кингисепп.
Член Президиума Фельдман.

14. ИНСТРУКЦИЯ
МОСК. ГУБ. Р. С. К. Д. О ЛИКВИДА-
ЦИИ ПОСЛЕДСТВ. ЛЕВОЭСЕРОВСКОГО
МЯТЕЖА НА МЕСТАХ ¹.

1) Представители с мест освещают свои Советы о происшедших событиях.

2) Советы должны немедленно и беспощадно отобрать оружие у буржуазии обывательщины и даже у некоторых рабочих, враждебно настроенных Советам.

3) Советы, в которых военными комиссариатами, а также комиссиями по борьбе с контрреволюцией, ведают левые с. р. они должны быть закреплены за коммунистами.

4) Данные с. р., которые не совсем являются благонадежными по отношению нашей партии, разоружить, причем левых с. р. сочувствующих большевикам, стараться склонить на нашу сторону и разоружения не производить.

5) Советы устанавливают дневное и ночное дежурство и через каждые 6 часов доводит до сведения центра о положении дела.

6) Советы назначают комиссаров в боевые единицы, поручаем им:

¹ Фонд Моссовета за 1917--18 гг. Дело общей переписки. Мособтархив. Лист не пронумерован.

3. Задержанные у левых эс-эров автомобили передать в распоряжение Автоцентра, которому вести точный учет поступающих автомобилей и регистрации по №№.

26

1) информировать красноармейцев о случившихся событиях, о провокационных выступлениях групп левых с. р. и об убийстве Мирбаха; 2) следят за порядком в красноармейских рядах и посылают помощь Московскому центру по первому требованию, оставляя нужные силы на месте.

7) Советы знакомят ячейки отрядов и отряды, явно стоящие на нашей стороне и сочувствующих нам о происшедших событиях и их возможных последствиях.

8) Советы приводят в боевую способность все отряды наши вооружают всех работников коммунистов и им сочувствующих для посылки их в Москву при призыве центра.

9) Советы берут телеграф и телефон в свое ведение.

10) Советы должны связаться с отдельными коммунистами и сочувствующими среди железнодорожных служащих и рабочих для того, чтобы установить фактический контроль над железной дорогой (тщательный надзор над передвижением противных нам отрядов).

11) Все районные и волостные Советы подчиняются уездным Советам.

12) В уездных и районных советах, где коммунисты в меньшинстве, доводят до сведения Губернского центра о положении дел на месте для принятия соответствующих мер.

13) Советы завязывают сношение между собой для оказания помощи на случай опасности со стороны противной партии.

14) Советы сообщают каждые 6 часов о положении дел на месте в центр.

Копия верна.

К о п и я.

15. ВОЗЗВАНИЕ МОСК. ГУБ. СОВЕТА Р. С. И К. ДЕПУТАТОВ

К о всем рабочим, крестьянам и
красноармейцам

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Товарищи. Совершилась та провокационная работа, которая так неминуемо проводилась всеми контрреволюционными меньшевиками, правыми эсерами, англо-французскими империалистами и кучкой безумных интеллигентов — левых эсеров. Граф Мирбах, представитель германского правительства, был убит подлым предателем Российской революции, по постанов-

лению ЦК партии левых эсеров, мнивших себя большинством трудового народа, но фактически являвшихся ничтожной кучкой выразителей деревенского кулачества, деревенской буржуазии, не подчинившейся воле Всероссийского Съезда Советов, истинных представителей воли пролетариата и беднейшего крестьянства. Тот, кто мало-мальски разбирается, знает, что значит убийство представителя правительства. Убийство графа Мирбаха грозит социалистической России новой войной с германским правительством. Германская военная партия жаждет случая, дабы ринуть свои полчища на революционную Россию, задавить революцию и сделать истерзанную 4-летней войной Россию ареной ожесточенной схватки мирового империализма и в корне уничтожить социалистическую Россию, превратив ее в поле схватки двух противоположных империалистов. Всякий сознательный рабочий, крестьянин и красноармеец, кто знает условия, при каких проходит Российская революция социалистической России, заключившая позорный, тяжелый Брестский мир, дабы дать возможность Российскому пролетариату отдохнуть от 4-летней войны, восстановить в корне истрепавшуюся промышленность, наладить транспорт, железные дороги и урегулировать продовольственный вопрос, так остро стоящий перед революционной Россией, восстановить боевую мощь революции, дабы собравши все свои силы и энергию дать решительный бой мировому империализму, тот с проклятием, негодованием и с мечом в руке обрушится на предателей, изменников, давших возможность, благодаря убийству официального представителя германского правительства, втянуть истерзанную Россию в новую войну, заранее обреченную на поражение. Всякий революционер, кому дорога революция, должен заклеить такой позорный предательский акт кучки интеллигентов безумцев левых эсеров проклятием и ожесточенной борьбой с тем, кто поставил революционную Россию на край гибели, на новую войну, против желания трудового народа, против воли 5-го Съезда Советов. Они не ограничились убийством графа Мирбаха, они подготовили восстание в центре, думая захватить власть в центре и двинуть социалистическую Россию на немедленную войну без средств, без транспорта и исчисления боевой силы. Но революционный пролетариат, революционная Красная армия в корне подавили восста-

ние, заставив позорно бежать ничтожные кучки безумцев предателей.

Товарищи рабочие, крестьяне и красноармейцы! Четвертый чрезвычайный Съезд Советов одобрил мирную политику Советов Народных Комиссаров и заключил позорный и тяжелый для России Брест-литовский мир, зная заранее, что пролетарские массы измучены 4-летней империалистической войной, не в состоянии вести дальнейшей войны. 4-й чрезвычайный Съезд знал, что рабочие массы с ним и против войны, за мир, хотя бы и тяжелый, дабы дать отдохнуть пролетарским силам и с новой силой, энергией и энтузиазмом ринуться на мировых империалистов захватчиков и с помощью мирового пролетариата свергнуть капиталистические правительства мира и построить новый, основанный на лозунге: долой тиранов, прочь оковы, не нужно старых рабских пут, мы путь земле укажем новый, владыкой мира будет труд.

Предательское выступление приспешников империалистов, белогвардейцев, левых эсеров не дало возможности довести наше дело до конца, они поставили нас под угрозу войны. От вас, товарищи рабочие,

крестьяне и красноармейцы, зависит дальнейшая судьба революции.

Еще не ослабли силы пролетарские, жив революционный дух в пролетарских массах.

Все к оружию, все в ряды Красной армии! Революция в опасности. Только сознательное отношение к данному моменту выведет нас из тяжелого положения, в которое мы попали благодаря контрреволюционному выступлению кучки безумцев, предателей, мнимых революционеров — левых эсеров.

Да здравствует всеобщее обучение и вооружение пролетарских масс для борьбы с мировым империализмом! Да здравствует Красная армия! Да здравствует коммунистическая, советская Россия! Смерть всем контрреволюционерам, безумцам, предателям революции! Мировая революция идет и несет избавление всему трудящемуся классу всего мира.

Президиум Москов. Губернского Совета Раб. и Крестьянских Депутатов.
Губ. Военный Комиссариат.

С картины худ. Вейдемана

Величайшая веха международного значения

«Главное свое воздействие на международную революцию,—говорил Ленин,—мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения».

С тех пор, как Ленин дал эту оценку международного значения строительства социализма страной диктатуры пролетариата, прошло более десяти лет. За эти годы правильная большевистская политика коммунистической партии, руководимой ленинским ЦК во главе с т. Сталиным, привела к победоносному строительству социализма в Советском союзе, к гигантскому его воздействию на международную революцию.

Самый главный и бесспорный итог социалистического строительства первой пятилетки, завершаемой в этом году,—это создание социалистической крупной машинной индустрии как базы социализма, собственной базы для завершения реконструкции всего народного хозяйства, превращения страны мелкого и мельчайшего земледелия в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники.

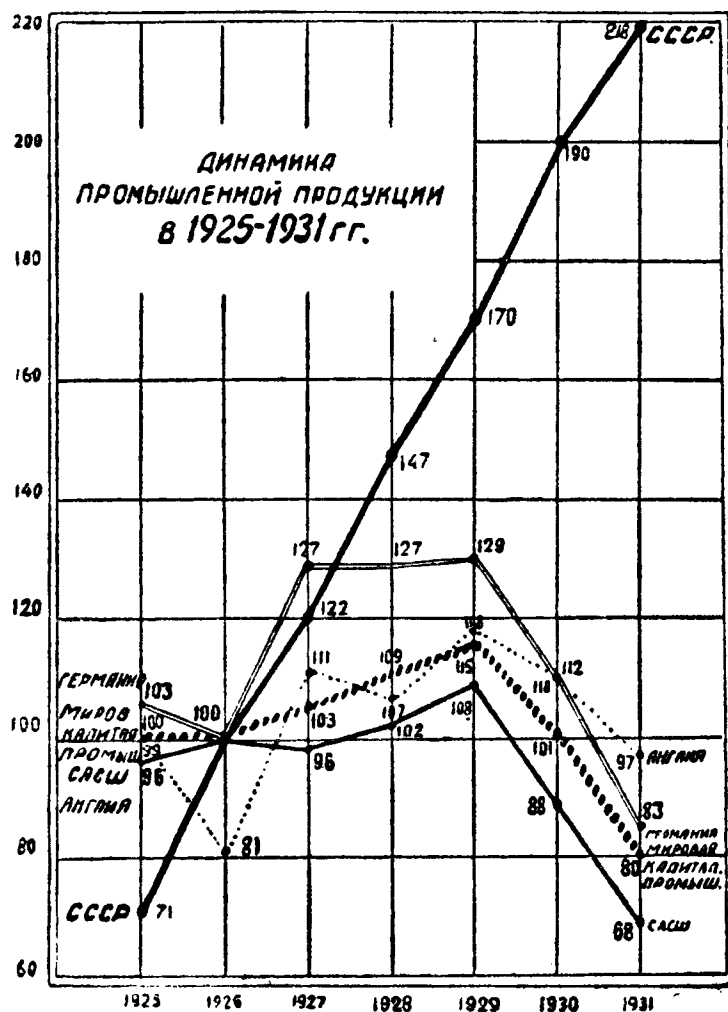
Советский союз, осуществляя развернутое социалистическое наступление по всему фронту, успешно ликвидирует кулачество как класс, этот последний, самый многочисленный капиталистический класс в стране, на основе сплошной коллективизации, что предвещает полную ликвидацию в недалеком будущем капиталистических элементов и полное уничтожение классов. Если на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г. партия констатировала, что ленинский вопрос «кто кого» решен в пользу социализма в области промышленности, то с завершением фундамента социалистической экономики к концу 1931 г. этот во-

прос решен окончательно и бесповоротно в пользу социализма как в городе, так и в деревне.

Эти успехи строительства социализма в Советском союзе имеют всемирно-историческое значение и приобретают международный характер, колоссальный международный характер, ибо на Советскую республику смотрят трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения.

Международное значение этих успехов заключается прежде всего в том, что СССР превратился в величайшую крепость социализма, которую не только «голыми руками не возьмешь», а каждый вершок земли которой будет защищаться миллионами энтузиастов социалистического строи-

У нас и у них

Поставим большевистскую технику тракторостроения на службу нашей коллективизации

тельства, вооруженных технически и политически. На защиту СССР придут десятки и сотни тысяч рабочих капиталистических стран, убедившихся в том, что путь СССР, путь диктатуры пролетариата — единственный для пролетариата всех стран. Международное значение этих успехов заключается в том, что «рабочий любой страны, что трудящийся любого государства имеет возможность сравнить результаты господства буржуазии в капиталистических государствах с результатами, с первыми еще результатами, господства рабочего класса в стране пролетарской диктатуры» (Молотов).

На фоне все обостряющегося мирового экономического кризиса в странах капитализма — вернейшего показателя близкого крушения всей капиталистической системы — с особенной яркостью выделяются в результате осуществления большевистских темпов и ликвидации в основном паразитических классов следующие всемирно-исторического значения итоги в СССР.

«В результате осуществления большевистских темпов социалистического строительства и ликвидации в основном паразитических классов уже в первом пятилетии ликвидируются основы и источник эксплуатации человека человеком, растут недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета (пауперизм), уничтожаются «ножницы цен» и противоположность между городом и деревней, растет из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян, падает смертность и быстро возрастает народонаселение СССР» (из резолюции XVII партконференции).

Эти итоги — лучшее доказательство преимущества социалистической системы перед капиталистической.

Эти преимущества настолько отчетливо теперь видны всему миру и в первую голову рабочим, что «теоретики» Второго интернационала, современные социал-фашисты, эта база мировой буржуазии, наряду с продолжением клеветы на СССР, с оценкой пятилетки как плана преимущественно военного усиления Советского союза, наряду с оценкой экономики СССР как госкапиталистической стали в последнее время усиленно заигрывать с лозунгом социализма. Они воспевают сейчас плановость как средство против кризисов и проектируют плановость в рамках капитализма. Признавая успехи социализма в СССР, они «скорбят» лишь об одном его пороке: об отсутствии демократии. И отсюда вывод — лучше притти к социализму мирным путем, без свержения власти буржуазии, через демократию. Слишком очевидны лживость и лицемерие социал-фашистской демагогии и игры лозунгом социализма. Весь его смысл — в том, чтобы посеять новый обман среди масс, создать иллюзию, будто социал-демократия борется за социализм и будто социализм без пролетарской революции может вырасти из капитализма.

Именно опыт Советского союза говорит массам против этих «теорий». Именно этот опыт разоблачает демагогию буржуазии и ее агентуры, этот опыт говорит о том, что достигнутые успехи стали возможны только в условиях диктатуры пролетариата. Спутать карты социал-демократическим шуллерам не удастся. Ясно, что «социализм», которому они присягают, есть не что иное, как приманка, ко-

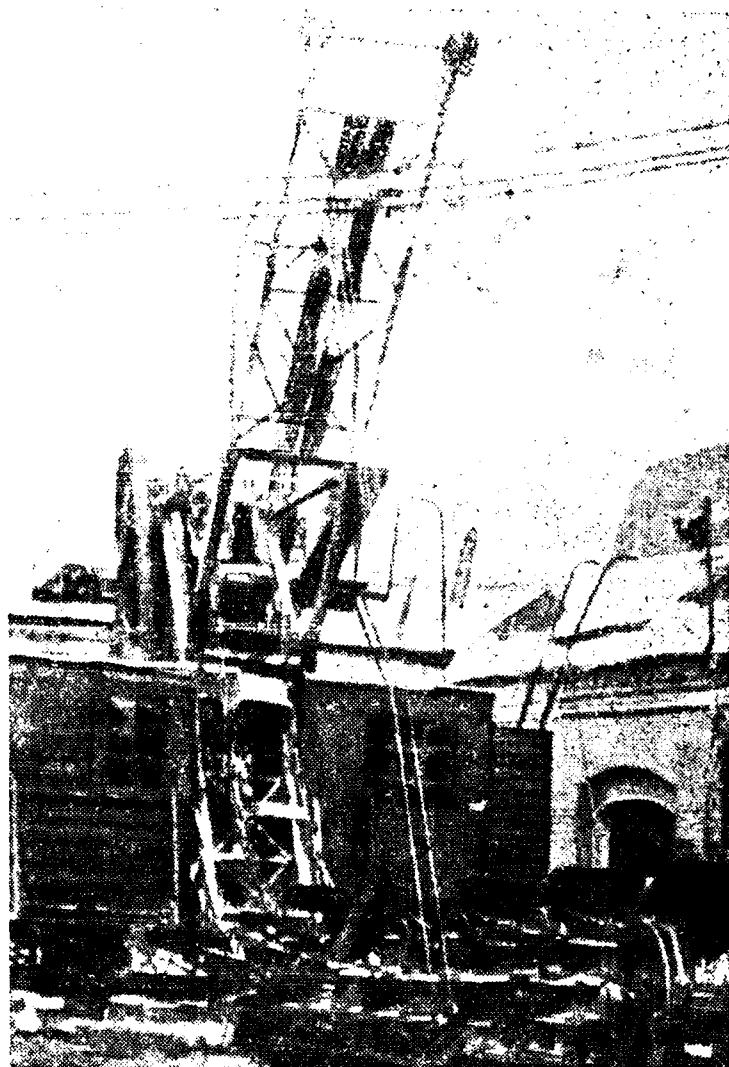
торая должна служить попытке капиталистического выхода из кризиса.

Освобождаемся
от иностранной зависимости

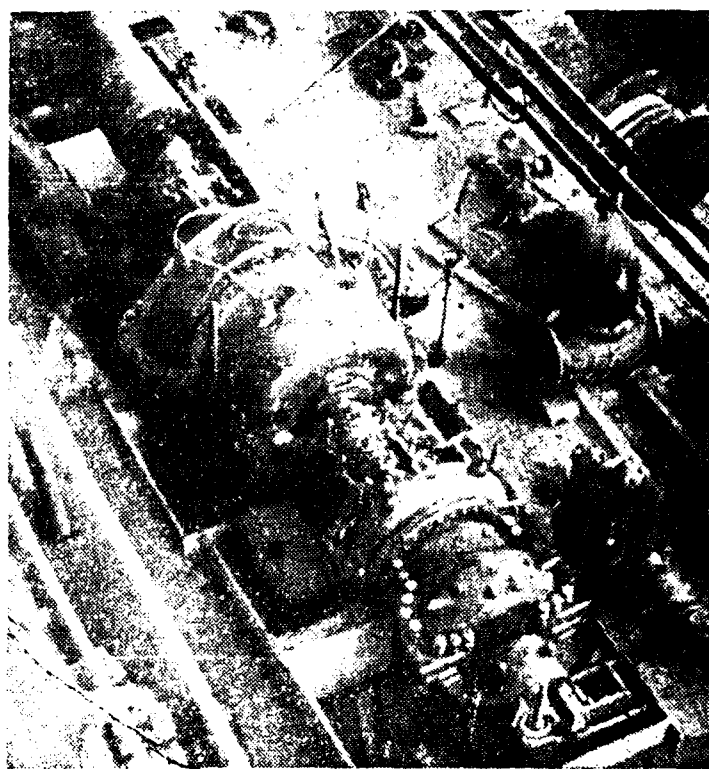
Но если безмерно велико международное значение первой пятилетки, то еще более грандиозное значение для мирового революционного пролетарского движения приобретает директива XVII партийной конференции о второй пятилетке, программа которой после развернутой разработки ее со стороны партийных, советских, хозяйственных, кооперативных, профессиональных и комсомольских организаций будет внесена на утверждение XVII съезда ВКП(б).

Директивы по второй пятилетке так определяют ее основные политические задачи: «Огромные природные богатства страны, большевистские темпы социалистического строительства, растущая активность широких масс рабочих и колхозников и правильная линия партии полностью обеспечивают такое развертывание производительных сил социалистического хозяйства во втором пятилетии, на основе которого будут окончательно ликвидированы капиталистические элементы в СССР. Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества». Это — задача небывалая в истории человечества. Это — практическая программа социализма, программа построения в течение ближайшего пятилетия социалистического общества в Советском союзе. Вторая пятилетка — величайшая мировая историческая веха. Социализм на наших глазах превращается из «музыки будущего» в дело сегодняшнего и завтрашнего дня.

Еще XVI съезд ВКП(б) дал директиву обеспечить за СССР «экономическую самостоятельность, оберегающую Советский союз от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства». Во исполнение этой задачи в первом пятилетии была развернута грандиозная работа по превращению СССР из страны, ввозя-

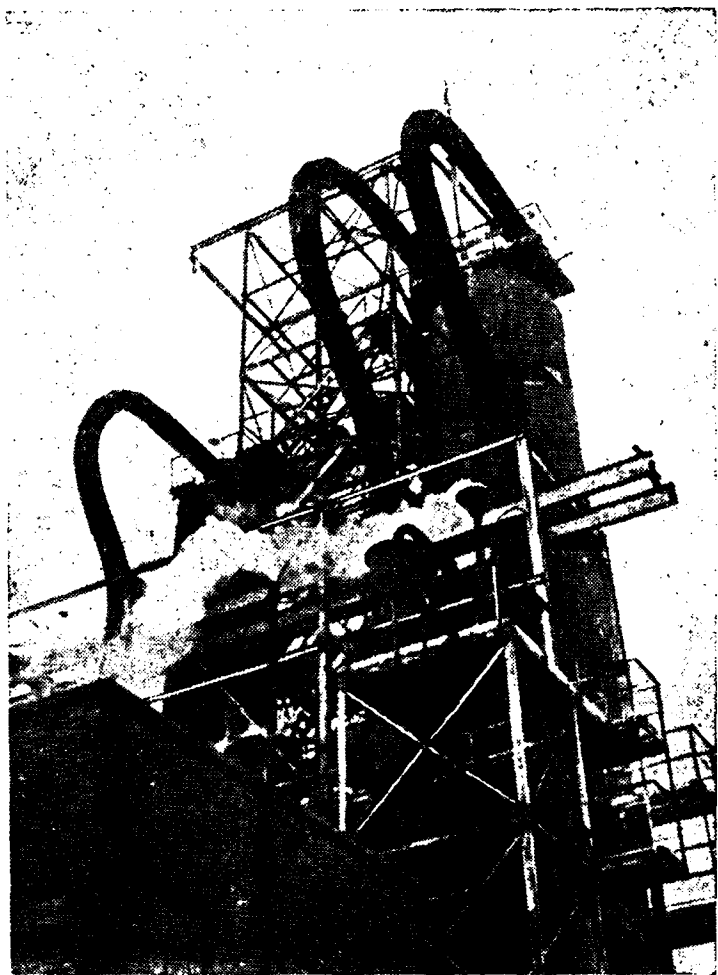

Мощный экскаватор, изготовленный на заводе «Красный металлист» (Москва)

Установка на Чегресе советской турбины, изготовленной на заводе им. Сталина (Ленинград)

Наша страна никогда не будет
придатком капиталистических стран

Трубочатка „Фостер-Биллер“ (Грозненский нефтеперерабатывающий завод)

щей машины и оборудование, в страну, которая самостоятельно производит машины и оборудование.

Дальнейшая гигантская работа по технической реконструкции всего народного хозяйства страны пролетарской диктатуры по промышленности, транспорту и сельскому хозяйству выдвигает СССР во второй пятилетке на первое место в Европе в техническом отношении. Во второй пятилетке на основе полной коллективизации сельского хозяйства, роста крупных государственных сельскохозяйственных предприятий и вооружения совхозов и колхозов передовой машинной техникой, укрепления транспортной связи и товарооборота между городом и деревней будут созданы условия для полного устранения противоположности между городом и деревней.

«Все это,—заявляет директива XVII партконференции,—создает для СССР возможность уже во втором пятилетии догнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны по

ряду хозяйственных отраслей». При этом, исходя из ликвидации паразитических элементов и общего роста народного дохода, целиком идущего в распоряжение трудящихся, дана категорическая директива о том, что «должен быть достигнут значительно более быстрый подъем благосостояния рабочих и крестьянских масс и при этом решительное улучшение всего жилищного и коммунального дела в СССР». Директива также гласит, что «обеспечение населения основными потребительскими товарами, и в том числе предметами питания, уже к концу второй пятилетки увеличится не менее чем в два-три раза против конца первой пятилетки».

Враги Советского союза и международной пролетарской революции—весь капиталистический мир, его подлая агентура в среде рабочего класса: социал-фашисты, троцкизм, этот передовой отряд контрреволюционной буржуазии,—пытались доказать неосуществимость первой пятилетки, убеждая рабочих, что эта пятилетка — демагогия большевиков, пустая фантазия, социальная Шехерезада.

Классовые враги пролетариата изо дня в день доказывали широким массам капиталистических стран бессмысленность «большевистских затей» и пророчествовали крах, провал пятилетки, а вместе с нею и всей советской системы и диктатуры пролетариата. Теперь успехи пятилетки вынуждены признать и они. Пусть попробуют теперь даже «левые» теоретики выступить публично с отрицанием этих успехов—их засмеют!

Победила генеральная линия партии. Трудящиеся Советского союза под руководством ленинской партии и ее ЦК во главе с тов. Сталиным героическими творческими усилиями, величайшим трудовым энтузиазмом преодолели трудности, стоявшие на их пути, сокрушили сопротивление классовых врагов и проишки вредителей. Партия большевиков, преодолевая трудности и разбивая сопротивление классового врага, добилась решающих успехов в строительстве социализма, выполняя пятилетку в четыре года в ожесточенной классовой борьбе против открытого классового врага, против буржуазной теории троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране и неизбежности реставрации капитализма. Партия

добилась этих решающих успехов в непримиримой борьбе на два фронта и прежде всего против главной опасности на данном этапе — правого оппортунизма, этой агентуры контрреволюционного кулачества, стремившегося сорвать политику социалистического строительства.

В дальнейшей борьбе за генеральную линию ВКП(б), в растущей активности рабочих и колхозных масс, в революционной поддержке международного пролетариата — залог того, что вторая пятилетка будет полностью выполнена.

И теперь, когда на основе грандиозных успехов социалистического строительства в Стране советов ленинская партия большевиков приступила к подготовке второй пятилетки и дала такие директивы по ней, которые поднимают еще выше энтузиазм строителей социализма, еще более мобилизуют пролетариев всего мира, еще решительнее обеспечивают экономическую независимость и обороноспособность СССР, теперь международная контрреволюция делает новые попытки оклеветать Советский союз, дискредитировать дело социализма, сировоцировать войну против страны пролетарской диктатуры. Ибо классовый враг знает, что СССР благодаря своим успехам в строительстве социализма, благодаря тому, что он — ударная бригада международной пролетарской революции, все больше становится центром притяжения рабочих всех стран и угнетенных всего мира. Классовый враг знает, что революционное значение Советского союза растет, что Советский союз крепнет как база международного социализма.

Что может эксплуатироваемым массам всего мира, угнетенным и поработанным народам колониальных и полуколониальных стран противопоставить капиталистический мир, столь самоотверженно спасаемый партиями II интернационала?

Все углубляющийся мировой экономический кризис? Все увеличивающаяся безработица? Все большее ограбление, обнищание и обездоленность масс? Все большую фашизацию государственного аппарата? Все большее «вползание в войну», началом чего служит военное нападение на Китай японского империализма, поддержанное Лигой наций и II интернационалом, нападение, уже превратившееся в открытую войну?

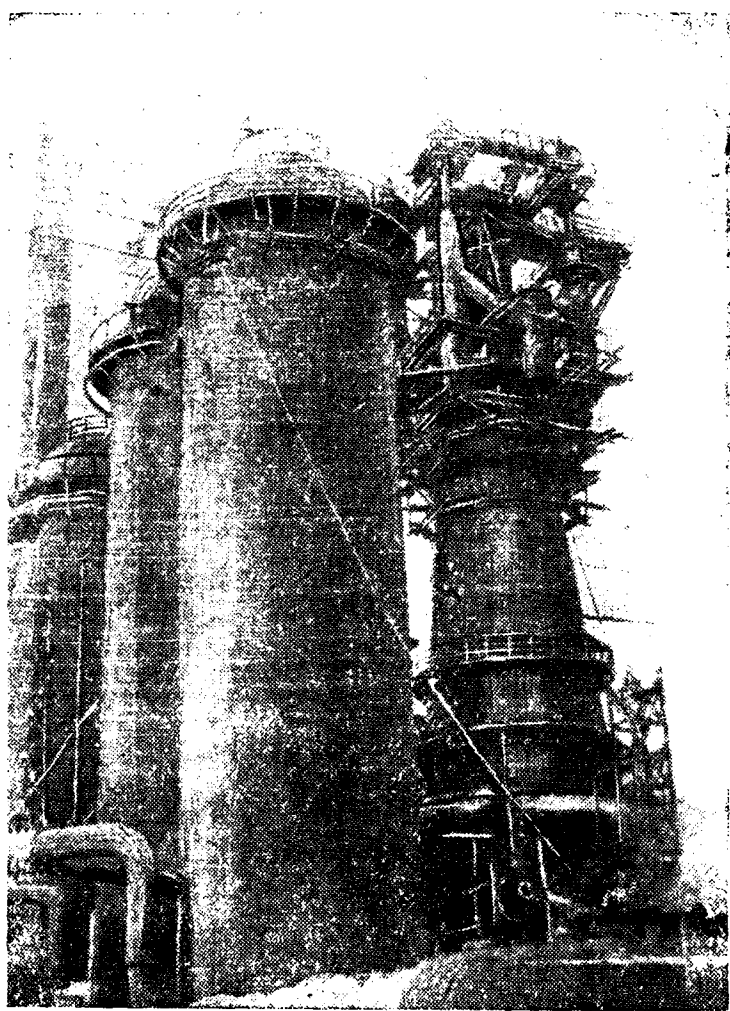
«Ясно, что с международной точки зрения наш успех, победоносный успех строительства социализма, воплощенный в успешном осуществлении первой пятилетки, теперь, в первых намечках второй пятилетки, для рабочих и трудящихся всех стран говорит о том, что будущее — не за господством буржуазии, а за диктатурой пролетариата, что факты говорят против капитализма, в пользу социализма» (Молотов, речь на XVII партконференции).

Первая пятилетка вызвала огромный энтузиазм передовиков международного пролетариата. Первая пятилетка была активно поддержана трудящимися капиталистических стран. Построение во второй пятилетке бесклассового социалистического общества, создающее новую эпоху в истории человечества, вызовет активную поддержку новых миллионов рабочих всего мира.

За вторую пятилетку, пятилетку дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата, еще более, чем за первую, пролета-

У них домны тушатся.

У нас задуваются

1 мая будет пущена эта домна Косогорского завода. Она даст 400 тонн чугуна в сутки

риат и колхозники Советского союза будут бороться не одни, а рука об руку с пролетариатом всех стран.

Миллионы трудящихся во главе с рабочим классом под руководством Коммунистического интернационала становятся стеной на защиту единственной страны диктатуры пролетариата, в которой невиданными темпами растет социализм, где воплощается в жизнь то, во имя чего беззаветно боролся ряд поколений рабочего класса.

Поддержать Советский союз—маяк коммунизма, охранить Советский союз, строящий бесклассовое социалистическое общество, защитить Советский союз—

ударную бригаду международной пролетарской революции, все больше и больше становится делом чести, делом славы, делом доблести и героизма каждого пролетария, каждого трудящегося в каждой стране, во всем мире.

Наш долг, долг трудящихся Советского союза.—сплотившись еще теснее вокруг партии Ленина, нашего ЦК во главе с тов. Сталиным, с честью закончить нынешний год, чтобы еще крепче, еще уверенней приступить к построению второй пятилетки—этой величайшей мировой исторической вехи, определяющей новую эпоху в жизни человечества.

„Интересы строительства социализма в нашей стране целиком и полностью сливаются с интересами революционного движения всех стран, в один общий интерес — победы революции во всех странах“

(Сталин, речь на VII пленуме ИККИ)

Изучение истории Коминтерна в свете письма т. Сталина

Доклад в Обществе историков-марксистов 20, I 1932 г.

Письмо т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» является историческим документом не только для историков ВКП(б), но и для историографии мировой коммунистической партии — Коминтерна. Это письмо является крупнейшим политическим документом, который послужил во всех коммунистических партиях мощным толчком для того, чтобы начать чистку тех идеологических политических пережитков социал-демократического прошлого, влияния враждебных большевизму мелкобуржуазных идеологий, которые до сих пор мешают большевизации отдельных коммунистических партий. Я думаю, что ни в какой мере не будет преувеличением, если мы скажем, что это письмо т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» является началом нового этапа большевистской историографии Коминтерна, так же, как и ВКП(б), что оно поднимает эту историографию на большевистскую высоту и является мощным усилителем той боевой повседневной ленинской работы, которая разворачивается во всех секциях Коминтерна против всех проявлений чуждых мелкобуржуазных влияний в политической работе компартии.

В своем докладе я буду касаться только некоторых, наиболее важных задач, вытекающих из письма т. Сталина, подчеркивая в первую очередь важнейшие методологические моменты и отнюдь не претендуя исчерпать в этом докладе огромное богатство мыслей, указаний, данных т. Сталиным для всех секций Коминтерна и для всех работников, занимающихся изучением истории Коминтерна, изучением большевизма.

Наша секция, секция истории Коминтерна Общества историков-марксистов, которая образуется теперь, должна, хотя и с некоторым, даже немалым запозданием, немедленно взяться за то, чтобы реализовать основную задачу, которая вытекает из письма т. Сталина, в области изучения истории Коминтерна, изучая также

конечно и историю I и II интернационалов.

Задача эта состоит в том, чтобы, во-первых, с точки зрения новых задач оценить те работы, которые производились до сих пор в области истории Коминтерна, а также истории I и II интернационалов, проводя эту работу по указанию т. Сталина, т.-е. заостряя внимание против троцкистских и иных фальсификаторов, систематически срывая с них маски и соблюдая классовую бдительность. Во-вторых, эта задача состоит в том, что историки Коминтерна на основе этого письма т. Сталина должны наконец из стадии общих пожеланий и обещаний, из стадии подготовки планов перейти к действительному исследованию истории Коминтерна, к монографическому исследованию важнейших моментов и важнейших проблем международного рабочего, крестьянского, колониального и национально-освободительного движения, производя эту работу по указанию т. Сталина так, чтобы и в этой области поднять вопросы истории международного большевизма, вопросы истории Коминтерна на должную высоту, поставить изучение ее на научные большевистские рельсы. Исходным пунктом, первоочередной задачей вновь созданной секции Коминтерна Общества историков-марксистов является именно реализация этих указаний т. Сталина в его письме «О некоторых вопросах истории большевизма».

Я перехожу к главным методологическим указаниям т. Сталина, вытекающим не только из последнего его письма, но и из других его работ, связанных с борьбой против троцкизма, а также и против всех уклонов от ленинизма в Коминтерне и в его передовой секции — ВКП(б). Основные методологические указания для изучения истории Коминтерна на основе работ т. Сталина можно было бы формулировать таким образом:

ЛЕНИН НА I КОНГРЕССЕ
КОМИНТЕРНА

Интересы международного пролетариата и задачи международной революции представляют единое и нераздельное целое. Из этого единства и нераздельности вытекает и единство и нераздельность основных проблем истории большевизма в России и международного революционного рабочего движения.

Это основное общеметодологическое указание для историографов Коминтерна дано было т. Сталиным в совершенно законченной, отчетливой форме еще на VII расширенном пленуме ИККИ, когда т. Сталин в борьбе против троцкистов, говоря о единстве и нераздельности национальных и интернациональных задач международной революции, сказал следующее:

«Вопрос касается проблемы о «национальных» и интернациональных задачах пролетарской революции в той или иной стране. Партия исходит из того, что «национальные» и интернациональные задачи пролетариата СССР сливаются в одну общую задачу освобождения пролетариев всех стран от капитализма, что

интересы строительства социализма в нашей стране целиком и полностью сливаются с интересами революционного движения всех стран, в один общий интерес — победы революции во всех странах... Поэтому утверждение единства и нераздельности интересов и задач пролетариев одной страны с интересами и задачами пролетариев всех стран является вернейшим путем победы революционного движения пролетариев всех стран. Именно поэтому победа пролетарской революции в одной стране является не самоцелью, а средством и подспорьем для развития и победы революции во всех странах».

Эти указания были сформулированы т. Сталиным в борьбе с троцкизмом по вопросу о возможности построения социализма в одной стране. Если мы сравним эти указания т. Сталина с теми указаниями, которые он дал относительно вопросов истории большевизма в борьбе против троцкистских фальсификаторов этой истории, против тех «историков», которые льют воду на мельницу троцкистской контрабанды, то увидим их полное един-

ство. Единство политической стратегии и исторической методологии т. Сталина основано конечно на единстве материалистической диалектики Маркса, Энгельса, Ленина.

Чрезвычайно интересно с этой точки зрения сравнить вышеприведенную цитату с тем местом письма т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции», где он говорит об основных вопросах революции, которые были поставлены большевиками уже во время II интернационала не только как вопросы русской, но как вопросы международной революции.

«Да, русские большевики,—пишет т. Сталин,—выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции вроде вопросов о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций, об освободительном движении угнетенных наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п. Они выдвигали эти вопросы как пробный камень, на котором они проверяли революционную выдержанность левых с.-д. на Западе. Имели ли они на это право? Да, имели. Не только имели, но обязаны были поступать таким образом. Они обязаны были поступать таким образом, так как все эти вопросы были вместе с тем коренными вопросами мировой революции, задачам которой подчиняли большевики свою политику, свою тактику».

(разрядка наша).

Из этого указания т. Сталина следует единство большевизма. Большевизм не был и не есть «национальное явление», как это утверждали Троцкий, Тальгеймер, Брандлер или Отто Бауер. Однако большевизм не существовал и не мог существовать и как «западноевропейский» большевизм, как писали о люксембургизме «историки» от Брандлера — Тальгеймера до Реннера, или скажем как «болгарский большевизм», как болгарские тесняки вплоть до последнего времени говорили о так называемом тесняцком социализме. Из единства и нераздельности интересов и задач международного пролетариата следует единство большевизма

как теории, стратегии и тактики, и из этого единства большевизма вытекает единство методологии разработки не только истории ВКП(б) и Коммунистического интернационала, но и истории I и II интернационалов. Другими словами, мы должны применять большевистское мерило, мерило, данное Лениным и Сталиным, при изучении политики, организации и всей работы I и II интернационалов. Нет другого мерила для изучения всех периодов международного рабочего революционного движения, кроме единственного подлинно марксистского, ленинского метода, т.-е. большевизма. Другого марксизма нет, а так называемый «историзм», о котором позже еще будет речь, или «марксизм» Рязановых является прикрытием либо всяких уклонов от ленинизма, как это было у т. Минца и других, либо же гнуснейшей прямой и открытой изменой марксизму, рабочему классу и революции, как получилось с Рязановым.

Не случайно, товарищи, что против сталинской постановки вопросов истории международного рабочего движения в полном единодушии выступают все ренегаты Коммунистического интернационала, все те, которые перешли на другую сторону баррикад, перешли в лагерь контрреволюции. Против той постановки вопроса, которая дана в письме т. Сталина, выступают не только троцкисты, но в полном согласии с ними все брандлеровцы, так же как и социал-фашисты и социал-демократы, разного толка «левые», так же как и правые, но в первую очередь конечно «левые» социал-демократы Германии.

Брандлеровцы, троцкисты и другие группы контрреволюционного лагеря, все они начали свою новую кампанию с брани по адресу т. Сталина; все они пытаются теперь взять Розу Люксембург под свою «защиту» от так называемого «сталинского нападения». Наиболее активны в этой «защите» Брандлер и Тальгеймер, которые уже несколько лет тому назад заявили о том, что руководящая роль ВКП(б) в Коммунистическом интернационале является «злым роком». Они сейчас выступают «широким фронтом»,—поскольку вообще для них, для этой кучки, возможен широкий фронт,—против письма т. Сталина, но это выступление представляет собою жалкое отступление под ударами сталинского письма. Те люди, которые вопреки всем своим усилиям не могли расколоть Коммунистический интернацио-

нал, теперь своими выступлениями под видом «защиты» Розы Люксембург хотят «расколоть», разделить ее на две части, и брауншвейгцы в отступательном маневре вынуждены в последних своих статьях заявлять, что Роза по вопросам русской революции была неправа, но зато по вопросам германского рабочего движения, как они говорят, она была целиком и полностью права. В своей газете «Арbeiterpolitik» они пишут следующее:

«Для правильной оценки дела жизни Р. Люксембург недостаточно установить, что она, в противовес Ленину, была неправа в вопросах русского рабочего движения и в национальном вопросе, а надо было в первую очередь проанализировать, как Р. Люксембург расценивала основные вопросы германского рабочего движения и как она действовала в моменты серьезных исторических поворотов».

Спрашивается: имеются ли в основных вопросах революции, о которых говорит т. Сталин в своем письме, т.-е. в вопросах о роли партии, о диктатуре пролетариата, о национальном вопросе, о колониальной политике, буржуазно-демократической революции и т. д., — имеются ли среди этих основных вопросов революции такие вопросы, которые не являются общими для всех коммунистических партий, не являются ли эти вопросы, говоря словами т. Сталина, «коренными вопросами мировой революции»? Например вопрос о роли партии — разве он не является общим вопросом русской и германской революций? Можно ли разрешить вопрос о роли партии принципиально иным образом в Германии, иным в России, иным в Соединенных штатах Америки или в Балканских странах? Пример Розы, пример германской революции 1918—19 гг., пример венгерской революции 1919 г., пример сентябрьского восстания в Болгарии в 1923 г., пример испанской революции наглядно показывают, что на этот вопрос можно дать лишь один ответ: нет, невозможно.

Возьмем сначала не «старую» Розу довоенного времени, а ту, которая написала после опыта Октябрьской революции программу коммунистической партии Герма-

нии, так называемую «Спартакс-программу», и посмотрим, что она писала о роли партии в этой программе, не в отношении России, а в отношении Германии.

«Союз «Спартак», — говорится в этой программе, — не является партией, которая хочет достигнуть господства над рабочими массами через самые рабочие массы. Союз «Спартак» — это часть пролетариата, наиболее ясно сознающая свои цели, указывающая пролетариату на каждом шагу его исторические задачи, отстаивающая на каждом отдельном этапе революции конечную цель социализма. Союз «Спартак» никогда иначе не возьмет государственную власть, как в результате ясной и недвусмысленной воли огромного большинства пролетарской массы во всей Германии, не иначе, как в силу сознательного согласия этой массы с перспективами, формами и методами борьбы союза «Спартак».

Здесь, товарищи, о партии, о ее роли сказано то же самое, что и почти во всех брошюрках и книжках о II интернационале довоенного времени. А это писалось не только после известной статьи т. Ленина о брошюре Юниуса, не только после Октябрьской революции, а после того, как спартаковцы, после долгих колебаний и значительного опоздания, все же решили создать самостоятельную партию. Правда, здесь имеются элементы прогресса. Сравнивая этот тезис программы с брошюрой Розы, написанной во время войны, мы видим, что Роза здесь подчеркивает, что спартаковский союз является наиболее ясно сознающей свои цели частью пролетариата. Но если мы возьмем эту формулировку целиком, мы увидим, что в программе «Спартак» почти совершенно стирается грань между партией и классом. Роль партии сформулирована таким образом, что Роза как бы обороняется от обвинений шейдемановцев и каутскианцев в том, что диктатура пролетариата является «диктатурой над пролетариатом», и не говорит о том, что решительная борьба за революционную диктатуру пролетариата возможна только под руководством компартии. Несомненно, что эта теоретическая ошибка в вопросе о роли партии сказалась и в тактике союза «Спартак» во время январских боев, когда «Спартак» ожидал.

Венгерская Красная армия
в 1919 г.

чтобы пролетариат Германии сначала выражал свое «сознательное согласие» с перспективами, формами и методами борьбы союза «Спартак», и считал, что лишь после этого можно будет перейти к решительным действиям.

В программе «Спартак», выработанной Розой, ничего не говорится именно о роли партии как сознательного авангарда, как вождя, как организатора борьбы рабочего класса. Даже в 1918 г. партия для Розы Люксембург является только агитатором и пропагандистом.

Эти ошибочные взгляды Розы были ошибками прежде всего по коренным вопросам именно германской революции.

Существует ли связь между ошибкой Р. Люксембург по основному вопросу германской революции и ошибкой Р. Люксембург по вопросам русской революции, ошибкой, которую даже ренегаты брандлеровцы не могут вполне отрицать? Несомненно, что между взглядами Р. Люксембург в 1905 г. и взглядами Люксембург даже во время создания компартии Германии,—как это видно по программе «Спартак»,—есть непосредственная, неразрывная и прямая связь. Партия для нее и в 1918 г., так же, как и в 1905 г., является агитатором-пропагандистом в Германии, так же, как и в России. Задача партии состоит не в

организации революции, а только в агитации и пропаганде революции, задача партии — в том, чтобы развязать революцию. Мы могли бы показать эту несомненную прямую связь между взглядами Розы по вопросам русской и германской революций и на других примерах, на вопросах диктатуры пролетариата, террора и т. д.

Конечно, товарищи, несмотря на все это. Розу нельзя трактовать как законченную меньшевичку, а это делается иногда некоторыми товарищами. Во многих вопросах революции она существенно отличалась от меньшевиков, от социал-демократов, центристов. Возьмем хотя бы вопросы ревизионизма, вопрос об отношении к либеральной буржуазии, некоторые вопросы колониальной политики. Но на одном примере ее отношения к вопросу о роли партии,—я не хочу загромождать свой доклад другими примерами,—можно точно установить, что основные вопросы мировой революции, международного рабочего движения, так же, как и задачи и интересы международного пролетариата, едины и нераздельны. Ошибки в вопросах русской революции неизбежно ведут к ошибкам в вопросах революции других стран. Те, которые взяли теперь Р. Люксембург под свою защиту,—троцкисты, брандлеровцы, «левые» социал-демократы, вроде беззубого старика Ледебу-

ра (который недавно в органе Зейдевица говорил даже о том, что он был «левее» большевиков, левее Ленина, что «Ленин недостаточно поддерживал его», кажется по колониальному вопросу).—все эти Троцкие, Брандлеры, Ледбуры, Отто Бауэры и др. хотят теперь разделить единую Розу на «немецкую», на «польскую» и на «русскую». Эта кампания делает все это для того, чтобы принизить Р. Люксембург до уровня вульгарного эклектизма троцкистов, брандлеровцев и других социал-фашистов.

Методологический источник ошибок Р. Люксембург состоит в первую очередь и главным образом в том, что она заменяла диалектику эклектизмом, что она вообще не была последовательным материалистическим диалектиком. Она была механическим материалистом. Но этот орел, как ее иногда называл Ленин, никогда не опускался так низко, как хотят это показать контрреволюционеры, ренегаты, социал-фашисты под видом ее «защиты от нападения Сталина». Они хотят сделать из нее вульгарную меньшевичку, вульгарную социал-демократку типа Брандлера, Отто Бауэра или Ледбура. Политическая цель этой «защиты» Розы ясна! Те, которые хотели тащить весь Коминтерн в троцкистское, в социал-демократическое болото, не могут не попытаться использовать в этих целях и Розу.

Есть и другие попытки «защитить» Розу Люксембург и германских левых радикалов от большевистской критики и

«оправдать» люксембургизм и левый радикализм, объявляя его «большевизмом другого периода», другой эпохи, другого типа рабочего движения. Они говорят, что нельзя, мол, требовать от Люксембург и от левых радикалов, чтобы они были такими большевиками, какими были русские большевики во главе с Лениным. Такова эта «защита». Большевистским взглядам по вопросам истории I, II и III интернационалов, единству методологии истории всего международного рабочего движения противопоставляется попытка защищать все немарксистское эпохи I, II и даже III интернационала. Под видом этого так называемого «историзма» не только социал-демократы, не только ренегаты, но иногда и некоторые коммунисты—оппортунистические, либеральные элементы—хотят защищать Розу Люксембург, германских левых радикалов, польских социал-демократов, болгарских тесняков, все ошибки и уклоны коммунистов в венгерской революции, в особенности все ошибки и уклоны компартии в руководстве революционными выступлениями пролетариата в первом периоде Коминтерна. Под видом такого «историзма» трусливо скрывается пнилой либерализм.

Взгляды такого «историзма» были высказаны несколько времени тому назад одним из коммунистических литераторов, который считал, что «отрицательные стороны» учения Розы Люксембург

«в условиях Германии довоенного времени, когда там еще не было не-

Венгерский отряд
Красной армии

посредственной революционной ситуации, и в условиях Германии сейчас же после войны, когда там еще не было массовой коммунистической партии, способной совершить пролетарскую революцию, представляли не большую опасность».

Это конечно вздор! «Отрицательные стороны» учения Люксембург являлись наиболее крупной опасностью внутри партии именно в моменты создания компартии Германии, когда учение Розы пользовалось огромным авторитетом среди революционных слоев германского пролетариата, когда ленинизм-марксизм эпохи империализма и пролетарской революции не разбил еще социал-демократической идеологии в рабочем классе, не проник еще достаточно глубоко во всю гущу широких масс рабочего класса во всех странах. Учение Розы Люксембург было наиболее опасным препятствием на пути развития к большевизму именно в это время. Несмотря на все заслуги Розы в борьбе против ревизионизма, она в 1904 г., сразу после оформления большевизма, поставила перед большевизмом преграду. О борьбе между большевиками и меньшевиками более или менее широкие круги актива западного рабочего движения узнали из антибольшевистской статьи Розы, опубликованной в «Нее цейт» в 1904 г. Весь авторитет Розы среди левых элементов во II интернационале направлялся таким образом против большевизма, хотя иногда на съездах РСДРП и конгрессах II интернационала она блокировалась с Лениным.

Примерно такие же «исторические» установочки были высказаны некоторыми болгарскими товарищами. Эти товарищи утверждали, что теснячество являлось «своеобразным большевизмом в условиях Болгарии», и хотели таким «историзмом» спасти тесняцкие пережитки, тормозящие дело большевизации болгарской компартии, одной из старейших и лучших в настоящее время секций Коммунистического интернационала. Эти взгляды конечно были неправильными взглядами, и как таковые они были в 1930 г. осуждены Коммунистическим интернационалом.

Такие же примерно взгляды высказываются иногда и венгерскими товарищами, членами или бывшими членами коммунистической партии Венгрии. Эти товарищи под маской «историзма» старались также

защищать наши роковые ошибки, которые допустили мы,—в первую очередь я,—в революции 1918—19 гг. в Венгрии в связи с непониманием роли партии, в связи с непониманием характера венгерской революции и стоящих перед ней задач буржуазно-демократического характера роковые ошибки, вытекающие из непонимания социально-экономической структуры Венгрии и ленинской стратегии в аграрно-крестьянском вопросе.

Под видом «историзма», под видом «защиты» Розы, болгарского теснячества, венгерской партии этот «историзм» фактически принижает Розу, принижает болгарское теснячество, принижает исторические заслуги венгерской революции, отрицая возможность и необходимость применения суровой большевистской критики, применения большевистского мерила к Розе, к теснячеству, к венгерской революции.

С этим «историзмом», лежащим в основе «теории ручейков», нужно покончить, ведя борьбу за подлинно большевистскую историю Коммунистического интернационала, историю международного революционного движения. Нужно ли доказывать, что такой «историзм» не является марксистским историзмом? Для марксиста конечно все категории являются историческими категориями. Но никому из марксистов не придет в голову отождествлять марксову политическую экономию, рассматривающую все категории как исторические категории, с историзмом так называемой «исторической школы», с историзмом, скажем, Рошера и других вульгарных экономистов. Никому из марксистов не придет в голову отождествлять историзм марксизма с тем «историзмом», который отрицает всякую принципиально-теоретическую постановку вопросов политической экономии. Совершенно прав был т. Сталин, когда он в 1927 г. в борьбе против троцкистов, в защиту ленинского наследия, в защиту ленинизма как дальнейшего развития марксизма, сказал:

«Нельзя требовать от Маркса и Энгельса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в период монополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся спустя больше чем полстолетия, в период развитого монополистического капитализма».

Вот это есть подлинный марксистско-ленинский историзм!

Но Роза Люксембург и болгарские тесняки, и венгерские коммунисты, скажем, в моем лице,—словом, все те, кто в руководстве революционной борьбой пролетариата совершил антибольшевистские, антимарксистские, антиленинские ошибки люксембургского характера (или же независимо от Р. Люксембург,—я отнюдь не хочу свалить всю вину на нее),—мы все о б я з а н ы были видеть эти «возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся в период монополистического капитализма». Мы жили не в периоде домонополистического капитализма и мы должны были суметь подметить «новые возможности пролетарской революции в новых условиях капитализма», особенно когда мы имели уже опыт большевизма и русской революции. Эти ошибки не могут быть вычеркнуты никаким «историзмом». Исторические объяснения, вроде приведенного нами выше, являются фактически не чем иным, как попыткой оправдания ошибок. Такой метод в разработке истории Коминтерна нам не нужен. Деятельность Розы Люксембург и компартий Германии, Венгрии, Болгарии, Польши требует несомненно суровой большевистской критики, требует применения именно большевистского мерила. Так называемый «историзм» фактически приписывает исторические заслуги Розы Люксембург, так же как и теснячества, как и революции 1918—19 гг. в Германии и в Венгрии, и закрывает путь к большевизации братских партий, затрудняет использование из этого наследства всего того, что может быть использовано для организации новых успешных, победоносных боев пролетариата.

Это тем более необходимо подчеркнуть потому, что история Коминтерна должна стать мощным оружием борьбы против социал-демократов, ренегатов и т. п., которые распространяют клевету о механическом внедрении и применении опыта ВКП(б) в других секциях Коминтерна. Опыт германской, венгерской революций, опыт революционных выступлений польских, болгарских пролетариев говорит именно о том, что все неудачи на фронте революционной борьбы являются следствием того, что компартии, руководители этих боев, не применили большевистского опыта, не сумели применить его.

Препятствием к применению большевистского опыта являлись в первую очередь социал-демократические традиции люксембургского или иного толка.

Посмотрим теперь, куда ведет в настоящее время этот «историзм», который применяется к прошлому. Ответ на этот вопрос дают австромарксисты, выступая по поводу письма т. Сталина. В лице австромарксистов троцкисты, троцкистские контрабандисты и те, которые льют воду на мельницу троцкистской контрабанды, нашли своих защитников. «Арбейтер цейтунг», центральный орган австромарксистов, поместил передовую статью о письме т. Сталина. «Больше теории» — таково название этой передовицы, которая вероятно написана Отто Бауэром. Автор этой передовицы удивляется тому, что т. Сталин, который «царствует», как он говорит, над страной со 150 миллионами жителей, который индустриализирует страну и т. д., что он находит время для того, чтобы заниматься и теорией. «Арбейтер цейтунг» признает даже, что в этом отношении австромарксистам нужно кое-чему научиться у т. Сталина. Но, продолжает он, теория, наука не может развиваться при диктатуре. Наука может процветать «только при полной свободе исследования и учения, в свободной конкуренции мысли». Для свободного развития науки нужна полнейшая демократия, вроде конечно той, которая существует в Австрии. Вот какое развитие теоретической мысли противопоставляют австромарксисты большевистской непримиримости письма т. Сталина:

«Возьмем к примеру последние работы, касающиеся материалистического понимания истории — основы марксизма. Двухтомное произведение Каутского строит понимание истории на биологии, на учении Дарвина.

Эмпирическая социология Нейрата кладет в основу бегавиористскую психологию американцев. Остроумный этюд Эдуарда Геймана в его книге «Капитализм и социализм» интерпретирует его с точки зрения религиозного идеализма. Это — яркий пример противоположных друг другу некоторых точек зрения в связи с марксизмом, которые проповедуются в этих статьях и книгах, и все же мы не боимся ни эклектизма.

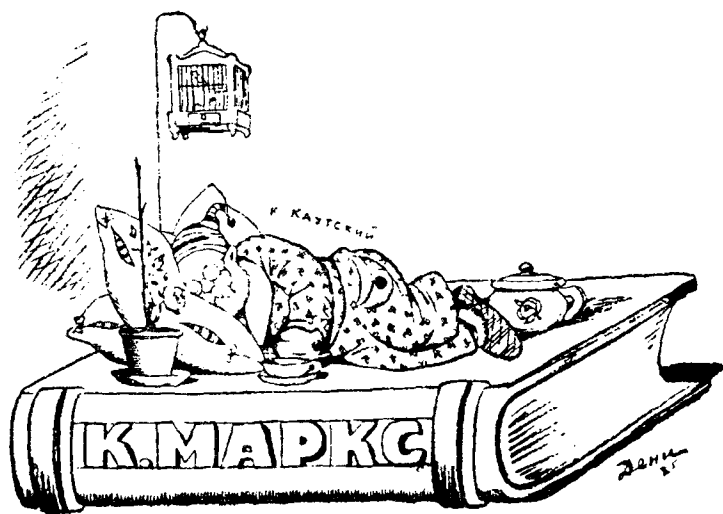
который может возникнуть из соединения марксизма с духовными течениями другого происхождения, ни разделения марксизма на философские и на научные отличные школы мнения. Потому что как раз свободным индивидуальным сопоставлением со всеми жизнеспособными духовными течениями, как раз в усвоении всего того в духовной жизни нашего времени, что несет в себе способность к развитию, приобретает социалистическая теория новые богатства и новую притягательную силу».

Не такой ли «свободы» хотели и троцкисты и брандлеровцы, и «леваки», и примиренцы в Коминтерне, все те, которые проповедывали теории перманентной революции, «организованного капитализма» и т. д., которые призывали «подвергать все сомнению»?

Случайно ли то, что эта «притягательная сила» социал-фашизма потянула к себе героя августовского блока, контрреволюционера Троцкого, к железному фронту «социал-демократии», поддерживающей правительство Брюнинга, и к фронту Гитлера — Гугенберга на пути к власти в германской республике? Я думаю, что это не случайно. Это есть притягательная сила именно для Троцкого.

Письмо т. Сталина, указывая на большевизм как на единственное мерило революционности в оценке прошлого международного рабочего движения, ставит перед нами задачу сделать историю I, II интернационалов и Коминтерна могучим орудием, как говорил Ленин, «охраны идейной и политической самостоятельности партии пролетариата», а еще работа по Ленину есть «постоянная и безусловная обязанность социалистов» (он это писал в 1905 г.).

А это означает единство и нераздельность истории большевизма и истории Коминтерна. Только вооружившись историческим опытом большевизма, не только методом, как говорили ренегаты, отходя в лагерь контрреволюционеров, а именно историческим опытом большевизма, историография Коминтерна может стать орудием «охраны идейной и политической самостоятельности партии и пролетариата». Руководящая роль ВКП(б) основана на интернационализме учения большевистской партии. на интер-

национализме, который возник совсем не одновременно с руководящей международной ролью ВКП(б) в левом крыле рабочего движения или с русской революцией, а тем паче с возникновением Коминтерна. Этот интернационализм ленинизма возник раньше, чем оформился организационно большевизм на II съезде РСДРП. Учение Ленина являлось все время, как он говорил, «последним словом социализма». Для того, чтобы большевизму удалось завоевать идейную гегемонию в международном революционном рабочем движении, руководить международным движением всего революционного рабочего класса, трудящихся крестьян, угнетенных наций и колониальных народов, для того, чтобы это руководство осуществить на деле, необходимы были такие всемирно-исторические события, как мировая война и победа Октябрьской революции, которая закрепила руководящую роль большевизма в международном революционном рабочем движении. Победоносная борьба ВКП(б) на фронте гражданской войны, на фронте социалистического строительства, победоносная борьба ленинского ЦК под руководством т. Сталина против троцкистов, против правого уклона, против примиренчества к ним,—все это являлось условием продолжения большевизации всех коммунистических партий во всех капиталистических странах, очистки их от социал-демократических, анархо-синдикалистских пережитков, приспособления Коминтерна к выполнению тех революционных задач, которые победоносно разрешала и разрешает под руководством Ленина и Сталина ВКП(б).

Из сказанного вытекает: мы должны разрабатывать вопросы исто-

рии Коминтерна под углом зрения большевизации компартий. Вопрос о наследстве II интернационала решается не иначе, как посредством применения большевизма, как единственно пролетарско-революционной, последовательно марксистской теории, к изучению всего международного рабочего движения.

Коммунистический интернационал складывался из разнообразных элементов левого рабочего движения под идейным и организационным руководством большевиков. Единство и нераздельность интересов и задач международного революционного пролетариата при создании Коминтерна выражались именно в том, что Коминтерн в целом принял платформу, предложенную ЦК большевиков во главе с т. Лениным, но эта платформа означала в то же время уже первую плотину перед «ручейками», перед небольшевистскими идейными течениями, между прочим и перед люксембургизмской и анархо-синдикалистской теориями, сторонники которых в небольшом числе вошли в Коминтерн. Вступление их в Коминтерн означало уже с первых шагов более или менее сознательный отход их от небольшевистского прошлого периода II интернационала, переход на сторону большевизма.

Переход многих сторонников левых радикалов и других небольшевистских левых течений периода II интернационала на сторону большевизма не является случайным, поскольку большинство их состояло из стихийных революционеров, отрицающих теорию и тактику социал-шовинистов и центристов II интернационала, искало во время революционного кризиса руководителя в сознательно революционной большевистской партии победоносного русского пролетариата. Но не случайно и то, что те из них, которые не могли отойти от старых небольшевистских теорий (люксембургизма, голландского марксизма, теснячества, анархо-синдикализма и т. п.), отчасти перед ре-

шающими выступлениями, отчасти во время революционной войны отошли не только от Коминтерна, от организации сознательных большевистских пролетарских революционеров, но отошли и от стихийной революционности и почувтились раньше или позже в лагере контрреволюции.

Большевизироваться было не легко, писать историю Коминтерна — важная составная часть дальнейшего выполнения этой трудной задачи.

Несколько слов еще о тематике при реализации указания т. Сталина в области истории Коминтерна.

Я думаю, что прежде всего надо констатировать огромное отставание в этой области. Приблизительно 2 года тому назад на конференции по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и истории Коммунистического интернационала я поставил в своем докладе перед товарищами, занимавшимися историей Коминтерна, несколько чрезвычайно важных задач. В связи с письмом т. Сталина, как каждый честный труженик, который хоть немного писал или говорил в этой области, я перелистал то, что писал и говорил об истории Коммунистического интернационала. Я нашел там ряд неправильных формулировок, но вместе с тем я убедился в том, что те правильные задачи, которые были когда-то поставлены на этой конференции, не осуществлены до сих пор даже на 10 проц. Это — в то время, товарищи, когда кадры несомненно растут! Они растут не только количественно, но несомненно растут и качественно. И вот, несмотря на это, мы не сделали не только семимильных шагов в этом направлении, но совершили не больше, чем несколько коротеньких шагов.

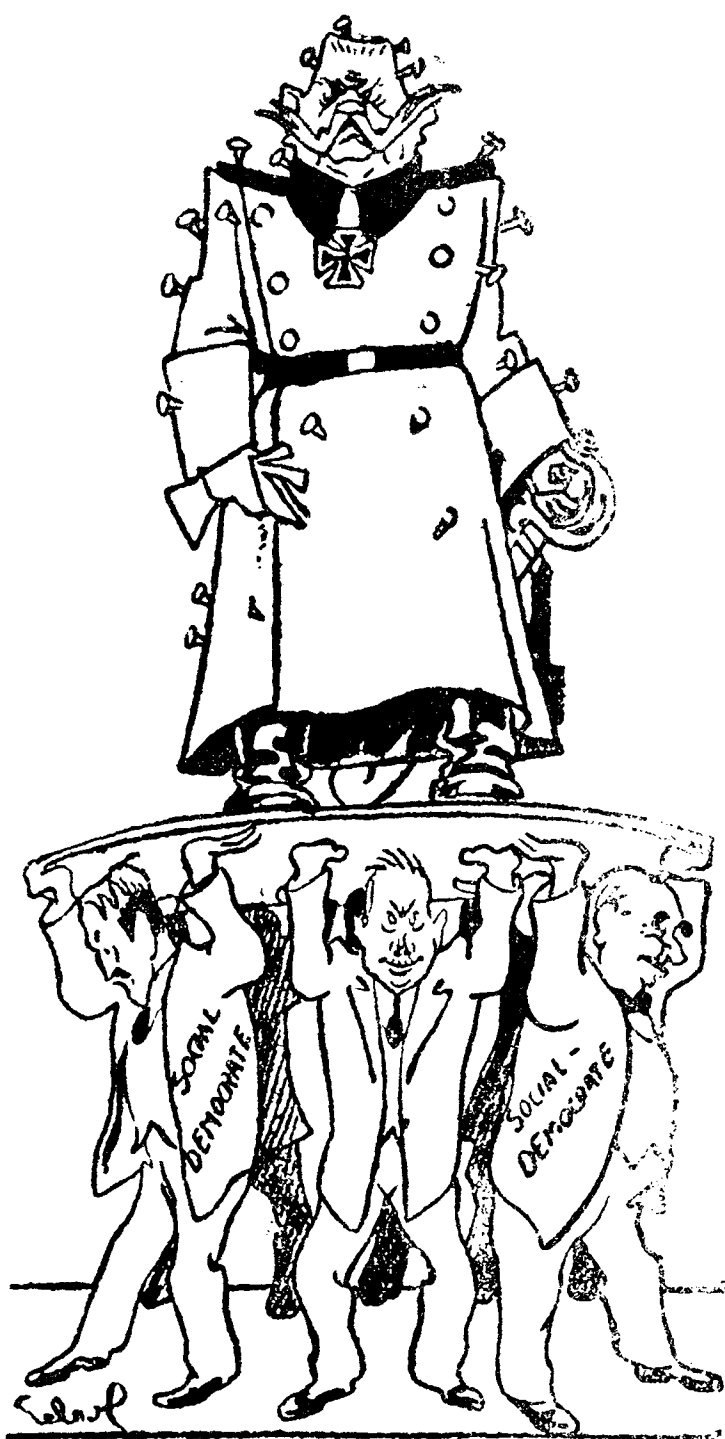
Это особенно нужно теперь установить, когда перед нами встает ряд чрезвычайно важных задач в связи с письмом т. Сталина. Раньше мы значительно меньше говорили о задачах в связи с изучением истории I и в особенности II интернационала. Теперь же приходится говорить значительно больше, — в особенности о II интернационале. Вопрос, от какого наследства отказываемся и от какого не отказываемся, стоит сейчас во всей широте.

Я имею в виду не только Гуревича, который является самым доподлинным троцкистским контрабандистом, написавшим троцкистскую контрабандную историю Коммунистического интернационала, кото-

рого мы на этой конференции критиковали, хотя и далеко не достаточно. Вопрос сейчас стоит не только о таких историках, как т. Ленднер, который, будучи в Коммунистическом интернационале, не мог отличить правую часть от «левой» части, правый уклон от «левого» уклона, а потому оказался в обоих уклонах, но не сразу и не в одно и то же время (с м е х).

Не только о таких историках идет сейчас речь, не только от их наследства нужно очистить историографию Коммунистического интернационала. Нужно суметь по-большевистски эту историю написать. Здесь речь идет не только о том, что мы должны, скажем, Баевскому, Бантке и другим товарищам помочь преодолеть их ошибки, но речь идет о том, что нужно будет заняться созданием подлинно большевистской истории I и II интернационалов. Нужно заняться положительной разработкой этой истории. Возьмите Рязанова, возьмите Стеклова и других, занимающихся как монополисты историей I и II интернационалов. Могут их писания хоть мало-мальски выдержать большевистскую критику? Я думаю, что нет. Помимо этого имеется ряд работ в архиве Грюнберга, выходящем в Германии, где принимают участие не только виднейшие ученые социал-демократы, но где пишут иногда даже «коммунисты». В этом журнале уже давно «разрабатываются» вопросы истории I и II интернационалов, а в последнее время — вопросы истории Коммунистического интернационала. Например недавно там была помещена статья по истории коммунистической рабочей партии Германии. Там принимают участие например Корш и другие соратники Троцкого, утверждающие подобно Слуцкому, что Ленин не только не боролся с каутскианством, но и сам был под влиянием Каутского. Из этого видно, что Слуцкий даже не был оригинальным в своей контрреволюционной клевете на Ленина.

Мы должны бороться с исторической «объективностью» школы и журнала Грюнберга, который несомненно читается многими коммунистами. Необходимо создать историю I и II интернационалов, разработать вопрос о роли Маркса и Энгельса в эти периоды международной борьбы рабочего класса, учитывая при этом то, что писал Ленин в своих работах в смысле методологических и политических указаний об истории I и II интернационалов. Только таким образом можно восстановить пол-

„Меньшее зло“ германских социал-фашистов

ностью картину о преемственности большевизма, Коминтерна в течение всего международного рабочего движения, которая скрывалась такими «объективными» историками, как Стеков, Грюнберг, не говоря уже о Рязанове.

Письмо т. Сталина означает поворотный пункт не только потому, что оно ставит задачу создания большевистской истории Коминтерна, но и потому, что оно выдвигает задачу проверки всей идеологической работы компартий. Я сошлюсь сейчас только на статью т. Тельмана об очистке идеологии германской коммунистической партии от меньшевистской контрабанды бывшего троцкиста Эммеля и др. То об-

стоятельство, что Эммель и другие, похожие на него, могли фальсифицировать правильную политическую линию компартии Германии в пропагандистском журнале в связи с основными вопросами и характером германской революции, это не есть только следствие того, что опыт большевизма недостаточно до сих пор передан западноевропейским коммунистическим партиям. И в этом отношении работа ждет вас.

В связи с письмом т. Сталина троцкисты, брандлеровцы в полном единодушии наполнили свои органчики брехней о «сталинском периоде» в истории Коминтерна. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что последний период Коммунистического интернационала войдет в историю Коммунистического интернационала действительно как сталинский период большевистской непримиримой борьбы за ленинизм, за обеспечение ленинской идейной чистоты, идейной и политической самостоятельности коммунистических партий. Возьмем только главнейшие исторические завоевания этого периода, когда во главе Коминтерна стал т. Сталин, когда Коммунистический интернационал работал под ленинским руководством т. Сталина.

Тов. Сталин дал нам формулировку ленинизма как интернационального учения, как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции, как теории и тактики пролетарской революции вообще, теории и тактики пролетарской диктатуры в особенности. Сравним эту подлинно-ленинскую формулировку ленинизма как международного учения, данную т. Сталиным, с определением ленинизма «интернационалистом» Зиновьевым, который хотел ограничить ленинизм, изображая его как некое национальное ограниченное учение, как крестьянский марксизм отсталой страны. Сравним это определение ленинизма, данное т. Сталиным, с формулировками т. Бухарина, у которого получается нечто вроде рабоче-крестьянского марксизма. Под руководством т. Сталина Коммунистический интернационал создал подлинно-ленинскую, подлинно-интернациональную мировую программу всего международного рабочего, крестьянского, национального и колониального освободительного движения. Я не знаю, рассеяна ли окончательно легенда о том, что программа Коммунистического интернационала является работой т. Бухарина. Мне недавно пришлось

сравнивать проект программы с окончательным текстом этой программы. Я должен сказать, что этот окончательный текст в важнейших вопросах не похож на проект т. Бухарина, предложенный им на IV конгрессе Коминтерна, проект, против которого выступал и т. Ленин. Несомненно, что создание единой международной программы коммунистических партий есть завоевание Коммунистического интернационала под руководством т. Сталина. Именно в это время наиболее усилился характер Коммунистического интернационала как мировой коммунистической партии, которая решительно идет вперед от преимущественно агитационно-пропагандистских методов руководства к оперативному политическому (дифференцированному при этом) руководству. В это время в области политики Коммунистического интернационала мы видим наиболее жесткую большевистскую непримиримую борьбу за ленинизм, борьбу за обеспечение этой идейно-политической самостоятельности компартии против оформившихся «левых» и правых мелкобуржуазных социал-демократических уклонов от ленинизма. Под руководством т. Сталина Коминтерн ведет до конца свою решительную борьбу с троцкизмом, брандлеризмом и с примиренчеством к уклонам внутри партии. 1-й и 2-й период Коммунистического интернационала были заполнены в первую очередь борьбой с правыми и «левыми» уклонами, но для того, чтобы мы смогли повести до конца эту борьбу, нужно было так резко ставить борьбу и с примиренчеством, как ставил именно в ленинском духе т. Сталин. Борьба с социал-демократией была поставлена в это время на высшую ступень, именно как основное условие и как главный метод, как главное средство завоевания большинства рабочего класса, высвобождения его из-под буржуазного идеологического влияния. Незачем на этом месте говорить о величайшем интернациональном значении того факта, что СССР под руководством т. Сталина вступил в период социализма, но именно в связи с вопросами исторического развития Коминтерна нужно отметить и подчеркнуть, что в борьбе за ленинский интернационализм против капитулянтов перед международным империализмом т. Сталин разрешил с исчерпывающей полнотой задачу определения места СССР в международной пролетарской революции. На VII расширенном пленуме ИККИ т. Сталин в борь-

с троцкизмом определил это место там образом:

«Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания. Неправы поэтому не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, объявляют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным явлением. Неправы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию как нечто пассивное.

призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма» (И. Сталин. «Об оппозиции» стр. 159. Подчеркнуто нами.—Б. К.).

Из этого указания т. Сталина вытекает с полной ясностью, что большевистские историки страны Октябрьской революции обязаны не медлить с разработкой в духе письма т. Сталина большевистской истории Коминтерна, поддерживая революционное движение капиталистических стран и ускоряя таким образом дело свержения международного империализма.

„Последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран“

СТАЛИН

Пролетариат и его партия в Февральскую революцию

Февральская революция 1917 года была «первой революцией, порожденной всемирной империалистической войной» (Ленин), первым массовым подтверждением и историческим осуществлением лозунга Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую. Эта революция вскрыла глубочайшие, назревавшие десятилетиями противоречия царской России и сразу же поставила в порядок дня борьбу пролетариата и его партии за непосредственную подготовку пролетарской социалистической революции.

Февральская революция была прежде всего революцией массовой, совершенной пролетариями и солдатами — рабочими и крестьянами. Момент переворота совпал с планами дворцового «переворота» буржуазии, стремившейся совершить свою «революцию» и этим предупредить народное революционное движение. Это обстоятельство конечно ни в какой степени не может затушевывать основного смысла, основного классового содержания февральско-мартовских событий: свержение под руководством партии пролетариатом и крестьянством царского строя как первое условие дальнейшего развертывания революции, обеспечивающее ее перерастание, уже при ином соотношении классовых сил, в революцию социалистическую. Февральскую революцию можно понять и правильно исторически оценить, только охватывая весь путь дальнейшей борьбы, приведшей к великому Октябрю,—путь, так гениально предвиденный Лениным. Февральская революция была первым этапом той революционной борьбы, во главе которой стояли пролетариат и его партия,—весь ход событий показал это с необычайной яркостью. Революция подтвердила таким образом правильность стратегического плана большевизма, рассчитанного на непосредственное перерастание буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, социалистическую.

Таким подтверждением большевистского плана борьбы за пролетарскую революцию было то, что в февральско-мартовских со-

бытиях гегемоном борьбы был рабочий класс, конечной целью борьбы которого было установление диктатуры пролетариата и социализма. Идея гегемонии пролетариата составляет одно из центральных, основных положений марксизма-ленинизма. С самых первых дней своей исторической борьбы большевизм подчеркивал огромное значение и исторически обосновывал идею гегемонии. Ленин неустанно повторял, что пролетариат для того, чтобы обеспечить свою победу, для того, чтобы уничтожить эксплуататорский строй, для того, чтобы установить диктатуру пролетариата и построить коммунистическое общество, должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. «Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии» (Ленин).

Февральская революция, будучи буржуазно-демократической по своему объективному содержанию (свержение абсолютизма, ликвидация крепостнических пережитков и т. д.), была в то же время такой революцией, в которой гегемония принадлежала целиком пролетариату. Поэтому она и была по сути своей переходом ко второму этапу революции—к пролетарскому перевороту. «Самое важное,—писал Ленин,—заключается в том, что к действию империалистических сил присоединилось глубокое и бурно развертывавшееся пролетарское движение. Пролетариат требовал мира, хлеба и свободы. У него не было ничего общего с империалистической буржуазией, и он-то вел за собой большинство армии, которая однако состоит из рабочих и крестьян» (Ленин, т. XX, стр. 61—62).

Февральская революция показала таким образом большое историческое своеобразие, большое отличие от революций в Западной Европе, ибо она сразу втянула в движение широкую революционную массу.

ибо она была такой революцией, в которой сразу установилась гегемония рабочего класса. Февральская революция была первой зияющей брешью в империалистической цепи, обнажившей всю гнилость империализма и его паразитизм. Она поставила перед широкими трудящимися массами и угнетенными народами вопросы о лагере и пролетарской революции как самые живые, насущные вопросы.

«Русская революция,—писал Ленин,—дала то, чем она резко отличается от революций в Западной Европе. Она дала революционную массу, приготовленную 1905 годом к самостоятельному выступлению; она дала Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органы, неизмеримо более демократические, чем все предшествующие, позволившие воспитывать, облагородить рабочую массу, вести ее за собою».

Что однако означала гегемония пролетариата в этой революции? «Гегемония пролетариата была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата» (Сталин). Февральская революция была таким образом переходной ступенью к диктатуре пролетариата; в этом был ее смысл, ее историческое значение.

Этой сути Февральской революции не понимали и не понимают всякого рода меньшевистствующие историки. Они всегда отрицали факт гегемонии пролетариата (гегемонии, обеспечившей перерастание буржуазной революции в социалистическую) для того, чтобы «исторически» оправдать свою борьбу против большевизма. Взять хотя бы Шляпникова, пытавшегося продолжать в форме «исторических» работ свою фракционную борьбу против партии, свои меньшевистские позиции 1917 г. и последующего периода. Но Шляпников—не единичное явление. Тов. Пионтковский, почему-то до сих пор не подвергшийся достаточной всесторонней критике в печати, по сути во многом повторяет в своих работах такие же ошибки, как и Шляпников. Чего например стоит хотя бы его утверждение, что меньшевики и эсеры были в 1917 году революционными партиями! История Февральской революции превращается такого рода «историками» в скрытую форму защиты своего меньшевистского прошлого, в скрытую форму борьбы с большевизмом, с учением Ленина и Сталина о пролетарской революции.

Многими историками в кавычках и без кавычек забывается, что вопрос о роли

партии, вопрос об истории большевизма в 1905 г. и в Февральской революции и на всех этапах революционного движения вообще есть прежде всего вопрос о борьбе за большевизм, за нашу партию, против правого оппортунизма, против всякого рода оппортунистических искажений исторического процесса, против контрреволюционного меньшевизма — троцкизма.

А такое «забвение» ленинской оценки роли партии проникает в нашу историко-партийную литературу, нанося политический вред делу большевистского воспитания молодых партийных кадров. Если поверить например авторам четырехтомника «История ВКП(б)» под редакцией тов. Ярославского, то получается, что Февральская революция была стихийной революцией без активной и деятельной роли нашей партии в подготовке и организации революции. Авторы «забыли» всю историю большевизма, всю историческую подготовку Октября, роль партии как организатора рабочего класса, готовившего его на всем протяжении истории эпохи империализма к решающим классовым боям—к диктатуре пролетариата. Только зачеркнув всю историю большевизма (и притом не только на международной арене,—что школка троцкистских контрабандистов делает совершенно открыто,—но и внутри России,—что эта школка делает в скрытой форме), можно прийти к выводу о неподготовленности партии к Февралю, к смазыванию роли партии как организатора классовой борьбы пролетариата и приписывать ей стремление к «объединенчеству» с меньшевиками (см. например клеветническую статью Кина в журнале «Пролетарская революция» № 65). Так писать историю большевизма могут только люди, сознательно или бессознательно служащие орудием в руках контрреволюционных троцкистов. Так писать историю могут только люди, целиком игнорирующие всю историю большевизма.

Наша партия не была бы большевистской партией, если бы она с первых дней своего существования не готовила пролетарскую революцию, если бы она не организовывала пролетариат для решающих битв. История нашей партии есть история упорной и систематической подготовки революции, подготовки сил пролетариата. Достаточно посмотреть внимательно на любое крупное историческое событие, чтобы увидеть это. Вся история говорит об этом.

Какие бы переходы от одного этапа революции к другому ни совершались, партия неустанно готовила свои ряды и пролетариат к предстоящим событиям. «Революционная социал-демократия должна первой становиться на путь наиболее решительной и наиболее прямой борьбы и последней принимать более необходимые способы борьбы».—повторял неоднократно Ленин после революции 1905—1907 гг. Тов. Сталин на одном из заседаний Петроградского комитета большевиков (6 июня 1917 г.) говорил например: «Мы должны звать массы на борьбу не только тогда, когда настроение кипит, но раз мы—организация, пользующаяся влиянием, наша обязанность—будировать настроение массы». Правильно объяснить взаимоотношения партии и масс, масс и партии—это один из основных критериев подхода историка-большевика к революции. Показать в Феврале роль большевистских, правдистских кадров—это одна из важнейших обязанностей историка-большевика.

Наша партия сумела провести пролетариат через Февраль к Октябрю, ко всем последующим победам всемирно-исторического значения, потому что с самых первых дней своего существования и своей борьбы она последовательно отстаивала и проводила в жизнь свои исторические установки.

Вопрос об истории партии и всей революционной борьбы пролетариата, на которой учатся многие новые поколения большевиков, есть вопрос о борьбе за эти исторические установки. Троцкистские контрабандисты, правые и «левые» оппортунисты пытаются исказить подлинную историю большевизма и протащить свои враждебные ленинизму взгляды. Всякий историк-большевик должен помнить указания Сталина в письме в «Пролетарскую революцию» и беспощадно разоблачать все антипартийные попытки исказить большевизм в угоду враждебным пролетариату силам¹.

¹ Автор пользуется случаем отметить ряд грубейших своих ошибок, в своей совокупности свидетельствующих об отсутствии марксистско-ленинского чутья, большевистской бдительности и воинственности.

Это ярко сказалось в рецензиях автора на II и IV томы «Истории ВКП(б)» под ред. т. Ярославского (вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, троцкистская «теория» расщепления большевизма на довоенный и послевоенный, «теория» перевооруже-

Февральский переворот, как мы уже сказали, не был чем-то стихийным, не явился чем-то неожиданным для передовой части рабочего класса, идущей за большевиками в 1905 году, выросшей на идеях большевистской «Правды» в годы подъема и на большевистских лозунгах в годы войны. Необходимость и неизбежность революционного выступления и всей конкретной подготовки к нему в новых условиях были ясны задолго до Февраля. О том, что это было так, говорит размах стачечной борьбы в Петрограде и во всех промышленных центрах.

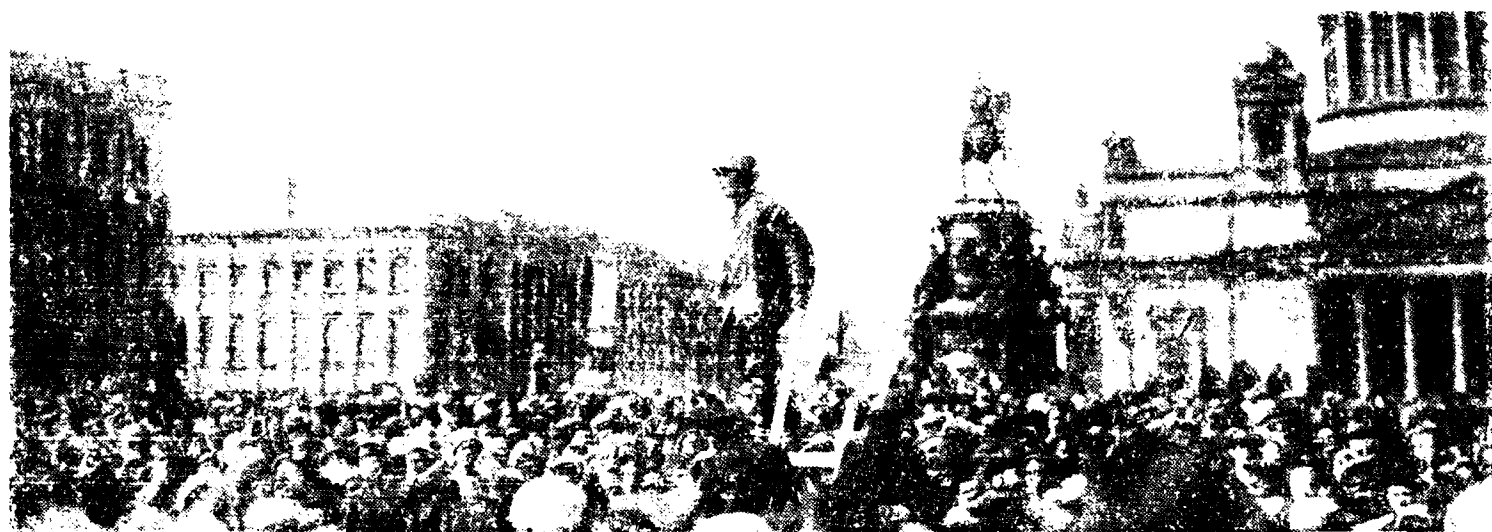
Империалистическая война была величайшим ускорителем революционного взрыва.

1916 год наполнен доказательствами нарастающей революционной волны. Огромный рост стачечного движения в промышленных центрах, бурлящее недовольство в деревне, негодование солдат, ненавидящих войну, восстание угнетенных национальностей в Средней Азии,—все это показывает с неоспоримой убедительностью, что на протяжении 1916 г. революционный пролетариат промышленных центров и в первую очередь Петрограда, возглавляя революционно настроенную бедняцко-средняцкую деревню, революционизирующуюся армию и трудящиеся массы колоний, вступал на путь открытой революционной борьбы.

С начала 1917 года движение неудержимо развивается. Уже январское стачечное движение свидетельствовало, что революционная ситуация неизбежно должна была перерасти в революцию. Попытки социалшовинистов заглушить выступления рабочих и повести рабочее движение на поводу у буржуазно-реакционной Думы потерпели полное поражение. Рабочий класс

лик большевизма и др.) и особенно в рецензии на книжки троцкистского контрабандиста Волосевича (см. Ком. рев. № 5-6 за 1931 г.). В этой последней, указав на антипартийный характер ряда грубейших ошибок в принципиальных и основных вопросах истории партии, я не сделал большевистских выводов о том, что книжки Волосевича есть клевета на партию, есть троцкистская контрабанда. Даже больше того, сказав, что их (книжки) нельзя в таком виде давать партийной и учащейся массе, наряду с этим я встал на путь гнилого либерализма, отмечая, что в III и IV выпусках имеется научная обоснованность положений, оценок и т. д. За внешней стороной цитат и т. д. я не рассмотрел лицо клеветника, а следовательно объективно встал на защиту троцкистского контрабандиста и троцкистских теорий.

Автор.

Февральские дни. Митинг на Исакиевской площади

ненавидел монархическую Думу. События пошли совсем не по тому руслу, по которому хотели их повести меньшевики и эсеры, действовавшие по указке кадетов.

18 февраля (ст. стиля) на Путиловском заводе возникает стачка. Требования рабочих не удовлетворяются. На следующий день работницы и жены рабочих поддерживают стачечников, «бунтуя» и требуя хлеба. Угроза локаутом и отправкой на фронт делает стачку общезаводской. 22 февраля объявлен локаут. Весь рабочий Петроград с волнением и надеждой, с готовностью поддержать следит за Путиловской стачкой. 23 февраля большевики призывают рабочие массы к забастовке. В ней приняло участие около 100 тыс. рабочих. Настроение масс рабочих, жен рабочих и городской бедноты было таким, что эта забастовка сразу же приняла характер народной революции. Рабочие, их жены и дети выступили на улицы с требованием хлеба, с призывами «долой самодержавие», «долой войну». В течение одного дня забастовка сделалась всеобщей и выросла в революцию.

Несмотря на то, что охранка 26 февраля арестовала всех активных работников Петербургского комитета нашей партии. Выборгский районный комитет, к которому перешло руководство движением, сумел возглавить развивающееся движение и повести пролетариат Петрограда на борьбу за свержение самодержавия.

24, 25 и 26 февраля (ст. стиля) уже все рабочие Петрограда не работали. В войсках петроградского гарнизона чувствовался надлом. Убийство казаками полицейского пристава на глазах народа показало, что петроградский гарнизон поддержит рабо-

чих. Бойня на Знаменской площади, устроенная 26 февраля жандармами и полицией, только на минуту создала гробовую тишину в центре Петрограда. Рабочие окраины непрерывно волновались. Не помогали приказы ген. Хабалова, телеграммы царя и «мероприятия» министра внутренних дел Протопопова по сосредоточению выпечки хлеба в руках специального уполномоченного. 26 февраля правительство сумело еще усмирить восставшую роту Павловского полка, которая отказалась идти против рабочих. Но уже 27 февраля несколько полков с оружием в руках встало на сторону рабочих, и к 4 часам дня почти весь город был во власти восставших. Объявление осадного положения, роспуск Думы, удаление Протопопова, попытка послать на Петроград карательный корпус во главе с ген. Ивановым и наконец отречение царя—все это было проявлениями агонии царизма, издыхающего под революционными ударами рабочих и солдат.

Неверно было бы думать, что царизм не готовился к подавлению революции, что она его застала абсолютно врасплох и т. п. Такие утверждения, которые очень часты в нашей популярной литературе, совершенно неверны; они умаляют силу натиска рабочих и солдат и создают иллюзии, что победа революции была достигнута без всякого труда, что свержение царизма было пустяковым делом, чем-то вроде прогулки с красными флагами.

Как ни велики были хозяйственный развал, порожденный войной, и политическое разложение царизма, при изучении февральских дней нельзя все же забывать, что царизм имел вооруженную опору в лице полиции и жандармов и небольшой части

войск. К революции царизм тоже по-своему готовился. Он учитывал опыт 1905 года. Об этом рассказывал например в своих показаниях следственной комиссии последний министр внутренних дел при царизме Протопопов. Начальник корпуса жандармов располагал полицию, войска и стражников, исходя из стачечной активности тех или иных рабочих центров и стратегической и хозяйственной важности отдельных пунктов и т. д. Под этим углом зрения была произведена дислокация сил и в Петрограде. Все это однако оказалось ничтожным в сравнении с силами революции.

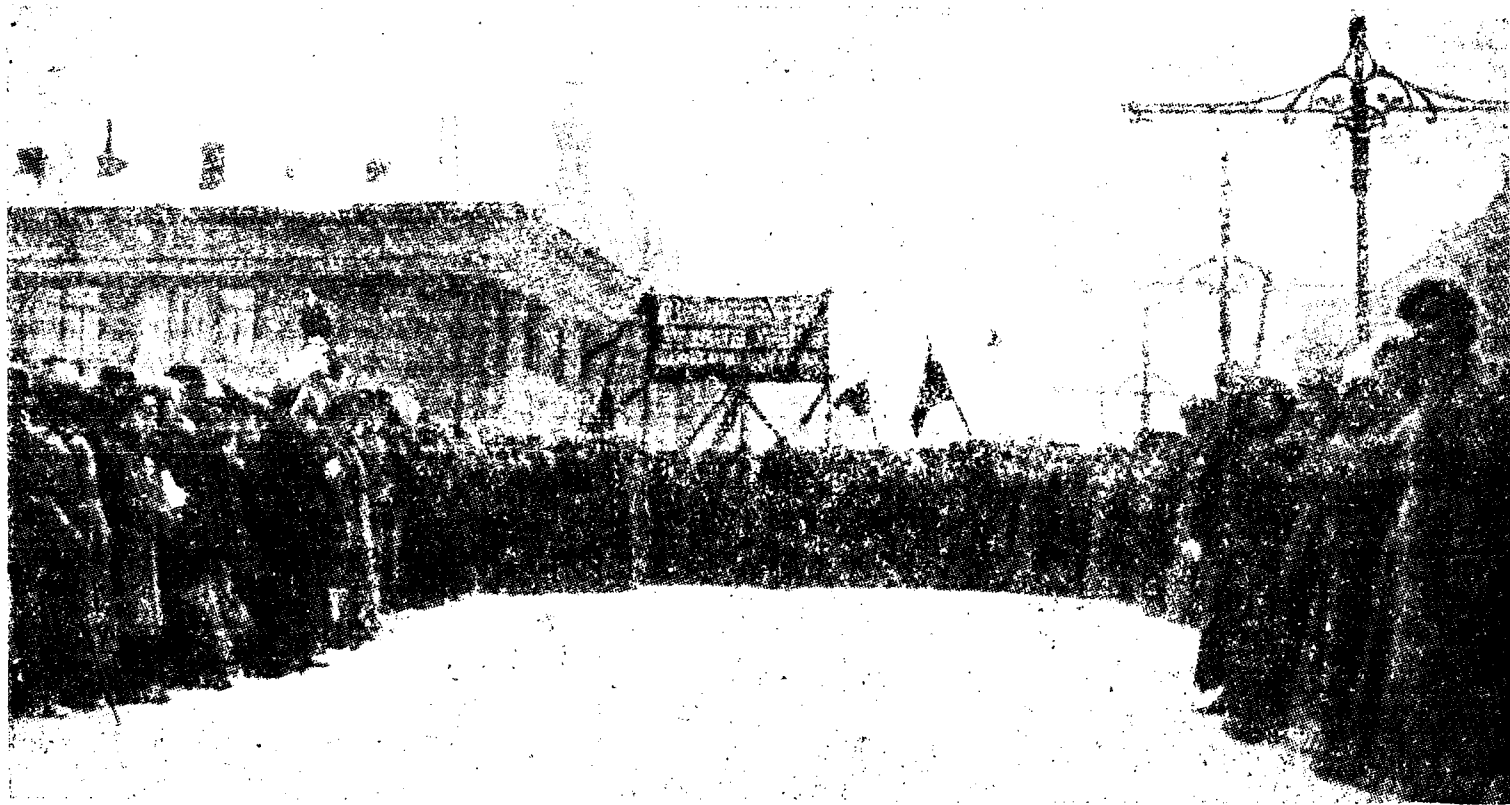
Присоединение армии в лице петроградского гарнизона решило задачу быстрой победы революционных масс над царизмом. Однако было бы сугубо неверным делать отсюда вывод, что солдаты были основной движущей силой революции. Подобного рода утверждения не имеют ничего общего с ленинской оценкой движущих сил революции.

Революционное настроение в армии было в значительнейшей своей части результатом той огромной пропагандистской работы, которую вели в армии рабочий класс, большевистская партия. Мы знаем, что революционизирование армии происходило под влиянием большевистской пропаганды в армии. Совершенно не случайно также и то, что в февральские дни в свержении царизма передовую роль играли гарнизо-

ны, стоявшие в крупных рабочих центрах (петроградский гарнизон прежде всего). Революционное настроение среди солдат гарнизонов росло под непосредственным влиянием и руководством борьбы рабочих с царизмом и в связи с созданием большевистских ячеек в частях армии.

* Резолюция легко, но не бескровно победила царизм. Дело, начатое, но не довершенное революцией 1905—1907 гг., было завершено.

В то время как рабочие и солдаты расправлялись с полицией и представителями царской власти, буржуазия, строящая планы дворцового переворота, больше всего боялась революции и все время желала, чтобы царизм водворил на улице «порядок». Однако, увидев, что революция поднимается все выше и выше, что передовые рабочие-большевики, рабочие-правдысты, Бюро ЦК и ПК уже вносят организованную сознательность в стихийный революционный порыв массы, что под их руководством рабочий класс захватывает оружие и водворяет революционный порядок, буржуазия решила, что спасти капиталистическое общество от революции можно лишь в том случае, если она прикинется «революционной». И опираясь на поддержку меньшевиков и эсеров, буржуазия попыталась «возглавить» революцию для того, чтобы ее обезглавить.

Февральские дни. Демонстрация

Первое заседание Совета
солдатских депутатов

14 февраля рабочие к Думе не пошли, но теперь, в дни революции, в дни массового порыва социал-соглашателей, выполнявшим социальный заказ буржуазии, на время удалось сделать Таврический дворец центром революционной борьбы. Там стал заседать созданный революцией Совет рабочих и солдатских депутатов. Говоря об этом последнем, отметим, что напрасно меньшевики присваивают себе авторство создания советов. Советы представителей от фабрик и заводов были созданы стачечной борьбой, ведшейся под руководством большевиков, которой, как известно, меньшевики чурались, как чорт лапана. Меньшевики меньше страдали от полицейских преследований (так как охранка всегда считала, что меньшевики менее опасны, чем большевики-ленинцы, и арестовывала их гораздо реже, чем большевиков), и поэтому в своей массе меньшевики 27 февраля были на свободе, а большевики либо в эмиграции, либо в тюрьмах и в ссылке. Поэтому получилось, что во главе созданного в эти дни Совета раб. деп. встал почти исключительно меньшевистско-эсеровский президиум. Большевиков в нем было 3—4 человека.

Большевистскому петроградскому комитету партии уже тогда была ясна политическая физиономия руководителей Совета. На первом же заседании Петроградского комитета (вновь организованного 2 марта 1917 г.) докладчик по вопросу об отношении к Совету вполне правильно говорил, что в Совете «руководителями являются

ликвидаторы, получившие места в Совете захватным порядком, не являющиеся в то же время выразителями воли большинства сознательной рабочей массы. Роль Совета в современной деятельности с думским комитетом пассивна настолько, что он как бы плетется в хвосте реакционного элемента комитета». Уже тогда в ЦК ставился вопрос о переизбрании мелкобуржуазного Совета.

Овладев руководством Совета и проводя политику буржуазии, меньшевики попытались ввести революцию в «рамки законности». При их помощи было создано Временное правительство. Совет обратился к рабочим с призывом о возобновлении работ на предприятиях. Однако рабочие отнюдь не собирались вернуться к «порядку». Они считали, что царизм сбит, но не добыт, что рабочим надо немедленно добиться удовлетворения целого ряда самых насущных требований, надо покончить с войной, вернуть всех пострадавших за стачки и революционную борьбу, расправиться с полицией, улучшить положение широких трудящихся масс и т. д.

В первые дни после Февральской революции у широких масс не было оформленных и отчетливо осознанных разногласий с Советом раб. деп. (со 2 марта он был преобразован в Сов. раб. и солд. деп.), однако уже в эти дни рабочие целого ряда предприятий Петрограда выражали недовольство линией Совета.

В борьбе за свержение царской власти действовали различные, взаимно глубоко

Солдаты
в Таврическом дворце

враждебные, антагонистические силы. Если для пролетариата свержение царского самодержавия было лишь первым этапом революции, притом далеко не самым главным, после которого он тотчас же намеревался перейти (и перешел) к неизмеримо более высокой задаче — социалистической революции, то буржуазия вообще не хотела разрушения и уничтожения царского строя, ее целью была лишь смена одного царя другим, более подходящим для выполнения ее империалистических стремлений. Вот как писал об этом Ленин:

«Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах избияния новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это — с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все

беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.

Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкянена, Гучкова, Милюкова и К^о, желавших только смены одного монарха другим...

«...Питерские рабочие и солдаты, как и рабочие и солдаты всей России, самоотверженно бились против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за мир, против империалистической войны. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой войны, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал со всем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму» (Ленин, т. XX, стр. 16—17, изд. второе).

Итак, гегемоном февральско-мартовской революции был пролетариат. Те, кто это отрицает, пытаются обосновать «на историческом материале» взгляды, глубоко враждебные марксизму-ленинизму. Это делает например полуменьшевик, полуанархосиндикалист Шляпников. Этот горе-«историк» в своих объемистых «исторических

трудах» (которые он из скромности называет «мемуарами») проводит отрицание гегемонии пролетариата. В своем письме в ЦК партии, направленном против бригады «Правды», давшей критику его «трудов», он утверждает, что если бы у нас в 1917 году была гегемония пролетариата, то тогда правительство кн. Львова—Гучкова—Милюкова следовало бы считать выразителем этой гегемонии. Глубоко ошибаясь, «ученые» критики,—пишет историк Шляпников.—когда принимаете мартовский период революции, как период гегемонии пролетариата. Тогда власть принадлежала буржуазии, и поддерживалась она различными мелкобуржуазными силами. «Мемуарист» Шляпников ни аза не понял в ленинском учении о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о движущих силах русской революции, о двоевластии, о перерастании, в ленинском учении о пролетарской революции.

* Реакционер Кривошеин по-своему вполне правильно говорил в те дни о Временном правительстве, что для настроения масс «оно слишком правое»... «Да, правое,—писал он,—месяца два тому назад оно удовлетворило бы всех, оно спасло бы положение. Теперь оно слишком умеренно. Это его слабость. А сейчас нужна сила... Но силы-то у буржуазии и не было. Война дала оружие рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели. Недаром поэтому проф. Ломоносов вспоминает о том, что, придя в февральские дни в Маринский дворец, он увидел, что среди министров (по Шляпникову — «гегемонов») чувствовалась растерянность. «Я шел,—говорит он далее,—в святилище русской революции, к героям, а застал каких-то напуганных пигмеев... Мертвое царство... И мне стало тоскливо, больно, точно я внезапно попал на похороны близкого человека».

* Хотя русская буржуазия и пришла к власти, но серьезной политической силы у нее не оказалось. Рабочий класс, прошедший великую школу классовой борьбы, политически воспитывавшийся на протяжении полутора десятилетий передовой ленинской теорией,—этот рабочий класс доверия буржуазии не оказывал.

* Естественно, что буржуазия начала вести отчаянную борьбу против развертывающейся революции с первых же дней Февраля. Ленин еще до 1905 г. говорил, что русская буржуазия больше боится революции, чем контрреволюции. К 1917 г. буржуазия стала бояться революции еще боль-

ше. Общеизвестно теперь, что октябрист Родзянко, как и все члены распущенной царем Гос. Думы, был осведомлен о продвижении карательной экспедиции ген. Иванова на Петроград и делал вместе со своими политическими друзьями по существу все, что мог, чтобы не помянуть Иванову. Только вмешательство рабочих помянуло этому замыслу. Рабочие и солдаты Петрограда — вот кто был силой, свалившей царизм, нанесшей ему смертельный удар. На стороне петроградского пролетариата и гарнизона оказались рабочие, солдаты, крестьяне почти всей страны. На их стороне оказалось и национально-революционное движение угнетаемых царизмом национальностей. Вот почему монархист-реакционер Шульгин пишет в бессильной злобе, что единственное, что ему хотелось иметь в то время, это «пулеметы, пулеметы». Вот почему кадет-прогрессист Набоков писал, что «для укрепления монархии необходимо было принять очень решительные действия, не останавливающиеся перед кровопролитием, перед арестом Исп. ком. сов. раб. и солд. деп., перед провозглашением, в случае попыток сопротивления, осадного положения. Через неделю ве-

Шарж худ. В. Денисова
(Дени)

«Сказание о былом и грядущем»
(Музыка времени, исполнитель М. В. Родзянко)

роятно все вошло бы в надлежащие рамки. Но для этого надо было располагать реальными силами, на которые можно было бы без оглядки рассчитывать и безусловно опереться. Таких сил не было». Мы видим таким образом, что русская буржуазия еще в первые дни революции собиралась устроить пролетариату по опыту 1848 года новые «июньские дни». Но классовое чутье пролетариата не обмануло его в основном вопросе революции — в вопросе о власти. Вот почему, несмотря на то, что меньшевистские руководители Сов. раб. и солд. деп. передали власть буржуазии, несмотря на то, что они поддерживали буржуазное Временное правительство, рабочий класс не соглашался на отказ от своих классовых органов власти — советов раб. и солд. деп. Отсюда характерная особенность этого периода революции — двоевластие.

В провинции, как и в Петрограде, рабочий класс тоже выступает как руководящая сила, как гегемон Февральской революции, и там, где имелись сильные большевистские организации, резко выделяется революционная роль рабочего класса.

В Москве вплоть до получения известий о победе рабочих в Петрограде массовых выступлений не было. Массовые аресты большевиков, произведенные в январе, привели к тому, что к моменту переворота парторганизация в Москве фактически была разгромлена. В Московский совет попали преимущественно соглашатели. Созданные несколько позже районные советы раб. деп. были большевистскими; благодаря этому в Москве создан интересный политический переплет борьбы «центра» с «периферией», вернее наоборот: борьбы «периферии» с Центральным советом.

Уже первый день переворота в Москве показывает руководящую роль пролетариата. Участники февральских дней в Москве единогласно говорят, что в этот день происходили шествия из рабочих окраин в центр, схватки с полицией. Огромный митинг на Воскресенской площади 28 февраля закончился призывом к братанию с армией, с солдатами. Организованные рабочие (т. е. рабочие-большевики), помня уроки декабря 1905 года, немедленно отправились по казармам и заводам, где работали солдаты в качестве рабочих. На заводе «Мастяжарт» офицер пытался было их задержать, однако солдаты «схватили его,

сорвали с него оружие, погоны и потащили его на Воскресенскую площадь». У одной тюрьмы, где рабочие списали караул, офицер приказал солдатам стрелять в демонстрантов, но караул ни одного выстрела не дал и тут же бросил винтовки.

Тов. Горшков, один из видных работников в Рогожско-симоновском районе в этот период, пишет в своих воспоминаниях, что 27 февраля большевики организовали на заводах митинги, высказывавшиеся за поддержку Петрограда, а 28 февраля вывели заводы на Воскресенскую площадь. После митинга «партийцы находку устраивали совещания, кому куда идти и как действовать». «В обработке солдат,—говорит он далее,—мы до того обнаглели, что разгуливали свободно по казармам, охрипнув окончательно от агитации, подходили прямо к солдатам и предлагали сдаваться, брать винтовки и выходить во двор». Новички-солдаты боялись, отговаривались, но рабочие-агитаторы добивались своего, и солдаты во главе с партийцами, успевшими уже вооружиться, шли на площадь к Думе.

Организованность такого рода выступлений в низах имела огромное значение для развертывания последующих событий, ибо делала бедняцко-средняцкую солдатскую массу прочным союзником рабочего класса.

В рабочих центрах на Украине, так же как и в других городах, после победы в Петрограде власть перешла в руки буржуазных комитетов общественной безопасности, временных комитетов и т. д. Руководство советов было также соглашательским, проповедывающим гражданский мир и необходимость продолжения империалистической войны.

Такой крупнейший рабочий центр Украины, как Харьков, не был исключением, хотя там победу соглашателей и буржуазии обусловило в значительной мере то обстоятельство, что в январе там была полностью разгромлена большевистская организация. Совет, избранный вечером 1 марта, был меньшевистско-эсеровским. Большевики вышли на свободу только 3 марта.

В Баку в течение января и февраля происходили массовые забастовки рабочих Балахнинских, Сураханских промыслов Черного города. Известие о свержении самодержавия было встречено всеобщей одноподневной забастовкой. «Бакинский комитет общественных организаций» первым долгом конечно послал приветствие Временному правительству.

Совет раб. деп., созданный 6 (13) марта, в воззвании 7 марта приветствовал обращение Временного правительства и обещал ему поддержку от всей демократии.

Однако рабочие не пошли по тому пути, на который их звали соглашатели. Тотчас после Февраля как в Харькове, так и в Баку они выставляют требования об улучшении своего положения и удалении наиболее злостных пьянок из администрации. Меншевистско-эсеровские руководители Совета раб. деп. выпускают в ответ на эти требования воззвание против «самодольных и самоуправных действий» рабочих.

Такую же примерно картину мы наблюдаем во многих местах. Отсюда некоторые «историки» склонны делать вывод, что рабочие слишком «торопились» с требованием 8-часового рабочего дня и явочным его осуществлением. Эти «историки» по существу оправдывают меньшевистско-эсеровское руководство советов. Мы считаем, что дело обстоит как раз наоборот. Уступчивость буржуазии в первый период революции там, где она имела место, обусловлена была именно непримиримостью рабочих, их наступлением на предпринимателей. Для рабочих это была единственная правильная линия, так как только «самодольными и самоуправными» действиями мог рабочий класс добиться как политических, так и экономических побед над буржуазией. Этому его учила большевистская партия.

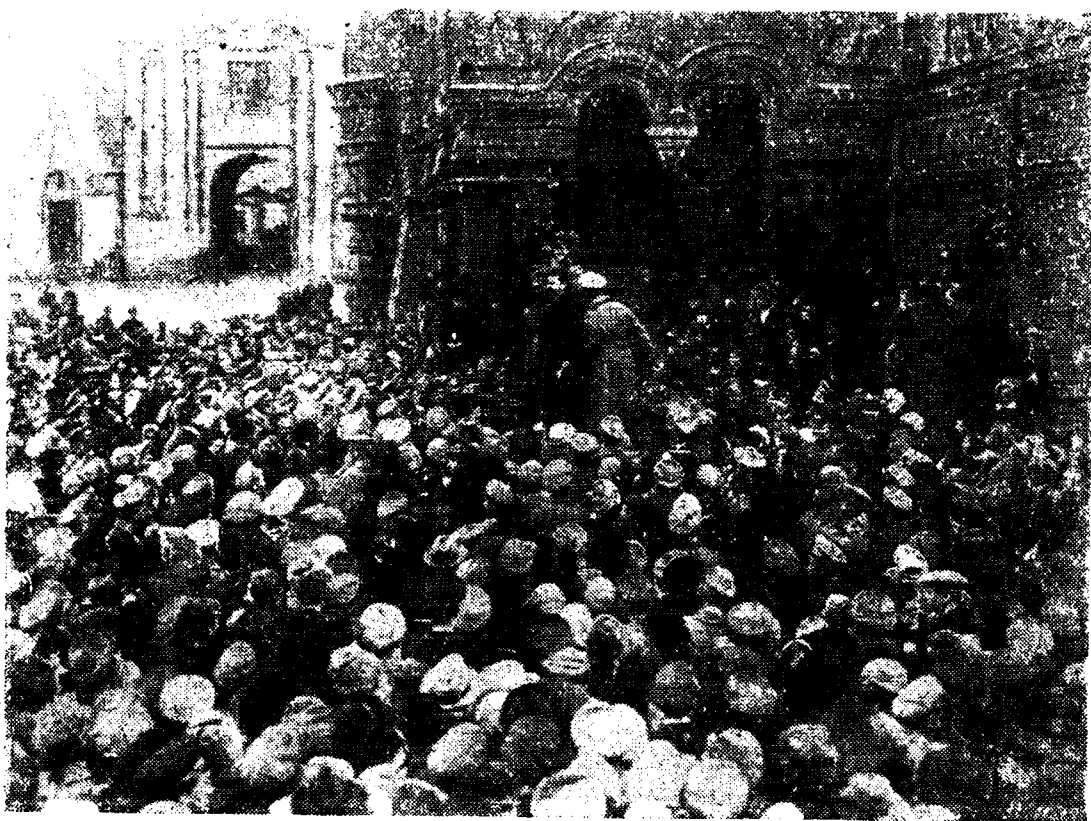
В Нижнем-Новгороде события стали разворачиваться 1 марта вечером. Дело началось с освобождения политических заключенных из местной тюрьмы, в которой сидело много участников стачек. 2 марта все заводы стояли, и рабочие произвели очистку города от царских властей и полиции. Временный исполнительный комитет общественных организаций создан 2 марта с местным воротилой — миллионером Сироткиным во главе. 3 марта создан Сов. раб. деп., председателем которого был избран большевик Лосев.

В Иваново-Вознесенске рабочие узнали о свержении царизма 1 марта. 2 марта произошла демонстрация, на которой выявилось единодушно революционное настроение рабочих. Был избран Совет. На первом заседании рабочие Совета потребовали от него ареста палача расстрела 1915 года — полковника Смирнова. Рабочие разоружили полицию. Совету принадлежала вся власть.

Но в результате разлагающей работы меньшевиков и эсеров Совет отказался от власти, передал ее комитету общественной безопасности, состоявшему из фабрикантов и буржуазной интеллигенции. Однако, несмотря на воззвание Сов. раб. и солд. деп. призывавшего, чтобы рабочие усердно принялись за работу, конфликты не прекращались, рабочие разворачивали борьбу дальше.

В Твери о событиях в Петрограде узнали 28 февраля через большевика, которого местная большевистская организация посылала в Петроград. Большевистский городской комитет постановил вывести 1 марта рабочих на улицу. Каково было настроение тверских рабочих в этот день, видно из того, что они не дали во время демонстрации меньшевнику сказать речь о поддержке Временного правительства. Вечером на собрании в театре рабочие провалили предложение о приветствии Временному правительству и о выражении ему доверия. И уже 1 марта был арестован директор ткацкой фабрики Морозова. 2 марта убили губернатора. И в Твери, как и всюду, где сильна была партийная большевистская работа, у рабочих с временным комитетом с первых дней установилась вражда. Совет раб. деп., находившийся в руках меньшевиков, встал на сторону буржуазии. При чем характерно, что при факте преобладания меньшевиков в Совете выборы в фабрично-заводские комитеты на крупнейших предприятиях (мануфактура Берга, Морозовская) дали победу большевикам.

Примерно такое же положение сложилось во многих центрах с некоторыми различиями в зависимости от большего или меньшего масштаба этого центра, а также в зависимости от целого ряда национально-исторических условий при «оформлении» революции на местах. Для всех без исключения рабочих центров характерно то, что, несмотря на захват меньшевиками и эсерами руководящих советских органов, рабочие выдвигали свои требования, в борьбе за которые участвовала только большевистская партия. Всюду и везде рабочий класс становился не на тот путь, на который его тянули мелкобуржуазные предатели революции. Поэтому клеветой на пролетариат является картина революции в провинции, нарисованная «историком» Шляпниковым. Сей «историк» показал Февральскую революцию через сухановско-меньшевистские очки.

Первые дни Февральской революции. Большевистский митинг у Исторического музея

Победа над царизмом была одержана благодаря тому, что борьбу против самодержавия возглавлял пролетариат, что он выступал в этой борьбе как гегемон революции, возглавлявший революцию и ведший за собой миллионные массы крестьян и солдат (крестьян, одетых в солдатские шинели). «Революцию совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения» (Ленин, т. XX, стр. 23).

Революционную борьбу против самодержавия пролетариат провел под руководством нашей партии — партии большевиков. На протяжении ряда лет, — подготавливая первую революцию, во время революции 1905 года, в годы реакции, в годы подъема и в годы империалистической войны, — наша партия вела неустанно работу по революционному воспитанию рабочего класса, возглавляла его борьбу, вооружала его революционной теорией, непримиримо боролась против всех и всяческих форм оппортунизма, готовила рабочий класс к вооруженной борьбе против самодержавия и против буржуазии, сплачивала под знаменами пролетарской борьбы союзников рабочего класса. Эта упорная, последовательно-революционная работа нашей партии дала богатейшие результаты в дни февральских боев, когда рабочий класс решительно отверг те пути соглаше-

ния, сговора с монархией, на которые его тянули «социалистические» оппортунисты, когда он, вопреки призывам меньшевиков о необходимости сохранения «порядка», поднял вооруженное восстание против самодержавия. Вооруженное восстание февральских дней — это ведь и был первый крупный акт того превращения империалистической войны в войну гражданскую, за которое боролись большевики.

Февральские бои прошли под руководством нашей партии. «Наша партия, — писал Ленин о Февральской революции, — оказалась с массами, с революционным пролетариатом, несмотря на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 г. наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский комитет за свою нелегальную работу во время войны против войны, против царизма... Факт руководства или по крайней мере беззаветной помощи петербургским рабочим со стороны нашей партии должен был признать «сам» английский гучковец» (Ленин, т. XX, стр. 26).

Несмотря на те величайшие трудности, которые стояли перед нашей партией в февральские дни, несмотря на жесточайший полицейский разгром партийных организаций, приведший к тому, что к моменту революции подавляющая часть партийных кадров находилась либо в тюрьмах, либо в ссылках, либо в эмиграции, та небольшая

группа партийных работников, которая находилась в те дни в Петрограде, сумела возглавить революционную борьбу петербургских рабочих и бедных за ними солдат. 26 февраля в Петрограде была распространена листовка — Манифест РСДРП (больш.). «В этом документе,— писал о ней Ленин,—нет ни слова ни о поддержке гучковского правительства, ни о свержении его: рабочие и солдаты призываются к организации вокруг Совета рабочих депутатов, к выбору представителей в него для борьбы против царизма за республику, за 8-часовой рабочий день, за конфискацию помещичьих земель и хлебных запасов, а главное — за прекращение грабительской войны. При этом особенно важна и злободневна та совершенно правильная мысль ЦК, что для мира необходимы сношения с пролетариями всех воюющих стран» (Ленин, т. XX, стр. 31).

Конечно этот «манифест», выпущенный в первые дни борьбы и написанный по существу еще тогда, когда борьба только-только разгоралась, не давал еще четкой и полной программы борьбы нашей партии в начавшейся революции. Эта программа дана была Лениным в его «Письмах из далека» и в знаменитых апрельских тезисах. Но нам важно подчеркнуть здесь о с н о в н о е: что манифест всем своим духом, всем своим содержанием направлен против передачи власти буржуазии и за организацию рабочих и солдат вокруг советов, против империалистической войны и за установление сношений с пролетариями всех воюющих стран, за то, чтобы поднять революционную борьбу народов всех стран против войны, против своих угнетателей.

* Вопрос о руководящей роли нашей партии в Февральской революции, так же как и вопрос о ее политических установках в этот период, имеет огромное политическое значение. Не случайно, что разбитый партией контрреволюционный троцкизм и троцкистские контрабандисты, клеветнически извращая историю большевизма, пытаются на этом участке нанести удар нашей партии. Троцкистская схема истории Февральской революции неизменно начинается с утверждения, что революция эта носила чисто стихийный характер. Шляпников в своих «Воспоминаниях», а также Кин в своей статье о Февральской революции в четырехтомнике «История ВКП(б)» и в других своих статьях также неизменно рисуют Февральскую революцию как стихий-

ный взрыв, происшедший без активного, действительного, руководящего участия большевистской партии.

«Вопреки Ленину, говорившему о невозможности даже для гучковца не признать факт руководства или по крайней мере беззастенчивой помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии, троцкистские контрабандисты, идя по путям, проложенным самим Троцким, неизменно стараются изобразить Февральскую революцию как слепой, неорганизованный стихийный взрыв.

Теория стихийности Февральской революции нужна троцкистским контрабандистам прежде всего для того, чтобы приписать историческую роль и значение нашей партии, а отсюда перейти к основной троцкистской клевете о 1917 году — к утверждению о том, что в 1917 году большевизм представлял собою партию, отстаивавшую программу буржуазной, и только буржуазной, революции, что только перевооружившись и придя к Троцкому, Ленин и большевики начали вести борьбу за пролетарскую революцию.

Для того, чтобы «доказать» эту клевету, Троцкому и его сознательным и бессознательным последователям необходимо оклеветать деятельность нашей партии в февральский период. Они измышляют клеветнические теории о том, что наша партия стояла в это время на позиции революционного оборончества, что в ней господствовали тенденции объединения с меньшевиками и т. п.

«История партии в этот период изображается ими так, что получается, что большевистской партии в то время не существовало. Большевики...—пишут например троцкистские контрабандисты (Кин) в четырехтомнике под редакцией тов. Ярославского,—обнаружили себя недостаточно опытными и искушенными политиками... Нельзя понять состояния партии в февральско-мартовский период, если забыть об объединительном угаре, охватившем ряды большевиков (том IV, стр. 74 и 78). Кин в специальной статье, посвященной истории партии в этот период, пытается даже доказать, что вся партия переживала в начале 1917 года «объединительный угар», что существовала известная неопределенность теоретических взглядов среди большевиков и полуменьшевистские воззрения отдельных товарищей и групп на характер революции и тактику

партии» («Пролетарская революция» № 65, стр. 9). Как обнаружила бригада, в семинаре Киня в ИКП эта клеветническая точка зрения проходила через все доклады о 1917 г., для которых он давал установки и которые он оценивал как руководитель. Логика обазывала.

Такие утверждения Киня, так же как и подобные им утверждения Волосевичей и др. троцкистских контрабандистов, являются простым перепевом и повторением той клеветы на нашу партию, которой разразился Троцкий еще в своих «Уроках Октября» и которую он неустанно старается проводить во всех своих нынешних заграничных писаниях, восторженно печатающихся и перепечатающихся во всей контрреволюционной буржуазной и социал-фашистской печати.

Излюбленным приемом всех троцкистов является изображение Каменева представителем взглядов всей партии в февральский период. В действительности же бюро ЦК еще в середине марта заявляло в своей резолюции, что Временное правительство «по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений». Это постановление совершенно ясно показывает, что бюро ЦК занимало позицию, диаметрально-противоположную той, на которой стоял Каменев (писавший в это время, что «наш лозунг: давление на Временное правительство»). Киня вслед за Троцким объявляет, что взгляды Каменева

и были взглядами партии, что этих взглядов «ошибочно держалась подавляющая часть партийных организаций» («История ВКП(б)», т. IV, стр. 76).

Эти утверждения представляют собою прямую клевету. На протяжении всего марта 1917 года, начиная с момента приезда Каменева из ссылки, подавляющая часть нашей партии вела борьбу против Каменева и каменивщины. За Каменевым шла лишь ничтожная группа партийных интеллигентов, большая часть которой вскоре же перешла к меньшевикам и была выброшена из рядов нашей партии. Каменев никогда не имел за собой партийных масс.

Действительным выразителем воли, сознания и дела нашей партии был не Каменев, как это пытаются доказать троцкистские клеветники, а Ленин. Партия шла за Лениным, выполняя те программные установки, которые он ей давал.

Каковы же были эти установки?

Уже в первом своем письме из-за границы, написанном тотчас же после получения известий о Февральском перевороте, Ленин говорит, что революция прошла через свой первый этап, но что этот первый этап первой из порожденных войной революций «не будет ни последним, ни только русским» (т. XX, стр. 5). Основной, главной задачей он считает организацию рабочих в революционную партию. «Мы создадим попрежнему свою особую партию и обязательно соединим легальную работу с нелегальной», — писал он.

Февральские дни.
Демонстрация

От организации рабочих, их вооружения, их сознательности, от партийного большевистского руководства рабочим классом зависит исход революции. Партия и о прежнем у должна вести борьбу против «защиты отечества», против империалистической войны, руководимой теперь уже Временным, а не царским правительством, вести революционную пропаганду и борьбу «с целью международной пролетарской революции и завоевания власти «Советами рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)» (т. XX, стр. 6).

Уже в этих письмах Ленина выясняется отношение нашей партии к вопросу об объединении с меньшевиками. Это отношение, как известно, совсем не напоминает того, которое пытаются приписать нашей партии троцкистские клеветники. «Главное теперь,—пишет Ленин,—не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися, вроде организационного комитета Троцкого и К°) и продолжать работу своей партии в последовательном и терпеливом духе» (т. XX, стр. 7). Об объединении со всякого рода меньшевиками, а особенно с меньшевиками тапа Троцкого, не может быть и речи.—так пишет Ленин. Кто, кроме троцкистских фальсификаторов, может сделать отсюда вывод о том, что партия была в чужду объединительного утара, или же что Ленин в 1917 году «переворужился» и пришел к Троцкому?

• Задача пролетариата, неизменно подчеркиваемая Лениным в его статьях периода Февральской революции, заключается в том, чтобы организовать и развивать революцию дальше, «за завоевание демократической республики и социализма». Февральскую революцию пролетариат может рассматривать только как свою первую, но далеко еще не полную победу на великом пути, следующим этапом которого является завоевание власти рабочим классом.

• Поэтому Ленин с особым вниманием следит за процессом сплочения сил пролетариата, неустанно подчеркивая значение каждого шага пролетариата по пути создания собственных классовых организаций. Он придает огромное значение опыту классовой борьбы, имеющемуся уже у русского пролетариата, и классовому инстинкту рабочих, благодаря которому рабочие поняли, что «в революционное время им нужна иная, не только обычная

организация. они правильно искали на путь, указанный опытом Парижской коммуны и нашей революции 1905 года, они создали Совет рабочих депутатов, они стали развивать, расширять, укреплять его привлечением солдатских депутатов и, несомненно, депутатов от сельских и земных рабочих, а затем (в той или иной форме) от всей крестьянской бедноты» (т. XX, стр. 34). Эти Советы Ленин рассматривает как органы восстановления, как органы революционной власти.

Важнейшей особенностью Февральской революции является именно то, что рабочие, вопреки «добросовестному оборончеству», владеющему еще широкими массами, тотчас же после победы над царизмом создали свою организацию власти — Советы.

«Глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера...» (Ленин, т. XX, стр. 17) породило вторую власть, власть сов. раб. и солд. депутатов.

• В чем состоит двоевластие и каков классовый состав и политический характер этого второго правительства?—спрашивал Ленин и отвечал: «В том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все же несомненно существующее на деле и растущее другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов». Советы (не руководство советами) — это пролетариат и крестьянство (одетые в солдатские мундиры). «Это революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу».

• Основное условие действительной борьбы против царизма, действительного обеспечения победы революции заключалось в вооружении пролетариата и в укреплении, расширении, развитии роли и значения Советов.

Уже в первых своих тезисах, а затем и в письмах из-за границы, «Письмах из датска», т. Ленин, давая оценку политическому моменту, писал, что положение, создавшееся к этому моменту, является «переходным от первого этапа революции ко второму» (т. XIV, гл. I, стр. 10). И исходя из того, что своеобразие момента заключалось именно в этом переходе от первого ко второму этапу революции, Ленин

выдвигал как основную задачу дня организацию сил пролетариата. Он показывал далее, что у пролетариата имеется два союзника в этой борьбе за второй этап революции: первый — неимущее и беднейшее крестьянство и батрачество, второй — международный пролетариат. С этими двумя союзниками — кончает Ленин эту свою статью. — пролетариат России может пойти и пойдет, не пользуясь особенностями теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу.

Ленинские установки по вопросу о дальнейшем развитии революции, об отношении к буржуазному правительству, войне и т. д. многим интеллигентным попутчикам партии казались слишком «элементарными», в противовес им они выставляли «научное» по виду и меньшевистское на деле определение характера революции и задач пролетариата. Для всей нашей партии и передовых рабочих все, что писал и говорил Владимир Ильич, было действительной программой борьбы за пролетарскую революцию. Характерный эпизод описывает тов. Костеловская, вспоминая встречу тов. Ленина с большевиками, приехавшими на апрельское Всероссийское совещание советов, когда 5 апреля на заседании большевистской фракции один шахтер лет 50 сказал: «Все, что тут тов. Ленин предлагает, все это правильно. Надо брать нам фабрики и заводы. Вот у нас хозяев нет. На нашем руднике 10 тысяч рабочих и мы теперь работаем сами без хозяина. Поставили охрану рудника, весь порядок исполняем, работаем без хозяина. Только ораторов у нас нет и объяснить все обстоятельства некому. Потому просим послать к шахтерам товарищей объяснить про политику, а уж тогда у нас пойдут дела».

Тов. Ленин приехал в Петроград ночью 3—4 апреля и тотчас же сделал доклад на собрании большевиков. Основные положения этого доклада сформулированы им в тезисах «О задачах пролетариата в данной революции», которые вся партия знает под именем апрельских тезисов Ленина.

Эти тезисы представляют наиболее законченную формулировку взглядов Ленина (большевиков) на задачи пролетариата. Они подчеркивают, что своеобразие момента заключается в «переходе от первого этапа революции, давшего власть

буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства». Перед партией стоит задача руководства массами, руководства этим переходом. С этой целью партия должна разоблачать политику Временного правительства и соглашателей, вскрывать империалистический характер войны, требовать ее прекращения, терпеливо разъяснять искренне заблуждающимся, обманутым массам их ошибки и проповедывать необходимость перехода всей власти к советам.* Партия должна требовать конфискации всех помещичьих земель, слияния всех банков в один банк и установления контроля над ним со стороны сов. раб. деп. «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны сов. раб. деп. за общественным производством и распределением продуктов». В области партийных задач апрельские тезисы выдвигают «немедленный съезд партии, перемену программы и названия партии и «обновление Интернационала», т. е. создание нового революционного Интернационала.

• На апрельской конференции партии по этим основным вопросам революции партия повела борьбу с правыми. Правые были против того, чтобы выдвигать задачи перерастания революции, и считали, что пролетариат не должен выдвигать социалистических задач, что революция должна закончиться на ее буржуазном этапе. Они предлагали контролировать буржуазное империалистическое правительство, но не брать власти.

На петроградской апрельской всероссийской конференции Ленин бичует правых и ставит вопрос об основном звене, за которое надо ухватиться. Это — разъяснение массам, что «С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства, и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться терпеливое, систематическое, настойчивое... разъяснение ошибок... проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок» (тезис четвертый).

Еще в начале марта тов. Ленин выдвигал на первый план задачу организации

пролетариата. В своем докладе в Цюрихе он говорил: «Особая задача теперешнего момента состоит в организации пролетариата. Но не в той шаблонной организации, которой довольствуются предатели социализма, социал-патриоты, оппортунисты всех стран, а в революционной организации. Эта организация должна, во-первых, быть всеобщей, во-вторых, должна соединять у себя военные и государственные функции» (Ленинск. сб. IV, стр. 275). Тут Ленин имеет в виду советы, но не те советы, какими их представляли себе русские социал-патриоты, а советы как организаторов сил революции, как государственную форму диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

В противовес правым, по-меньшевистски оценивавшим характер революции, задачи пролетариата и обязанности партии, Ленин всюду подчеркивает необходимость перестройки партии для очерченных нами выше боевых задач.

Для характеристики мыслей Ленина, нашедших полное отражение в его статьях, приведем еще несколько выдержек из плана брошюры об апрельской конференции. Ленин пишет:

«Итти к социализму.

Советы, развитие на местах, тормоз в центре...

Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний...

Влиять на массу убеждением, «разяснением»...

Готовиться к краху и к революции в 1000 раз сильнее февральской».

Ленин предупреждает об опасности какого бы то ни было объединения с меньшевиками. Необходимо создать новый тип партии. Необходим новый, III интернационал. Надо опираться на новые слои рабочих и привлекать в партию всю передовую и сознательную часть рабочего класса. По вопросу об отношении к войне, о задачах в деле разрешения аграрного вопроса, уничтожения помещичьего землевладения и полной ликвидации национального гнета в апрельских тезисах, а затем и в резолюциях апрельской партийной конференции дана отчетливая программа действий для всей партии (выросшей в то время до 30—40 тысяч человек), для всего рабочего класса и деревенской бедноты.

Величайшей клеветой на партию является жульническая меньшевистская попытка «историка» Шляпникова отвертеться от обвинений его труда бригадой «Правды» в меньшевистско-троцкистском искажении программных и тактических установок партии в революции 1917 года ссылкой на то, что партия не имела якобы тогда большевистской программы борьбы за пролетарскую революцию. «Помилуйте,— вопит он в ответ на обвинение в том, что что он извратил в своих «Воспоминаниях» программные установки партии,—это не может быть, это обвинение опровергается простым указанием на тот факт, что они (его работы.—К. С.) охватывают период подпольной деятельности во время войны и заканчиваются июльскими днями 1917 г., а программа ВКП(б) была принята в марте 1919 года на VIII съезде партии. Уже в силу этого я не мог отрицать в своих воспоминаниях, кончающихся в середине 1917 г., программных и тактических установок партии. В то время у нас была программа РСДРП, которая определяла деятельность партии, в том числе и мою».

Перед нами наглая попытка Шляпникова замазать свои антипартийные установки в работе в 1917 году и «оправдать» свою антипартийную деятельность в 1917 году и в последующие годы, в том числе и меньшевистские, анархо-синдикалистские «Воспоминания». Как будто партия и в 1917 году не имела статей, документов, а самое главное партийных дел, которые были уже новыми программными установками. Для Шляпникова эти установки не существуют. Он фальсифицирует историю партии и пытается изобразить свои собственные полуменьшевистские, полуанархо-синдикалистские взгляды взглядами партии.

* Мы уже говорили выше, что опираясь на растущее возмущение масс, все более охватывая стихийный напор массовой борьбы против империализма, большевики с самых первых дней Февраля повели борьбу за перерастание Февральской революции в социалистическую. Восемь месяцев понадобилось для того, чтобы изолировать соглашательские партии, организовать пролетариат и его союзников для решающего удара — для Октябрьской революции. * Высвободить массы в такой сравнительно короткий исторический срок из-под влияния мелкобуржуазных де-

мократических партий — эсеров и меньшевиков, — ставших после Февраля главной социальной опорой империализма — удалось не только потому, что объективный ход мировой истории в период войны и после нее во много раз ускорился: сделать это удалось прежде всего потому, что в Февральскую революцию наша партия вступила, имея за собой многолетний опыт руководства массами, многолетний период беспощадной борьбы с меньшевизмом, а также и с оппортунизмом в своих собственных рядах.

Тот факт, что большевистская партия родилась, возникла и оформилась в противовес соглашательству, в противовес меньшевизму, — этот факт сильнейшим образом в первую очередь определил успех роста партии, определил успехи в ее борьбе за пролетарскую революцию.

Именно благодаря тому, что партия имела многолетний опыт последовательно-революционной борьбы с врагами рабочего класса, с врагами большевизма, именно поэтому удалось осуществить задачи большевистской тактики в период подготовки пролетарской революции. Подготовка Октября совершалась под безраздельным руководством одной партии. Именно благодаря этому большевикам удалось добиться в период непосредственной подготовки Октября изоляции соглашательских партий «как наиболее опасных группировок в период развития революции» (Сталин).

«Эта изоляция, как известно, осуществлялась «в форме революционного движения масс за власть советов, под лозунгом «вся власть советам», путем борьбы за превращение советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности» (Сталин). Партия шла с массами, но она шла впереди масс, все время повышая их сознательность, усиливая и укрепляя их организованность, поднимая их борьбу на новую, более высокую ступень, втягивая при этом в борьбу все более и более широкие слои трудящихся и эксплуатируемых. «Для победы революции, — говорит т. Сталин, — если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные мас-

сы, недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется еще одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов.» Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией. Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им таким образом ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов».

Благодаря этой тактике большевизм в Октябре одержал величайшую в мире победу, совершив пролетарскую социалистическую революцию и открыв этим самым новую эпоху всемирной истории.

Февраль 1917 г.

И. Гинзбург

Из истории японской интервенции на Дальнем Востоке

С момента Октябрьского переворота империалистическая Япония сделалась одним из центров притяжения контрреволюционных элементов и превратилась в активнейшего участника интервенции, ставящего себе целью борьбу с большевизмом и отторжение Дальневосточного края. Интервенционистская политика японского империализма—его стремление захватить Дальний Восток—осуществлялась как непосредственно руками японской военщины, так и при помощи многочисленных белобандитских организаций, создававшихся японским генеральным штабом, действовавших по его указаниям, субсидировавшихся японским империализмом. Этот трогательный и небезвыгодный для обеих сторон союз не прекращается до сегодняшнего дня, а в последние месяцы, как известно, значительно усилился и укрепился.

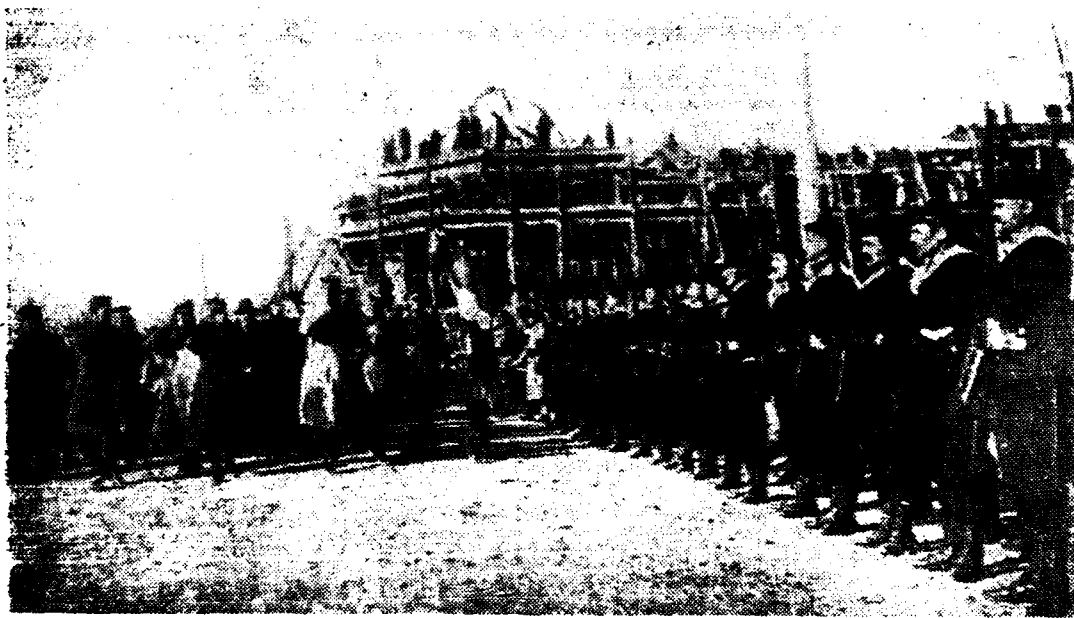
Как только телеграф и радио сообщили всему миру об Октябрьской революции, японский империализм, быстро добившись согласия стран Антанты на «активную политику», отправил во Владивостокский порт несколько японских крейсеров. По «обычаю» японских дипломатов и генерального штаба японского правительства прибытие незваных гостей во Владивостокский порт мотивировалось тем, что

«Японское правительство не имеет никаких намерений вмешиваться в политическую жизнь России, у нас нет никаких завоевательных планов, цель прибытия японских военных судов во Владивосток — охрана порядка и защита японских подданных» (из официального заявления, по поручению империалистического правительства, японского генерального консула во Владивостоке).

Истинную цену этого заявления рабочие и крестьянские массы Дальнего Востока познавали с конца ноября 1918 года до 26 апреля 1922 г.; подлинную сущность подобных мотивировок прихода японских военных крейсеров в различные пункты вод Тихого океана познают все время, особенно теперь, трудящиеся массы Китая.

Вскоре за «первыми ласточками» интервенции прибыли военные суда Англии, Америки и Франции. Советская власть во Владивостоке очутилась в железном кольце внутренней и внешней контрреволюции, первую скрипку в которой играла Япония. Для того, чтобы настроить «общественное мнение» в пользу интервенции и скрыть от японских рабочих масс истинные цели интервенции, был использован знаменитый лозунг, авторами которого¹ были не другие, как наши отечественные меньшевики и эсеры: лозунг о «связи большевиков с германским генеральным штабом», и под видом «необходимости воссоздания борьбы с Германией на Дальнем Востоке» Япония приступила к контрреволюционной интервенции. Японская печать вместе с буржуазной печатью всего мира кричала о «германской опасности», создавая таким образом моральную поддержку действиям интервентов и захватническим стремлениям японского империализма. Общественное мнение обрабатывалось и в Сибири и на Дальнем Востоке, и здесь огромную роль сыграли сибирские и дальневосточные организации меньшевиков и эсеров. 5 апреля 1918 г. после надлежащей «артиллерийской подготовки» силами внешних и внутренних социал-империалистских партий японское командование высадило десант. Вслед за японцами во Владивостоке появились английские и американские войска. Генштаб японских войск немедленно установил контакт с белобандитами Семеновым¹.

¹ Атаман Семенов—есаул Забайкальского казачьего войска. Во время империалистической войны командовал сотней Верхнеудинского полка на Кавказском фронте. Во время предпарламента 1917 г. был командирован Керенским в Сибирь и на Дальний Восток для организации антибольшевистских частей. После свержения советской власти на Дальнем Востоке был выдвинут японским командованием как орудие своих захватнических стремлений, в противовес Колчаку и англичанам. Знаменит хищениями государственного имущества, грабежами, аферами и жесточайшими расправами с населением. За это, за усердную борьбу с советской властью, иерусалимский патриарх наградил Семенова большим золотым крестом на александровской ленте и званием «кавалера святого гроба господня». Так тянутся нити от японского империализма к гробу господню...

Русские белогвардейцы торжественно встречают японский десант на Дальнем Востоке

Калмыковым, с чехо-словаками и др. Началась реализация единого плана действий. Семенов орудовал в Забайкалье, Калмыков — в Амурской области, а японцы вместе с чехами подняли 29 июня 1918 г. восстания во Владивостоке, Никольск-Уссурийске и в других городах с целью свержения советской власти. Действия японских интервентов и белобандитских отделений японского генерального штаба — Семенова, Калмыкова¹ и других — кровавыми страницами войдут в историю Дальневосточного края.

Цели японской интервенции, как и всей международной интервенции в годы гражданской войны, заключались прежде всего в борьбе против большевизма, в свержении советской власти и в реставрации буржуазно-помещичьего строя. Правительства Антанты, организовавшие интервенцию, разделили территорию бывшей царской России на «зоны влияния», при чем каждое из этих правительств при выборе зоны своего влияния руководствовалось, как рассказывает об этом один из британских интервентов, во-первых, «удобствами» для него вести борьбу с большевизмом на данном участке фронта, и во-вторых, своими «экономическими и политическими интере-

сами». Для Японии такой «зоной влияния» оказался Дальний Восток. Она боролась против большевизма на Дальнем Востоке прежде всего потому, что боялась проникновения большевистского влияния в Японию и Китай. «Большевизм распространяется по всей Европе и грозит перебраться на Дальний Восток, он угрожает Японии, Китаю, островам и т. д.», «Надвигается красная опасность, Япония должна ее приостановить во имя цивилизации», — таков лейт-мотив всех выступлений в парламенте, в печати, в открытых декларациях японского правительства.

Вместе с тем Японию влекли на Дальний Восток и «экономические и политические интересы» японского империализма, заключавшиеся в захвате Дальнего Востока и в создании таким путем «континентальной базы» для империалистической Японии. Поэтому Япония играла наиболее активную и решительную роль в интервенции на Дальнем Востоке, который оказался зоной ее влияния. Эту свою интервенционистскую политику Япония проводила в тесном единении с правительствами Антанты. О том, что японская интервенция была частью общеантантовского плана, недвусмысленно говорит например декларация японского правительства, опубликованная в начале августа 1918 г.

«Японское правительство всегда питало самые горячие надежды на скорое восстановление порядка в России и здоровое беспрепятственное развитие ее национальной жизни... Германия, Австрия и другие упорно распространяют свою деятельность на Дальнем Востоке владений России и настойчиво препятствуют

¹ Калмыков был послан в 1917 г. Керенским в Сибирь для организации противобольшевистских отрядов и собирания контрреволюционных сил. Подвизался после оккупации Дальнего Востока японцами с их благословения в Уссурийском районе, возложив на себя титул «атамана Уссурийского казачества». Отличался ничем не прикрытым грабежом и вымогательствами, покорностью японскому командованию и мучительными истязаниями и вытками по отношению к трудящимся Дальнего Востока.

продвижению чехо-словацких войск через Россию. Японское правительство, идя навстречу желанию американского правительства, а также в полном согласии со всеми союзниками, решило немедленно приступить к посылке необходимых войск для защиты чехо-словаков и их продвижения на родину. По осуществлении вышеуказанной цели, японское правительство немедленно отзовет с русской территории свои войска».

Через несколько дней (12 августа) во Владивостоке высадилась 12-я дивизия японских войск, которая направилась в Забайкалье на помощь белому атаману Семенову. С помощью японских и чешских войск в декабре 1918 г. Семенов стал полным хозяином Читы и всего Забайкалья. Количество японских войск на Дальнем Востоке было доведено до 100 тысяч. Под практическим контролем японцев оказались ВЖД и значительная часть Уссурийской ж. д. Японские войска наводнили Приморскую, Амурскую и Забайкальскую области. Вместе с японскими оккупационными войсками в этих областях господствовали полные генеральному штабу атаманы — Семенов, Калмыков и другие. Режим полного беззакония установился в этих областях. «Калмыковщина и семеновщина» — вот та система управления, которая установилась в оккупированных областях. На службу оккупации поступили не только белобандитские элементы, эти уголовные

преступники в старых царских мундирах, но и обыкновенные уголовные элементы, набираемые японцами в тюрьмах. Создана была контрразведка. Так в тесном союзе с белобандитами и просто бандитами путем провокаций орудовала японская военщина в Дальневосточном крае. Карательные экспедиции, посылаемые японцами, сносили с лица земли целые деревни и селения.

Когда союзные интервенционные войска оставили Сибирь и Дальний Восток, когда ушли последние транспорты чехо-словаков, Япония превратилась в монопольную хозяйку Дальневосточного края, в центр притяжения всех сил контрреволюции — от монархических до «социал-демократических».

Оккупация края, сопровождаемая дикими репрессиями по отношению к трудящимся, вызвала массовый уход в тайгу рабочих и крестьян, из которых формировались партизанские отряды, начавшие в необычайно тяжелых условиях славную, героическую борьбу с оккупантами и их белобандитскими лакеями. Для борьбы с партизанами японские войска наводнили линию Уссурийской ж. д., где установили жесточайший режим. Каждый заподозренный в том, что он партизан или большевик, расстреливался. Во имя «спасения японских резидентов» присылались части за частями, оккупировали район за районом.

Когда в начале 1920 г. Красной армией была разгромлена колчаковщина и крас-

ные войска быстро прошли в глубь Сибири, партизанское движение чрезвычайно усилилось и сделалось грозной опасностью для оккупантов и для их прислужников — русских белогвардейцев. Контрреволюционная власть во Владивостоке, атаманы и атаманчики в панике стали оставлять свои гнезда и бежать под высокое покровительство японского штаба. Японские господа стали отступать вслед за своими лакеями. Вскоре все Забайкалье было очищено от японской оккупации и от контрреволюционной нечисти.

Чтобы не допустить связи с Советской республикой, чтобы покончить с движением красных партизан, чтобы уничтожить советы, возникшие в ряде городов и селений Дальневосточного края, японцы снова прибегли к своему испытанному методу — к провокации. Особенно ярко был применен провокационный прием в Николаевске-на-Амуре. Японская военщина хотела во что бы то ни стало удержать в своих руках Николаевск-на-Амуре, так как он был ценен для японцев как важная стратегическая база, дающая возможность контролировать устье Амура, посылать отсюда свои военные суда по всей реке и подготавливать захват Сахалина. На этот пункт началось наступление партизан под начальством Тряпицина. Удачным нападением была захвачена крепость Шмирах и осажден Николаевск. После месячной осады Николаевска японцы вынуждены были согласиться заключить мир, согласились обезоружить белогвардейцев и обязались не вмешиваться во внутренние дела. 24 февраля 1920 г. партизаны вступили в город, белогвардейцы были обезоружены, главаря их посажены в тюрьму, японцы же проявляли к партизанам максимум любезности и внимания. Но эта спокойная обстановка, эта «любезность» были ширмой, за которой скрывалась подготовка чудовищного заговора. Через несколько дней после сдачи Николаевска партизанам японское командование отдало распоряжение о внезапном нападении на партизан. После двухдневного боя нападение японцев было подавлено, японские войска обезоружены и взяты в плен. Но в конце мая под давлением наступающих японских частей партизаны вынуждены были все же уйти в тайгу. Перед уходом партизанами были расстреляны японские резиденты и ряд представителей буржуазии, связанных с японским командованием.

Вслед за этим в приказах японскому военному командованию со стороны военного министерства были немедленно намечены планы окончательного захвата Приморской области и Амура. Вот отдельные выдержки:

«После событий в Николаевске-на-Амуре японское правительство считает себя вынужденным издать следующие приказы, которые могут защитить японские интересы в Приморской и Амурской области. Мы приказываем эту территорию разбить на три военных округа... Для того, чтобы вашу работу облегчить, мы вам пришлем в кратчайший срок все планы, которые в иностранном министерстве уже разработаны, которые предусматривают функции гражданских учреждений на случай оккупации. Наши интересы требуют также подготовки наступления на Благовещенск, район которого наполнен нерегулярными большевистскими войсками. Вы должны к этому наступлению все подготовить таким образом, чтобы в каждый момент могли начать наступление».

«Великие задачи японского императорского правительства требуют, чтобы оккупация в кратчайший срок в полном объеме была реализована».

Декларация японского правительства по поводу оккупации Дальнего Востока почти дословно совпадает с нынешними его декларациями по поводу оккупации Манчжурии:

«Ни одно государство так тесно не связано географическими отношениями с Сибирью, как Японская империя. Так как создавшаяся политическая обстановка на Дальнем Востоке Сибири угрожает не только жизни и имуществу наших граждан, живущих в Сибири, но и Корею и Манчжурии, эти обстоятельства, к сожалению, ни в коем случае не разрешают нам немедленно эвакуировать наши войска из Д.-В. края».

Как мы уже указали, все эти заверения очень и очень напоминают нам декларации японских представителей в Лиге наций, декларации японского правительства в оккупированной Манчжурии и т. п. История оккупации в Сибири показала, что эти декларации ничего абсолютно не стоят, что «ждать», пока японские войска сами захотят очистить оккупированные территории, не приходится, и что единственное, что заставило их очистить Дальний Восток, это острие штыков нашей Красной армии.

В лживости последней декларации трудящимся массам ДВК пришлось убедиться очень быстро, так как вслед за ее появлением японцами был захвачен Сахалин и была свергнута советская власть. Партизанский отряд и активные работники советской власти вынуждены были уйти в сопки. Захват Сахалина, совершенный высадившимися там японскими частями, сопровождался очередными декларациями, очередными свидетельствами лицемерия японского империализма. Вот текст одного из воззваний:

«Японские части прибыли исключительно с целью удостовериться в правдивости многочисленных слухов о том, что японские граждане этой области либо убиты, либо разграблены, и с целью защиты японских граждан...».

Таково было заверение в начале оккупации Сахалина, затем последовал приказ генерала Ооа (3 июля 1920 г.), в котором он сообщал о необходимости временного занятия Сахалинской области с Николаевском-на-Амуре, Хабаровском и другими городами, а 11 дней спустя был опубликован еще один характерный приказ, в котором черным по белому значилось:

«В ближайшие дни Японией будет введено военно-административное управление на русской территории Сахалина.

Исходя из этого: 1) все учреждения должны с 25 июля сдать все свои дела японскому командованию...»

Захватив в свои руки Сахалинскую область, установив в ней свой неприкрытый оккупационный режим и открыто назначив японскую администрацию, японские империалисты наложили свои кровавые руки на хозяйство области. Прежде всего было запрещено «лицам неяпонского подданства» продолжать эксплуатацию Сахалинских рудников, были захвачены все рыбалки на Сахалине и Амуре, чем местное население было обречено на голодную смерть, так как рыболовство в этой области составляет главный источник пропитания.

Одновременно с захватом Сахалина, Николаевска-на-Амуре и других городов японцы захватили Владивосток. Наличие пролетарского ядра в городе делало эту часть оккупации для японцев более трудной.

Оккупацию Владивостока японцы стали осуществлять руками верных им белобандитов. Таким послушным оружием в руках

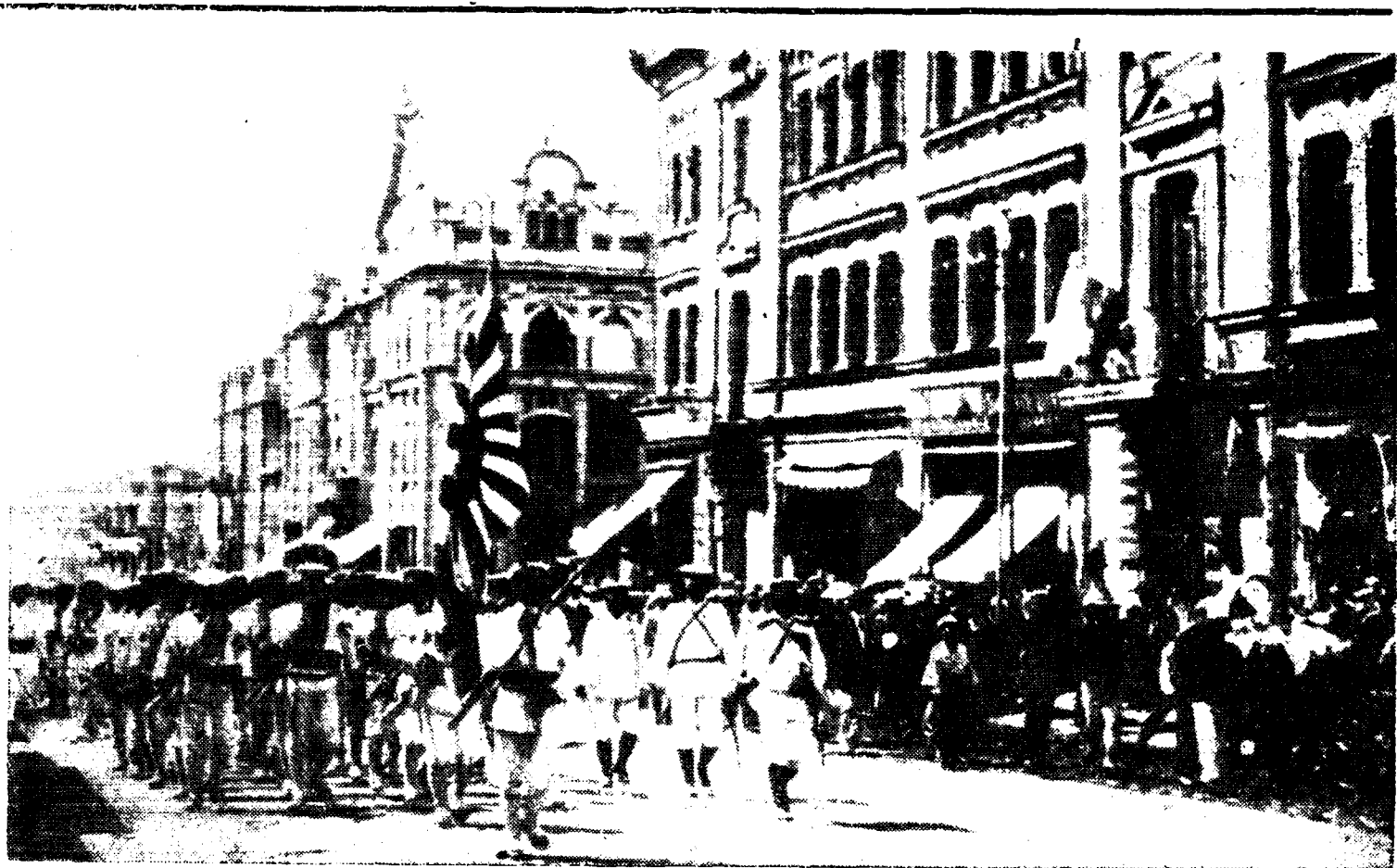
японского командования до начала 1920 г. был генерал Розанов. Первая попытка свергнуть власть японского наймита владивостокские рабочие и солдаты проделали в январе 1920 г. Но здесь подоспела военная помощь японцев, и несколько сот рабочих и солдат были расстреляны из пулеметов.

К этому времени был создан «буфер» между РСФСР и Японией в виде ДВР. Создание «буфера» смешало все карты японского империализма. Внутренние противоречия в лагере империалистов также давали себя знать. На сцену выступила Америка (САСШ), тоже имевшая виды на Д. В. Японскому империализму пришлось подсократить свои аппетиты.

В телеграмме командующему Сиб. эксп. армией из Токио военное министерство (с 488 секр. заседан.) дает следующую директиву:

«Наши политические проекты в Сибири полностью не проводить. Требования САСШ о немедленной эвакуации японскими войсками Сибири превратилось в очень серьезный вопрос... Настоящее положение вынуждает нас отказаться на некоторое время от оккупационных планов в Сибири, оставаясь укрепленными на тех территориях, где есть наши войска. Операции против Амурской области должны быть приостановлены, но войска должны быть готовы».

Эти войска готовились, так как японское командование спешило создать очередную провокацию для захвата Владивостока. В Приамурскую область были стянуты войска из Амура. Вокруг Владивостока сооружались окопы и строились проволочные заграждения. В порт прибывал транспорт за транспортом японских войск, были заняты крепостные укрепления, радиостанция. Затем японские войска захватили город, арестовав и расстреляв ряд коммунистических деятелей (в том числе Сибирцева, Луцкого и др.). Два дня город находился в распоряжении японских солдат. Пострадали сотни обывателей — убивались и люди совершенно аполитичные, убивались женщины, дети. Мы видим, как эта традиция и теперь достойно выполняется «доблестными» солдатами и особенно офицерами японской армии в Шанхае. Еще гнуснее держали себя японские оккупанты в Хабаровске, осуществившие там переворот в тот же день (5 апреля). Совпадение в сроке свидетельствует о действиях по заранее намеченному плану. В Хабаровске

Японские оккупанты на улицах Владивостока в 1920 г.

японцы устроили кровавую баню. Было убито 400 человек, в том числе немало женщин и детей; было арестовано 1.500 человек, из которых очень и очень мало осталось в живых.

Таков был очередной «акт миролюбия» японского империализма в отношении трудящихся Владивостока и Хабаровска, акт, несомненно согласованный с союзниками и имеющий целью захват, по примеру Сахалина, ряда важных пунктов ДВК, имеющий целью сорвать процесс объединения разрозненных частей и окраин края с ДВР.

Все эти интервенционистские акты совершались при участии белобандитских организаций. Англия и Франция молчаливо санкционировали действия японского империализма, протестовали лишь САСШ. — постоянный соперник японского империализма на Дальнем Востоке. Не без влияния их протестов, но главным образом под угрозой приближающихся штыков Красной армии и армии ДВР, Япония забила отбой и согласилась мирным путем урегулировать свои требования. Наступила временная передышка. Началась эпопея согласительных комиссий. От непосредственных действий собственных воинских частей японцы начали все больше и больше переходить к использованию своих лакеев — белобандитских атаманов.

Атаман Семенов начал получать энергичную помощь амуницией и оружием. Транспорт за транспортом прибывали в Читу — его резиденцию. Для ослабления верхнеудинского правительства, чтобы не допустить объединения этих районов с ДВР, генерал Ооа поддерживал атамана Семенова и предпринял ряд дополнительных мероприятий, как то: посылку белобандитских отрядов и др. Такой метод был применен по отношению к Народному ревкому Амурии после признания им Амурской области частью ДВР. Свыше трех крупных бандитских отрядов, быстро сформировавшихся из частей Каппеля и Колчака, появилось на территории Амурской области. Таким образом японским генеральным штабом был задуман еще один план уничтожения «буфера», недопущения объединения Дальневосточного края, так как такое объединение под демократической, а не большевистской властью лишало Японию возможности прикрывать свои оккупационные планы на Дальнем Востоке лозунгами борьбы с красной опасностью. В интересах японского империализма было во что бы то ни стало поддержать на Дальнем Востоке разруху, беспорядки, не допускать организации твердой центральной власти. Когда семеновские банды совершенно разложились вследствие пьян-

ства и грабежей, была поставлена ставка на барона Унтера¹, которому было поручено организовать отряды из банд колчаковцев, отступивших в Монголию. Японские империалисты собирались превратить Монголию в колонию японского империализма и сделать из Монголии плацдарм для нападения на ДВР и на Советский союз. Огромное количество вооружения и аммуниции вместе с инструкторами и японскими офицерами последовали на помощь Унтеру. Барон Унгер начал свою деятельность с провозглашения «независимости Монголии от Китая». Вначале ему удалось изгнать китайские войска, восстановить номинальную власть Хутухты и начать подготовку нападения на Забайкалье. О его связи и прямом подчинении японскому командованию свидетельствует огромное количество документов, обнаруженных у него после захвата его в плен.

Кроме организации банд Унтера японское командование (в лице генерала Ооа) разослало своим подчиненным директивы следующего порядка:

«Всеми силами оказывать влияние на внутренние дела в Хабаровске, чтобы всегда мешать деятельности хабаровской администрации и чтобы уполномоченный

¹ Унгер — сподвижник атамана Семенова, отличившийся особыми садистскими пытками и убийством рабочих и крестьян Забайкалья. Японцы пытались использовать Унгера для удержания в сфере своего влияния Монголии. Ему было поручено организовать разрозненные остатки колчаковских банд и захватить Монголию.

дальневосточного правительства не мог достигнуть в своей работе никакой цели. Всеми силами поддерживайте городскую партию², но так, чтобы это не было заметно населению» (из секретного распоряжения генерала Ооа командующему 14-й дивизией от 12 августа 1920 г.).

А наряду с такими действиями японское командование для отвлечения внимания общественного мнения, для притупления бдительности отдельных правительств Дальневосточного края, стремящихся к объединению с ДВР, публикует следующую декларацию, как бы в ответ на провозглашение независимой ДВР:

Искренне сочувствуя тому положению, которое переживает русское население Дальнего Востока, японское командование от всей души желает скорейшего определения политического положения края и восстановления в нем порядка. Оно не имеет никаких замыслов и посягательств на территориальные права России...

Теперь, когда перевозка чехо-словацких войск закончилась, я открыто заявляю, что японское командование с радостью эвакуирует свои войска, как только установится прочное положение на русских территориях Дальневосточного края, как только исключена будет возможность угрозы Корее и Манчжурии и

² Партия черносотенцев и белобандитов японской ориентации.

Японский империализм сегодня

Японские танки в Манчжурии

Японский империализм сегодня

Японский броневик в Хэйлю
кю разрушает дома, насе-
ленные китайцами

будет обеспечена безопасность жизни и имущества японских граждан.

Японское командование вместе с русским народом всей душой приветствует образование автономной территории из частей Дальневосточного края и принятие такой политической формы правления, какая будет соответствовать воле народа...» (декларация от 12 мая 1920 г.).

Так японское правительство, публикуя для отвода глаз подобные декларации, подготавливало уничтожение ДВР, снова и снова организуя белогвардейские банды и ведя переговоры с французским правительством о подготовке нового решительного наступления на ДВР.

Подготовка новой провокации со стороны японского генерального штаба продолжалась весь 1920 год.

К весне 1921 года японцы наметили к реализации следующий план: барон Унгер должен был ударить на Забайкалье, Семенов должен был высадиться во Владивостоке и занять Хабаровск, генерал Сычев — Благовещенск и т. д. Словом, намечался план срыва Народного собрания во Владивостоке, цель которого была объединить край с ДВР, и делалась еще одна попытка разорвать «буфер» на части и создать между ДВР и Японией военно-политическую базу японского империализма. О том, что был выработан такой план, свидетельствует ряд документов. Вот например секретная инструкция японскому жандармскому управлению во Владивостоке. Она гласит:

«Японское командование на основе секретного договора, učinенного в Порт-Артуре, обязано помочь атаману Семенову в его десанте во Владивосток с тем, чтобы он объявил себя главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальнего Востока и начал мобилизацию».

А один из пунктов секретного соглашения, заключенного в Порт-Артуре с Семеновым, гласит:

«§ 4. В момент начала наступления русских войск японское командование снабжает их денежной помощью в размере 150 тысяч иен».

Плана этого японцам реализовать не удалось. Барон Унгер был соединенными силами Красной армии и народно-революционных частей разбит, взят в плен и расстрелян, а его войска рассеяны. В частях семеновско-камелевских банд началось необычайное разложение, вылившееся во взаимную драку. Японцам и белобандитам удалось выполнить лишь одну часть кровавой затеи — произвести черносотенный переворот во Владивостоке (26—27 мая) и посадить «Меркуловское правительство». Меркулов отдает все хозяйство области в руки японцев и жесточайшим образом истребляет коммунистов и всех заподозренных в сочувствии партизанам и коммунистам.

Господство белых ставленников японского империализма продолжалось еще свыше года. Местное партизанское движение, подкрепляемое войсками ДВР, выбивало белых из одного пункта за другим,

вслед за белыми из этих пунктов уходили и японцы. В феврале 1922 г. Народно-революционная армия занимает Хабаровск. Однако оккупация Владивостока японцами продолжается вплоть до 21 октября 1922 г., т. е. до тех пор, пока части Красной армии не вступают в город. Окончательное очищение японцами нашей территории происходит лишь в мае 1925 г., когда японцы очищают Северный Сахалин. Войска японского империализма пробыли на территории Советского союза дольше, чем войска всех других империалистических стран.

Эта оккупация дорого обошлась трудящимся Дальневосточного края. Тысячи расстрелянных и замученных в застенках японской контрразведки, в контрразведках японских наемников-белобандитов, сотни сожженных до тла деревень и селений, тяжелая разруха в хозяйстве края, — вот чего стоила рабочим и крестьянам ДВК эта оккупация.

Но трудящиеся СССР приобрели великодушный опыт. Да не только трудящиеся

ДВК великолепно познали сущность японской политики — ее знает теперь на опыте Дальнего Востока, Манчжурии и Шанхая весь трудящийся мир; он знает, что следует за «беспокойством» японских империалистов о «жизни своих подданных». Трудящимся СССР известна также старая дружба японского империализма и русских отбросов белой масти. Они понимают, что означает регистрация безработных белогвардейцев в Манчжурии, они понимают, что не зря «Берлинер Берзенцейтунг» пишет: «Белогвардейцы достигли многого: создан новый опасный очаг волнений на Дальнем Востоке». Но японский империализм забывает, что то, что было возможно в 1918—22 гг., то совершенно невозможно в 1931—32 гг. «Основным лозунгом внешней политики Советского союза был и остается лозунг укрепления мира...» — говорил т. Молотов на VI съезде советов. — Мы вместе с тем выражаем непоколебимую уверенность в том, что вооруженное нападение на СССР теперь означает главную опасность для тех, кто посмеет нарушить мир и напасть на Советский союз».

Японский империализм сегодня

Центральный район Шанхая, разрушенный японской артиллерией

Венгерская революция и царская интервенция

Революция 1848 года, начавшись во Франции, гулким эхом отдалась по всей Европе. 28 февраля появились баррикады на улицах Парижа. 13 марта в огне была Вена, 18 марта капитулировало феодальное правительство в Берлине. Глухо завоновались народные массы стран, находившихся под властью феодальных правительств Австрии и Пруссии. Волна революции охватила угнетенную Венгрию.

В мартовские дни испуганное баррикадными боями австрийское правительство дало согласие на самостоятельное венгерское министерство. Связь между Венгрией и Австрией была сведена к персональной унии. Революционное движение в Венгрии стало быстро развиваться. Были уничтожены политические привилегии, введено всеобщее избирательное право, отменены феодальные повинности. Однако чрезвычайно быстро обнаружилась слабая организованность революционных сил в Австрии. «Минимом ответственного венского министерства,— пишет по этому поводу Маркс,—оставалось бессильным, зато тем сильнее укрепились камарилья инсбрукского двора¹, опираясь на императорскую армию в Италии, национальные чувства чехов, кроатов и сербов, на закоснелую ограниченность русинских крестьян»².

26 июня австрийский император опубликовал манифест к Венгрии, в котором отменялись все революционные завоевания венгерцев, венгерское же министерство объявлялось бунтовщическим. Манифест был объявлен вождем венгерских революционеров Кошутом недействительным.

Это было началом австро-венгерской борьбы, которая в дальнейшем привела к вооруженному восстанию венгерских масс против Австрии.

Революционная венгерская война против Австрии превратилась в европейскую войну в тот момент, когда в это дело вмеша-

лась царская Россия и послала свои отряды на помощь австрийскому императору, чтобы совместными усилиями подавить венгерскую революцию.

Русская интервенция Венгрии, организованная в 1849 году, готовилась уже с марта 1848 года.

Революционные события 1848 года не прошли мимо самодержавной николаевской России. Жандармско-полицейский режим, террор и организованный поход реакции не могли разрушить влияние 1848 года на ход и развитие классовой борьбы в России.

Что происходило на Западе, узнать было трудно. Периодическая печать того времени давала искаженные сведения о событиях, происходивших во Франции, Германии, Италии. Народная масса—крестьяне, солдаты, ремесленники, рабочие—получали об этих событиях обычно весьма своеобразную «информацию» путем торжественных правительственных манифестов и воззваний, прочитанных с амвона, путем проповедей священников и т. д. Доверия к сообщениям правительства конечно не было; народные массы были охвачены настроением, внушавшим беспокойство правительству, дворянству, всем эксплуататорским классам.

К середине XIX столетия вспышки недовольства среди крестьян, изнывавших под тяжестью крепостной зависимости, становились все более и более частым явлением.

Движение приобретало формы отказа от уплаты податей, отказа отбывать рекрутчину, а часто выражалось и в прямом массовом возмущении. Особенной остроты движение достигло в западных губерниях, в Остзейском крае, где положение крестьян было особенно тяжелым; крестьянские волнения имели место также в Смоленской, Вольнской, Ковенской губерниях. Крестьянские волнения вызвали настоящую панику среди помещиков; в некоторых областях, как например в Вольнской губернии, они привели к повальному бегству помещиков из своих имений.

¹ В Инсбрук в мартовские дни бежали из Вены король, вся императорская фамилия, вся феодальная знать. Инсбрук сделался центром контрреволюции.

² Маркс. «Новая рейнская газета», статья «Венгрия» (18 мая), собр. соч., т. VII.

Чрезвычайно настороженное отношение правительства к рабочим свидетельствовало о том, что и здесь для царизма было отнюдь не благополучно. Правительство пристально присматривалось к настроению рабочих, опасаясь западной «заразы», запрещало писать о рабочих во Франции, где происходят или могут происходить беспорядки». Опасения правительства в отношении волнений среди рабочих были настолько велики, что московский генерал-губернатор Закревский предлагал запретить устройство в Москве новых фабрик и прекратить расширение существующих «для охранения тишины и благоденствия, каким в настоящее время наслаждается одна Россия». Николай одобрил этот проект и наложил резолюцию: «Весьма важно; сообразить в комитете министров».

Наибольший отклик революция 1848 г. нашла в среде передовой интеллигентской молодежи. Здесь торжество революции на Западе находило живое сочувствие, вызывало еще большую ненависть к абсолютистской реакции, к крепостному праву, ко всей николаевской России с ее казарменным строем. В эту среду проникали с Запада и осколки буржуазно-демократических идеологий, и учения Сен-Симона и Фурье.

Революция 1848 года расширила и обострила интерес к социально-политическим проблемам, увеличила количество горячих сторонников французского утопического социализма. Это движение, как известно, вылилось в организацию различного рода кружков, из которых наибольшую известность получил кружок М. В. Буташевич-Петрашевского. Петрашевцам суждено было стать «первыми мучениками за социализм».

Страх правительства перед революционной «заразой» обусловил и жесткие меры борьбы. Как раз накануне похода в Венгрию правительство произвело арест петрашевцев (арест петрашевцев был произведен 23 апреля, а 26 апреля был издан манифест о «помощи» Австрии), а затем последовала суровая расправа с главными участниками кружка, где в качестве особой милости казнь через повешение была заменена вечной каторгой.

В пределах «царства Польского» в 1848 году также было далеко не спокойно. В Польше как раз на этот период падает наибольшее количество заговоров, из которых некоторые, по официальным донесениям, «составлялись в духе коммунизма

вследствие распространения гнусных правил на Западе».

По планам европейской буржуазии восстановленная и возвращенная к границам 1772 года Польша должна была служить «оборонительной стеной» между Россией и Западом. Жители «царства Польского» не скрывали своих надежд, связанных с торжеством революционного движения на Западе, и открыто их высказывали. Николай в этом вопросе занял вполне четкую позицию, когда по поводу этих проектов он писал: «что-то поляки наши затевают, при малейшей попытке — короткий им конец».

Итак, 1848 год в России ознаменовался крестьянскими волнениями, брожением среди рабочих, ростом революционного движения среди интеллигенции, национально-освободительным движением в Польше. Все это вместе взятое обуславливало страх николаевского правительства перед красным призраком революции, характеризующий как внутреннюю политику, так и политику военную, дипломатическую.

Боязнь революционного движения внутри страны диктовала репрессивные меры. «Дабы,— по словам Николая,— все попытки дома укротить в самом начале».

Для этого николаевское правительство считало необходимым создание усиленной военной охраны русских окраин, усиление полицейского надзора, господство совершенно исключительной цензуры, создание получившего широкую известность бутурлинского комитета с чрезвычайными полномочиями по делам печати и т. д. Но этого было мало, нужна была «охранительная» позиция николаевского правительства в отношении революционного Запада; нужно было начать непосредственное вмешательство в европейскую революцию.

Вопрос о необходимости вмешательства в революцию был решен при первых известиях о революции во Франции: в дальнейшем первое желание пронзить острием русского штыка европейскую революцию было заменено построением целого плана военного похода в Европу, с наибольшей для себя выгодой и с наименьшими затратами.

Непосредственно после свержения правительства Меттерниха в Австрии николаевское правительство издало манифест с угрозой, направленной против его врага — революции. Русский манифест, объявлявший русским подданным о европейской революции, звучал совершенно недвусмы-

еленно: «После благословений долголетнего мира,—говорит он,—запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства... По заветному примеру наших православных предков, призвав на помощь бога всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со святою нашею Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших.

Мы уверены, что всякий русский, всякий верноподданный наш ответит радостно на призыв своего государя, что древний наш возглас «за веру, царя и отечество» и ныне предрекает нам путь к победе, и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем: «С нами бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами бог!»¹

После издания этого манифеста русская армия была приведена в полную боевую готовность, однако Николай, несмотря на свое решение подавить революцию, все же не трогается с места.

Россия после угрожающего манифеста рассылает комментарии этого манифеста, где говорит о невмешательстве во внутренние дела революционных стран.

Положение в марте и апреле 1848 года было в высшей степени неустойчивым, можно было ждать полной победы революции в Австрии и Пруссии, тогда последние могли стать прямой угрозой России. Значительную опасность для России представлял польский плацдарм Пруссии — Познань. «В настоящий момент,—доносил русский посол Брунов министру иностранных дел Нессельроде,—в наших интересах следить за тем чтобы они, каждая в отдельности (т. е. Австрия и Пруссия) держалась отчетливой линии поведения в отношении нас, для того, чтобы помешать им соединиться, с целью совместного действия против нас». Русское правительство становится в оборонительное положение, выполняя две основные задачи: усиление репрессий внутри страны, а также ограждение своих границ от революционной опасности, которая шла с границ Познани и Галиции. Однако Познань очень скоро была усмирена усилиями прусского правительства; под ударами реакции пала и революционная Галиция.

¹ «Русский инвалид» № 60, «Северная пчела» № 59 и др.

Уже осенью 1848 года в Германии стали обнаруживаться совершенно явственно рост и консолидация контрреволюционных сил, в конце концов приведшие к полному поражению революции.

Изгнанное из Вены феодальное правительство Австрии, оказавшись в Ольмюце, центре контрреволюции, организовало армию из 60.000 человек, во главе которой встал генерал Виндишгрец. В конце октября эта армия приступила к блокаде восставшей Вены. Николай отлично понимал значение происходивших событий. «Под Веной,—писал Николай,—кажется мне, решится, быть ли австрийской империи или исчезнуть» (письмо от 12 октября 1848 г.). Восстание в Вене было с невероятной жестокостью подавлено. С момента подавления венского октябрьского восстания между русским правительством и австрийским министерством началось тесное сближение.

Насколько близки были отношения Николая с правительственными кругами реакционной Вены, показывает одна депеша. Последняя содержит донесение Фонтон — русского посла в Вене — о своем свидании и переговорах с Виндишгрецом в середине октября 1848 года. Принц Виндишгрец принял Фонтон с необычайной приветливостью.

«Вид его был чрезвычайно серьезен,—пишет Фонтон.—он не пытался даже скрыть ту глубокую печаль, которая омрачала его лицо, печаль вследствие тяжелых несчастий, гражданской войны, раздирающей монархию. Очень часто в течение нашего разговора он с трудом сдерживал слезы, но эта чувствительность частного человека,—пишет Фонтон,—только возвышала ясность и необычайное спокойствие, с которыми он развивал свои обязанности должностного лица. «У меня,—говорил он,—задачи необычайной трудности, необходимо подавить анархию не только физически, но и морально. Не было еще в истории примера, когда страна в столь непродолжительный срок до того была деморализована, как наша. Революционный дух охватил и увлек массы подобно глыбе снега. Если не желать идти к полному разрушению,—пришел момент оказать противодействие, для этого нет недостатка средств». Зашел разговор о том, насколько император Николай готов поддержать тех, которые стремятся восстановить монархию в Австрии. «Я никогда не сомневался,—сказал Виндишгрец,—в симпатиях императора к тем целям, которые я защищаю. Его вели-

чество сам мне их открыл, и я имел возможность с полной откровенностью и прямодушием сообщить мои идеи. Когда Вы будете писать Нессельроде, скажите ему, что все, что я предвидел, случилось, что Вы меня видели, что я нахожусь здесь во главе военных сил, которые, как я надеюсь, в состоянии положить конец анархии... Если мои усилия не будут иметь успеха, мы обратимся к благородному сердцу императора Николая». (На депеше рукой Николая написано: «И я отвечу»). При прощании Виндишгрец снова высказал свое заветное желание. «У нас господствует анархия, но мы имеем достаточно средств для того, чтобы выйти из нее, настоящий момент является в этом смысле благоприятным, как только вопрос с Веной будет покончен, и это самое главное, мы подумаем о венгерцах. Я надеюсь, что дела пойдут хорошо, в противном случае мы рассчитываем на благородное сердце императора». (На полях депеши опять мы находим надпись рукой Николая: «И они не ошибутся»).

Депеша кончается чрезвычайно выспренними словами русского посла Фонтона по адресу Виндишгреца: «Пусть его усилия будут увенчаны успехом, пусть провидение сохранит его для монархии, так как в нем единственном объединено в одно целое необходимое достоинство спасителя монархии в данный момент кризиса». Рукой Николая на этом написано: «Аминь».

Энергичные и совершенно недвусмысленные надписи Николая говорят о том, что вопрос о необходимости вмешаться в подавление революции для Николая был решен, тем более, что обстоятельства чрезвычайно способствовали вмешательству. Поражение революции в Вене дало перевес контрреволюционным силам Австрии.

Ольмюцская камарилья осуществила давно подготавливавшийся удар. Она заставила отречься австрийского императора — идиота Фердинанда, скомпрометированного уступками революции, и возвела на трон, как свое орудие, восемнадцатилетнего Франца-Иосифа. Венгерское национальное собрание объявило этот акт незаконным, отказало императору в повиновении и призвало народ к восстанию. В январе 1849 г. последовало вступление австрийского главнокомандующего князя Виндишгреца в столицу Венгрии — Пешт. Кошут вместе с парламентом направился в Добречин. Облеченный диктаторской властью, Кошут провел акт о лишении династии Габсбургов

всяких прав на венгерский престол. Этот момент знаменовал собою высший пункт национальной революции.

Венгерская революция — это эпилог европейской революции, начавшейся в феврале 1848 года. «Этот эпилог, — писал Маркс, — отличается таким же героическим характером, как первые быстро следовавшие одна за другою сцены революционной трагедии 1848 г., как падение Парижа и Вены. Впервые в революционном движении 1848 г., впервые после 1793 г. нация, окруженная превосходными силами контрреволюции, осмеливается противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть, противопоставить белому террору красный террор. Впервые после долгого времени мы видим истинно-революционный характер человека, который осмеливается поднять во имя своего народа перчатку отчаянной борьбы, который воплощает для своего народа в одном лице Дантона и Карно — Людвиг Кошута» (К. Маркс, собр. соч., т. VII).

Восставшим удалось противопоставить противнику прекрасную организацию массового восстания, национальную фабрику оружия, быструю расправу со всяким, кто задерживает революционное движение, — словом методы 1793 года.

Несмотря на огромный перевес сил на стороне врага, венгры одерживали одну победу за другой и начали угрожать Вене. Австрийское правительство обратилось за помощью к Николаю, и Николай с готовностью отозвался, направив 80.000-ное войско в Венгрию. Героическая борьба венгров сделалась вопросом европейского значения — здесь решался вопрос жизни или смерти всей европейской революции. В одной из своих прокламаций, обращенной ко всем нациям, восставшие венгерцы так формулировали свою задачу: «Венгерская борьба не есть только наша борьба. Это борьба свободы народов против тирании. Наша победа есть победа свободы всех народов, наша борьба — борьба всех народов, наша гибель — гибель свободы. Если мы погибнем, то погибнет и свобода».

Все попытки со стороны венгерцев найти защиту у могущественных европейских наций — Франции и Англии — не привели ни к чему. Правительства Англии и Франции были глухи к мольбам венгерцев. Франция несомненно могла бы оказать Венгрии очень реальную поддержку: стоило ей только атаковать австрийскую армию в Италии, и подавление венгерского восста-

ния Россией было бы чрезвычайно усложнено. Однако Французская республика в лице Законодательного собрания и президента Наполеона решительно и твердо стояла на пути реакции. С нетерпением ждали венгерцы помощи со стороны английского правительства — ждали денежной помощи, ждали признания законности венгерской республики. Однако эта помощь не приходила. Английское правительство, в лице министерства вигов, представлявшего торгово-промышленную буржуазию, не склонно было защищать венгерских повстанцев.

Маркс считал, что оплотом реакции в период революции 1848 года являлась не только Россия — политический диктатор Европы, но и Англия — деспот мирового рынка. Маркс называет Англию скалою, о которую разбиваются революционные волны. Реакционный курс английского правительства был конечно совершенно понятен: наличие острых классовых противоречий внутри Англии, и в первую очередь революционное классовое движение английского пролетариата — чартизм, делало английскую буржуазию оплотом реакции. Кроме того Англия имела у себя дома постоянный революционный очаг — волнуемую и борющуюся за свою независимость Ирландию. Чувство солидарности в борьбе за «священные основы» порядка, боязнь помешать России подавить революцию в то время, как революция стучалась в дверь самой Англии, сыграли решающую роль в позиции британского правительства в отношении интервенции России в Венгрии. В этом же направлении влияло и стремление Англии сохранить целостность австрийской империи, в особенности сохранить за Австрией ее восточные провинции, ибо Австрия была наиболее близким союзником Англии на Востоке. Все эти обстоятельства сделали Англию пособником царской России в ее кровавом деле. Когда русский посол в Лондоне сообщил английскому министру иностранных дел Пальмерстону о том, что русские войска вошли в Венгрию для подавления восстания, Пальмерстон ответил: «кончайте скорее», а премьер-министр Россель заявил, что дело Кошута, как дело анархическое, не может встретить сочувствия в Англии. «Благоразумие нашей страны, — говорил Россель, — не присмлет того, что окрашено красным цветом, цветом социализма — будет ли это во Франции, в Италии, — где бы то ни было. Мы не хотим этого, у нас

совершенно достаточно движений, нарушающих наше спокойствие». «Вы можете быть уверены, — говорил Россель Брюнову, — что дело Кошута найдет очень мало сторонников среди влиятельных классов Англии»¹. При сохранении «нейтралитета» Англии, которое было самым настоящим пособничеством России, царские штыки без больших усилий подавили венгерскую революцию.

«Вы победили Венгрию, она у ног Ваших. и война оканчивается», — писал в августе 1849 года главнокомандующий русскими войсками в Венгрии, Паскевич, Николаю I. К этому времени разбитая венгерская армия сдалась, и началась пора самых зверских репрессий, при чем австрийское правительство соревновалось с русским в жестокостях террора. Поголовные расстрелы, ссылка на тяжелые каторжные работы ждали как командный состав армии, так и простых рядовых. Победители беспощадно расправлялись со своим противником. После подавления революции в Венгрии наступил кровавый белый террор в самой жуткой форме, какую только знает история феодально-абсолютистской реакции.

Разгром Венгрии означал разгром заключительной фазы мощной революционной волны, прокатившейся в 1848/49 г. по всей Европе.

Разгром венгерской революции означал торжество феодальной, монархической и военной реакции, в объятия которой бросилась буржуазия в страхе перед грозным ликом пролетариата.

Разгром Венгрии означал, что русский царь укреплял свои позиции европейского жандарма во всей Европе.

Маркс по этому поводу писал: «ход развития контрреволюции в 1849—1851 годах поставил весь континент, за исключением Франции, в такое же отношение к России, в каком находился рейнский союз и Италия к Наполеону. Это — форменная вассальная зависимость. Николай — вернее Паскевич — неизбежный диктатор священного союза *en cas de guerre* (в случае войны) точно так же, как Нессельроде является им уже *en temps de la paix* (в мирное время)»².

Реакция в России торжествовала свою кровавую победу над венгерской революцией.

¹ Письмо Брюнова от 9 июля 1849 г. (АМИД), Лондон, 1849 г.).

² Маркс, собр. соч., т. XIII.

Царская охранка в поисках Маркса в России

Взятые изолированно, вне связи с общей социально-политической обстановкой, сложившейся в России в начале 70-х гг. прошлого столетия, публикуемые в данной заметке документы выглядят несколько анекдотически. В самом деле: только одержимые бредовыми идеями люди могли сколько-нибудь серьезными надеждами на успех, рассылать приказы об аресте в тогдашней России не более не менее как самого Маркса.

Однако эти же документы, если на них взглянуть не только с анекдотической стороны, представляются уже не только одним архивным памятником политического «гения» шефа жандармов, но и дают несколько не лишнего интереса дополнительных штрихов к общей картине той борьбы, которую вел царизм в подавлении всякого проявления «революционной опасности», картине боязни и страха царского самодержавия перед революцией.

Ведь издавать предписания об аресте вождя Интернационала в России мог только тот, кто был серьезно убежден в том, что у Маркса найдутся достаточно сильные побудительные мотивы для поездки в Российскую империю. Как ни невежественен был автор упомянутых предписаний (шеф жандармов граф П. А. Шувалов), ему все же не могло быть абсолютно неизвестно то, что Маркс и его сторонники составляют революционное ядро международного пролетарского движения. Предписание об аресте Маркса есть таким образом косвенное свидетельство того, что и в «кругах» царского правительства кое-кто склонялся к мысли о наличии в России социальных элементов, более или менее способных к восприятию идей Интернационала. Существовала ли в действительности в России того времени широкая социальная база для интернациональной социалистической пропаганды — этот вопрос мы здесь не разбираем: известно, что Маркс и I интернационал оказали большое влияние на развитие научного социализма в России. Об этом догадывались и этого страшно боялись и многие весьма влиятельные представители

правительственной и придворной камарилы.

Самая дата предписания об аресте Маркса, «намеревающегося пробраться в Россию с злонамеренною целью», — 1871 г. — едва ли случайна.

Начало 70-х гг. XIX века в русской истории кроме всего прочего характерно одним чрезвычайно важным обстоятельством: проявлением острого интереса к так называемому «рабочему вопросу».

Первые годы после реформы все внимание борющихся социальных сил России концентрировалось вокруг деревни и крестьянства. Во всех лагерях — от мелкобуржуазных радикалов до реакционных помещиков — в центре внимания, по самым различным разумеется мотивам, стояло крестьянство. Пролетария почти не замечали, и борющиеся силы, непримиримые во многом остальном, почти единогласно сходились на признании принципа «исключительности» исторических путей развития России. По-разному понимая самую эту «исключительность», они одинаково сходились на отрицании «языка пролетариата» в России.

«Рабочий вопрос» как вопрос о борьбе наемного рабочего с капиталом в шестидесятые годы, по крайней мере в сознании подавляющего большинства так называемого «образованного русского общества», просто не существовал. Правда, формирующийся русский пролетариат уже напоминал стачками этому обществу о своем рождении и условиях своего существования. Но стачки были, во-первых, редки, во-вторых, почти никто тогда не видел в них факта, отрицающего теорию об «исключительном» пути развития России. Некоторые журналы, как например «Отечественные записки», даже в 70-е годы отказывались принимать стачки за стачки, т. е. просто отказывались объективно воспринимать непреложные факты.

В шестидесятые же годы стачки рассматривались просто как разновидность по природе своей все тех же крестьянских «беспорядков» — явления привычного, ставшего в некотором роде органическим

явлением в развитии российской действительности. Пресса отмечала их двумя-тремя строчками наряду с ничтожными происшествиями, а то и вовсе обходила молчанием.

Но вот в начале 70-х годов «рабочий вопрос» как бы вдруг неожиданно всплыл на поверхность, хотя бы временно и относительно отгеснив старые вопросы. О рабочем заговорили все—от членов императорской фамилии, шефа жандармов, клики реакционных публицистов, фабрикантов и заводчиков до буржуазных либералов и мелкобуржуазных радикалов. В этом нестройном хоре голосов еще очень сильны старые мотивы «исключительности», но самое пробуждение интереса к вопросу о русском рабочем классе характерно. Наконец,—и в этом уже весьма существенное отличие от периода 60-х гг.,—в некоторых, далеко не революционных, кругах начинало прокладывать себе дорогу представление о том, что «исключительному» положению России по части «рабочего вопроса» приходит конец.

Конечные причины упомянутых перемен следует искать в разложении крепостнических форм хозяйства и в развитии промышленного капитала. Зародившись еще в недрах крепостной России, этот последний сделал в первое пореформенное десятилетие столь значительный шаг вперед, что его не могли целиком отрицать и народнические идеологи. Пар и машины начинали крепко завоевывать производство. Но, как это блестяще иллюстрировано Марксом на примере Англии и Франции, в отраслях промышленности, революционизированных паром и машинами, с самых же первых шагов этой промышленной революции эксплуатация рабочей силы достигает неслыханных размеров. Беспредельное, не сдерживаемое никаким законодательством стремление капиталистов к прибыли порождает такую чудовищную эксплуатацию, которая сразу же приводит к стихийным выступлениям пролетариата на борьбу с капиталом.

Эту фазу хищнической, доведенной до последних физических пределов, эксплуатации русский рабочий переживал как раз в первую четверть века после «великой освободительной реформы».

Внешие интересы к судьбам русского рабочего в 1870 году стимулировался многочисленными «торжествами промышленности», вокруг которых буржуазная пресса подняла патриотическую шумиху. В этом

году состоялись 14-я всероссийская мануфактурная выставка, первый съезд фабрикантов и заводчиков, широко рекламированное торжество на Путиловском заводе по случаю выпуска четвертого миллиона пудов рельсов и т. д. и т. п. Все эти «промышленные торжества» волей-неволей толкали общественную мысль к вопросу о том классе, руками которого были созданы ситцы и бархаты московско-владимирских фабрик, рельсы, машины и аппараты петербургских заводов.

В том же направлении действовали и известная стачка на Невской бумагопрядильне (первая стачка, история и исход которой были широко освещены в прессе) и не менее известная книга Флеровского¹, привлекавшая к себе внимание не только в России. С этой книгой, как известно, были знакомы Маркс и Энгельс, считавшие появление такого произведения в России 1869 г. знаменательным событием.

Естественно, что замалчивать вопрос о русском рабочем классе в таких условиях стало уже совершенно невозможно. Его ставила сама жизнь.

В сознание правительства и буржуазии проникла идея о необходимости что-то предпринять: стали лицемерно говорить о необходимости принятия мер «в видах улучшения материального и умственного положения рабочего класса»; стали инсценировать заботливость о «меньшей братии». В честь «рабочего люда» на торжествах промышленности такими капиталистическими акулами, как Путилов и Кокорев, стали провозглашаться насквозь лживые, фальшивые речи. Те же мотивы вынуждали буржуазную прессу признать вопрос о наемных рабочих хотя и «щекотливым», но «современным».

Буржуазию прежде всего пугала перспектива развития широкого стачечного движения. В целях предупреждения такого хода вещей московские фабриканты пришли в 1870—71 гг. даже к идее создания особого «Общества попечения о рабочих» первоначально в пределах Московской губернии, а в случае успеха и во всей империи. В конфиденциальных сношениях с 3-м отделением инициаторы этого несостоявшегося предприятия и не скрывали, что главной его целью, ради которой наиболее просвещенные московские фабриканты охотно соглашались на известные денежные «жертвы», является борьба с заро-

¹ «Положению рабочего класса в России».

ждающимся стачечным движением и привитие рабочему «правильных нравственных начал». Последнее в переводе означает привитие уважения к священной буржуазной собственности.

Средством к достижению этих «благородных целей» должна была явиться целая сеть различных учреждений, проектируемых «Обществом», в которых рабочий чуть ли не с младенческого возраста обрабатывался бы в надлежащем духе.

В начале 70-х гг. и правительство заметно меняет свое отношение к «рабочему вопросу». В его официальных выступлениях продолжала господствовать формула об «исключительности», о гарантиях от этого вопроса, заложенных будто бы в самой социальной структуре России, где «не существует безземельного пролетариата» и где политическая власть — самодержавие — есть будто бы внеклассовая организация, «уравновешивающая взаимные столкновения сословий». Но то было официальным символом веры. Для внутреннего потребления самым ходом событий правительство вынуждено было создать несколько иную, политически не настолько уж наивную теорию «рабочего вопроса» в России. Этой «теории» с самого начала стала соответствовать и практика: в недрах 3-го отделения начинает создаваться кадр жандармов, специализирующихся уже только на рабочем движении. Правительство сильно обеспокоено стачками, прежде всего как пути, на котором рабочий приобретает навыки к организации, как движением, которое рано или поздно приведет рабочего к созданию политических организаций и к планомерной политической борьбе уже с самим самодержавием. С этой точки зрения малейшее проявление протеста в рабочей среде, в особенности если оно носило коллективный характер, представлялось серьезной политической опасностью.

С тех пор как правительство включило «рабочий вопрос» «в круг своей заботливости», — выражаясь языком шефа жандармов графа Шувалова, — основной формой, в которой эта «заботливость» выявлялась в действительности, были беспощадные репрессии против тех, кто искал решения «рабочего вопроса» на путях стачечного, а тем более революционно-социалистического движения. На словах же нередко процветала демагогия «рабочелюбия», иногда даже с отвратительным налетом полицейского «социализма».

Характерной чертой циркуляров Мини-

стерства внутренних дел и 3-го отделения, посвященных «рабочему вопросу», является страх перед этим «вопросом», породивший в их действиях неуверенность и нервозность.

Больше всего боялись проникновения в зарождающееся стихийное рабочее движение революционно-социалистической пропаганды; сочетание социализма с рабочим движением представлялось правительству, с полным основанием, весьма грозной перспективой. Тем более, что и «в России, — как гласит один документ из архива 3-го отделения, относящийся к 1871 г., — с которого времени замечается пропаганда идей в смысле западноевропейского рабочего вопроса»; что и в наше «богоспасаемое отечество» «успели залететь семена подпольной агитации, имеющей целью эксплуатировать во враждебном общественному порядку смысле действительные или вымышленные недостатки настоящего быта рабочих классов».

Вытравить любыми средствами эти «семена», попытаться обесплодить почву, на которую их бросали различные «государственные преступники», изолировать рабочие массы от социалистической пропаганды — вот к чему стремилось царское правительство.

Недаром шеф жандармов в своем ответе на вышеупомянутый московский проект, признавая самую идею создания «Общества попечения о рабочих» достойной всяческой похвалы и своевременной, практическую реализацию этого проекта считал возможной только при одном условии: всесторонний и полномочный контроль над деятельностью проектируемого общества со стороны 3-го отделения.

Аргументировал вышеназванное условие Шувалов тем, что, во-первых, у правительства нет никаких оснований отдавать организованную силу в руки буржуазии, во-вторых, — и это, по его мнению, самое опасное, — без недреманного ока 3-го отделения «Общество» может стать легальным прикрытием для пропаганды нелегальных идей.

В свете всего сказанного выше становятся понятны беспокойство и страх правительства перед самыми казалось бы незначительными пропагандистскими кружками, которые существовали в России в начале 70-х гг. XIX века, а тем более перед Интернационалом, на знамени которого стоял призыв рабочего класса к завоеванию политической власти. Что же касает-

ся отношения Интернационала к русскому самодержавию — жандарму Европы, оплоту европейской реакции, угнетателю народов,— то оно (это отношение) очень хорошо было известно русскому правительству. В этой связи понятен и интерес 3-го отделения к Марксу. Интерес этот принимал и некоторый практический характер потому, что 3-е отделение не оставалось в неизвестности о связях некоторых русских и польских политических эмигрантов с Интернационалом, о существовании русской секции Интернационала, избравшей своим представителем в Генеральном совете Интернационала именно Маркса.

В действительности русские эмигранты того времени были, по меткому замечанию Энгельса, «офицерами без армии», по крайней мере без армии в России. Те весьма незначительные силы, которыми располагали эмигрантские кружки в России, большого влияния на зарождающееся русское рабочее движение в тот период не имели. Но правительству картина рисовалась тогда в более мрачном свете. Этому немало способствовали и сами эмигрантские кружки, выступавшие от имени различных, в действительности часто не существовавших в России «организаций». Революционные деятели типа Бакунина и Нечаева не останавливались перед распространением слухов о многих тысячах их последователей в империи Александра II. Многочисленные агенты 3-го отделения, рассеянные в местах средоточия эмиграции, в свою очередь нередко поддерживали такого рода версии. Реакционная пресса в самой России была о распространении в «отечестве» «нигилизма», обвиняя полицию в бездеятельности и чуть ли не в попустительстве. Все это вместе взятое создавало Интернационалу и Марксу лично довольно широкую известность в России; многие выступления рабочих рассматривались как непосредственный результат деятельности Интернационала; во всяком случае некоторые так называемые «беспорядки», к которым большей частью Интернационал разумеется непосредственного отношения не имел, полиция была склонна приписывать именно «проискам» Интернационала. Это были несомненные признаки того страха и ужаса, от которого царизм, напуганный еще 1848 годом, уже начинал терять голову. В таком-то умонастроении, мало способствующем трезвому политическому мышлению, встретили некоторые «государственные мужи» России весть о Парижской коммуне.

Страх сразу усилился. Он далеко не сразу прошел и после разгрома Коммуны; отчасти он стимулировался нечаевским процессом. Некоторым благонамеренным россиянам казалось, что Интернационал, «обходящий вокруг света», намерен поглотить и Россию. В числе этих россиян оказался и шеф жандармов, ожидавший прибытия в подведомственную его бдительному надзору империю не более не менее как самого Маркса.

В видах подготовки соответствующей встречи Марксу 10 августа 1871 г. по приказанию графа Шувалова зам. управл. 3-го отделения Грибовский разослал начальникам жандармских управлений южных и западных губерний империи секретное предписание следующего содержания:

«Председатель Германского отдела Интернационального общества и один из деятельнейших членов оного литератор Карл Маркс, с английским паспортом под именем Валласа (Wallace) намерен пробраться в Россию с злонамеренною целью.

Покорнейше прошу В. Благородие строжайше наблюдать за появлением Маркса—Валласа в ваших пределах, и в случае задержания его телеграфировать в 3-е отделение Сов. Е. И. В. Канцелярии и ожидать распоряжений оного».

Однако Маркс не показывался «в наших пределах» достаточно долго. Только 18 мая 1872 г. начальнику одесского жандармского управления постастливилось наконец схватить некоего Маркса, устроившего по поводу своего ареста скандал и оказавшегося, при ближайшем рассмотрении, благонамереннейшим английским коммерсантом.

Вот как описывал это скандальное происшествие сам подполковник Кнопп в донесении тов. шефа жандармов Левашеву:

«На пароходе из Константинополя 18-го мая прибыл Юлий-Александр-Мария Маркс, уроженец города Лейпцига, принявший английское подданство в 1865 году и проживающий, по его словам, в городе Ноттингеме, где отец его имеет торговый дом. Паспорт его выдан лордом Гренвилем и визирован нашим консулом в Лондоне 1/13 апреля сего года.

Имея в виду депешу Вашего Сиятельства от 24 июня прошлого года, в которой предписано мне некоего Маркса, имеющего прибыть из Константинополя,—арестовать¹, я, для точного исполнения Вашего

¹ Таким образом еще ранее августа 1871 г. были указания об аресте Маркса в России.

приказания, но не имея примет и даже имени Маркса и допуская возможность недоразумения, тем более потому, что при обыске ничего предосудительного найдено не было,—не подверг его формальному аресту, а предложил ему, чрез посредство градоначальника, который по этому предмету имел предписание местного генерал-губернатора,—или оставаться на пароходе, до разъяснения возникшего относительно его фамилии недоразумения, или же сойти на берег и остановиться в любой, по его выбору, гостинице, но с обязательством не выходить из своего номера до разрешения. При этом ему была предоставлена возможность принимать у себя тех лиц, с которыми он объявил, что имеет торговые сношения. Паспорт его оставался у градоначальника, а к номеру Маркса был приставлен полицейский.

По получении сего числа телеграммы Вашего Сиятельства, Маркс был тотчас же освобожден от дальнейшего гласного надзора. На сделанное ему затруднение он жаловался письмом своему Консулу, который однако не обратил особого на эту жалобу внимания и по полученному словесному объяснению одобрил распоряжение местной администрации.

Донося об этом Вашему Сиятельству, имею честь почтительнейше просить, если имеются приметы или более точные сведения для определения личности того Маркса, который по прибытии в Россию должен быть арестован, сообщить таковые мне во избежание могущих возникнуть новых недоразумений».

На этом донесении сконфуженного жандарма наложена следующая резолюция: «Нужно будет сообщить приметы настоящего Маркса». В осуществление этого решения в 3-м отделении розыскали фотографию Маркса, размножили ее и экземпляр отослали Кноппу. Мероприятие это было весьма не лишним, ибо если бы например начальнику венской полиции, носившему фамилию Маркс, вздумалось приехать в Россию, какой-нибудь исполнительный Кнопп наверняка бы схватил и его.

Одного «недоразумения» русской полиции показалось мало, и отмены приказа об «имеющем прибыть» Марксе не последовало. Более того, 3-е отделение приняло всерьез смехотворные донесения заграничной агентуры, сообщавшей о намерении руководителей Интернационала развить пропаганду среди русских раскольников.

На предмет удушения этой пропаганды на корню, жандармским полковникам губерний со значительным процентом раскольников населения был разослан в начале 1872 года специальный циркуляр. Это сокрушило даже провинциальную жандармерию.

Так, не лишенный повидимому ума начальник Нижегородского жанд.-губ. управления отвечал на этот циркуляр следующим ироническим донесением от 18 января 1872 года:

«Согласно предписания от 14 января № 111, мною тотчас же будут приняты все меры для наблюдения за идеями, которые предполагается проводить между раскольниками, но я смею заверить Ваше Превосходительство, что намерения Общества Интернациональ останутся без всяких сколько-нибудь успешных последствий.— Раскольники вообще народ трудолюбивый и настолько обеспеченный материальными средствами, что я никогда не встречал ни одного раскольника, просящего милостыню. Даже те крестьяне, которые вследствие бедности и недостатка легко совращаются в раскол помощью соблазнов и подкупов, и те в самое короткое время делаются такими собственниками, что учения социально-коммунистические всегда будут им чужды и никогда не привьются там, где благосостояние основано на труде и строгой уверенности.

Проматавшееся и ленивое дворянство, ничему не учившееся и полуграмотное, бедное чиновничество, люди духовного происхождения, студенты разных заведений, бедные, слегка подученные мещане и наконец наши меньшие братья, распущенные и пропившиеся,—вот та почва, на которой социально-коммунистические учения могут дать хорошие плоды, и вот тот элемент, который в этом случае достоин внимания правительственного глаза».

Если 3-е отделение готово было искать интернациональную пропаганду в раскольничьих поселениях Муромских лесов, то некоторые из наиболее ретивых верно-подданных склонны были усматривать агентов Интернационала чуть ли не в самом 3-м отделении.

Так, в январе 1872 года шеф жандармов получил анонимное письмо, автор которого пресерьезно уверял, что один «из главных членов» Интернационала есть не кто иной, как отставной ген.-майор Михаил Дубельт, сын знаменитого деятеля 3-го отделения

Леонтия Дубельта. «Берепитесь в Петербурге распространителей идей Интернационала, погубивших Францию и намеревающихся ступить Россию... Уничтожьте этих людей (распространителей) вначале и спасите Россию и царя с его подданными. Прибегайте хотя к казням и отравам», советовал энергичный верноподданный.

Этакого рода письма поддерживали в Шувалове угасавшую надежду на приезд Маркса в Россию. И действительно, летом 1873 года «Маркс» был арестован в местечке Скуляны жандармским капитаном Сазоновым во второй раз, и теперь уже в последний. 18 июня этого года 3-е отделение получило шифрованную депешу Сазонова, дешифрант которой гласил: «Прибыл Скуляны из-за границы Даниель-Мекензи Валлас английским паспортом 27 июля 1861 года № 45983 ученою целью, говорит по-русски проехал за границу паспорт Министерства Внутренних дел 19 мая сего года № 27889/1171 ожидаю распоряжения». В этом ожидании, для верности, Сазонов все-таки заарестовал Валласа. Последний, как оказалось, уже бывал в России ранее и в действительности, разуме-

ся, ни малейшего отношения к Интернационалу не имел, а занимался коммерцией и путешествиями. Собрав эти сведения и выяснив внешние приметы Валласа, 3-е отделение в тот же день, 18 июня, телеграфировало: «Капитану Сазонову. Упоминаемый вами англичанин Валлас не есть тот, о котором вам предписано 1871 г., не задерживайте его. Управляющий 3-м отделением Шульц».

Мнимый Маркс, разумеется, был освобожден. Но на этот раз дело не обошлось без дипломатического вмешательства.

Взбешенный происшествием Валлас обратился к Великобританскому послу в России Лорду Лофтусу с письмом, излагающим обстоятельства дела и заканчивающимся между прочим следующим характерным замечанием: «Это первый раз,—писал Валлас,—в продолжение 12-летних путешествий, что я встретил такое неуважение к Великобританскому паспорту». Задетый за живое английский посол дал понять русскому правительству, что британцы не привыкли к «истинно русским» манерам обращения.

Кажется именно после этого случая Маркса в России уже не искали.

В борьбе за подготовку вооруженного восстания

ВОСПОМИНАНИЯ

В своих воспоминаниях я хочу рассказать о той полосе моей жизни, той тропе, по которой мне пришлось идти по пути большевистской подготовки нашей партией вооруженного восстания.

Уж в 1901 г. после всеобщей обуховской стачки, принявшей размеры обуховского восстания, Владимир Ильич сказал: «Первое рабочее восстание побеждено, да здравствует вооруженное восстание».

После 9 января, получившего название «кровавого воскресенья», в котором я тоже принимал участие, мысль о вооруженном восстании пронизала всю тогдашнюю Россию, и большевистская партия уже совершенно практически поставила вопрос о подготовке вооруженного восстания.

Нас, в составе нескольких товарищей, провалившихся во время событий 9 января, после которых нам нельзя было оставаться работать в Петербурге, отправили в распоряжение Южного бюро, которое находилось в Киеве. На нас была возложена задача подолжиться своими впечатлениями, тем, что мы видели как участники кровавого воскресенья, со всей остальной массой рабочих. Но главной задачей, возложенной на нас, было войти в солдатские массы, начать работу в воинских частях и параллельно приступить к организации рабочих вооруженных дружин.

Крестьянско-солдатская масса была крайне недовольна царской властью, и доступ в казармы и устройство массовок на 40-50 человек были сравнительно нетрудны. На этих собраниях перед воинскими частями мы выступали со своими лозунгами: воруйте оружие, собирайте оружие, вооружайте рабочих, передавайте это оружие партийной организации и тем самым вы будете оказывать помощь борьбе против войны, вы будете действовать за свержение самодержавия.

Одновременно мы старались наладить в воинских частях связь с активными това-

рищами. Мы побуждали их к партийной работе. Одновременно с этим мы организовали рабочие вооруженные дружины, которые строились так, чтобы только 5 человек знали своего вожака. Эти вожаки-командиры в свою очередь составляли свои пятерки и т. д. Пятерки организовывались в дружины.

Однако чувствовался большой недостаток оружия. Кроме холодного оружия вроде ножа, финского ножа, кистеня, у этих дружин ничего не было; имелся какой-то жалкий револьвер, которым нельзя было убить и ворону. Конечно, при таком вооружении могли быть только пустые разговоры о восстании, и мы начали изыскивать способ похищения винтовок и револьверов. И то и другое нам удавалось доставать довольно успешно.

Кроме непосредственно боевой работы, мы вели и пропагандистскую работу. Почти на каждой массовке мы замечали шпионов. Мы рисковали провалом на боевой работе и постоянно опасались быть узванными; нас отделили поэтому от работы по пропаганде и агитации, и мы должны были уйти в подполье исключительно на боевую работу.

Однажды темной ночью мы выкрали 12 винтовок из Мингрельского полка. 12 винтовок нас очень устраивали. Мы овладели наружным караулом, наш товарищ солдат выносил нам винтовки, а мы их передавали дальше. Один из товарищей стоял на страже с браунингом.

В саперном батальоне мы нашли своих партийцев, и там удалось достать винтовки. Здесь дело шло хорошо. Винтовки добывались штук по 25.

Поскольку рабочие дружины уже организовались, нужно было приступить к их вооружению. Одна из задач рабочих дружин заключалась в том, чтобы, организовавшись по 15-20 чел., охранять собрания. Если появлялись казаки, нужно было вовремя дать разойтись всем рабочим. Эти дружины должны были также охранять население от нападений черносотенцев и не допускать еврейских погромов.

* Воспоминания С. Сулимова предоставлены в распоряжение редакции Обществом старых большевиков. — Ред.

Наши дружинники стояли настороже. Иногда небольшим дружинам удавалось прекращать погромы. Они разгоняли погромщиков, а иногда и били их.

Одно время я работал в Луганске. Там у нас была дружина человек в 30, но все имели только холодное оружие. Вопрос о бомбе стал актуальнейшим вопросом дня.

Иногда случались забавные казусы. Например в Луганске, в окрестностях, в одном овраге мы устроили массовку. Участвовало человек 300, человек 20 было в охране. Вдруг мы видим в кустах какие-то огоньки. Мы, охрана, ползком полезли на эти огоньки. Оказывается это были ивановские светлячки. Массовка конечно сорвалась, часть народа разошлась.

В Екатеринославе был такой случай. Мы узнали, что черносотенцы готовят еврейский погром. У нас было две бомбы, но в ход эти бомбы пущены не были. Мы с вечера расставили человек 60 в разных районах. Тот район, где подготавливался погром, был целиком оделен дружинниками, но так, чтобы это было незаметно для полиции. Мы следили всю ночь и до самого утра. Конечно распространились слухи, что будет большое сопротивление со стороны рабочих, и с утра, как только стали появляться отдельные группы черносотенцев, их разгоняли. Погром был нами сорван.

Нам надо было научиться делать динамит и пироксилин. Нас послали в Киев, где мы вместе с другими товарищами организовали так называемую мастерскую-школу. На окраине города, при чрезвычайно конспиративных условиях (нас заперли в маленьком домике, дав нам еды на 10 дней) мы учились всей премудрости, как изготавливается нитроглицерин, как из него делают динамит, мелинит и гремучая ртуть.

Наша учеба была чрезвычайно примитивной и кустарной. Учились мы под руководством одного товарища химика. Если бы кто-нибудь из теперешних химииков увидал, как мы делали это дело, как дерзко мы обращались с этими взрывчатыми веществами, он пришел бы в ужас. В большинстве случаев мы делали не по мерке, а на глазок, на шутики. Нам говорили: взять полфунта того-то, затем подсыпать полфунта того-то, затем размешать и т. д. Так проходила наша учеба.

Несмотря на это, мы добились больших результатов.

Сидя в этом домике и почти совершенно не выходя оттуда, мы сделали около 12

фунтов динамита и пироксилина, который необходим был для снаряжения бомб: гнули коробки из железных кровельных листов, при чем молотком нельзя было стучать, приходилось все делать вручную, осторожно и без шума. Когда одно отделение коробки было начинено динамитом, в другое вставлялся капсуль чрезвычайно замысловатой формы. Эта конструкция бомбы носила имя Кибальчича, участника в покушении на Александра II. Ударником бомбы была стеклянная пробирка с серной кислотой. Когда эта стеклянная пробирка лопається, то серная кислота должна вылиться на порошок особого состава, который от соединения с кислотой воспламеняется. Огонь приводит в действие пироксилин и гремучую ртуть, которые в свою очередь действуют на динамит, и получается взрыв.

Когда мы наконец всю эту чрезвычайно опасную машину устроили и начали коробку обкручивать снаружи проволокой, мы вдруг услышали, как что-то внутри треснуло. В этой самой машине было около полуфунта гремучей ртути и до 3 фунтов динамита. Если бы она взорвалась, то не только погибли бы мы, но и вся окружающая местность была бы снесена. Трудно сказать, что мы—12 молодых парней—пережили в тот момент. Но мы не растерялись и начали откручивать эту штуку. Видим, трубка действительно дала трещину и в одном месте уже скопилась капля серной кислоты. С большой осторожностью обезоружили адский снаряд. Когда через несколько дней производили пробу в окрестностях Киева и сбросили эту штуку метров на 20 вниз с обрыва, громадное дерево разнесло в щепы.

Все мы, 12 человек, были присланы в эту школу из разных мест. Как правило, мы не интересовались, кто откуда прислан. Мы знали Костю, Ваню, Петю, но откуда он, кто он — по правилам конспирации нам знать не полагалось.

Когда наша учеба кончилась, 3 товарища были отправлены в Петербург с новыми фальшивыми паспортами. Туда мы прибыли в конце 1905 г., к октябрьскому манифесту. Там уже были организованы военно-боевые группы. Когда мы пришли на явку, нам прежде всего дали задание, чтобы мы не боттались по улицам и по митингам. В то время на улицах шло ликование, происходили манифестации и митинги. Затем нам было дано задание организовать мастерскую для изготовления бомб. Мы ее

организовали на Охте под видом столярной мастерской фотографических аппаратов. В одном небольшом домике мы сняли помещение. Работали мы как якобы хозяин с женой и двумя подмастерьями.

С самого же начала мы приступили к организации лаборатории. Каждый шаг приходилось завоевывать с большим трудом. Во-первых, для лаборатории нужно было достать 2—3 пуда серной кислоты. Затем нужны были: азотная кислота, глицерин, бертолетова соль и т. д. Все это надо было получать конспиративным путем и дешевым способом—денег не было. Мы пользовались всяким случаем. Так например химический завод отпускает в какой-нибудь институт бутылки с кислотой. Мы забираем одну из них, завозим ее в пробовую мастерскую (была у нас такая как передаточный пункт) и там закапываем в стружку. В другом месте у нас была возможность доставать азотную кислоту, в третьем месте — глицерин, и т. д. Иногда уходили целые недели только на то, чтобы собрать один комплект сырья, нужного для работы.

Затем не менее трудным был вопрос с оболочками бомб. Часто случалось, что начинка бомбы готова, но нет оболочки. Для приготовления оболочек мы вынуждены были пользоваться водопроводной трубой; мы резали ее на несколько кусков и эти куски закупоривали особыми крышками с обеих сторон. Позднее было организовано отдельное производство, и нам доставлялись литые чугунные оболочки и в большом количестве.

Нужно сказать, что все дело было организовано довольно крупно. Мы возили наши «товары» в ящиках. В таком виде наша продукция иногда перевозилась с одной квартиры на другую.

Здесь мне хочется отметить роль женщин в этой работе. Они очень много и активно помогали нам. Иногда встречается на улице какая-нибудь плохо одетая женщина, как будто бы с каким-то домашним барахлом, а на самом деле она тащит или везет на ручной тележке или санках нашу продукцию.

Нам важно было наделать как можно больше бомб, и поэтому мы иногда в нашем производстве делали рискованные вещи. Мы работали обыкновенно ночью и спали по 3-4 часа. Мы додумались при выработке нитроглицерина до того, что когда в смесь азотной и серной кислоты пускается медленно и малыми дозами глице-

рин (этот момент самый опасный), весь состав доходит до нагрева определенной высокой температуры. Если глицерин пускается быстрее—температура будет выше нормальной и произойдет взрыв. Открывали на ночь кран из банки с глицерином, который по нашему мнению и должен постепенно соединяться с азотной и серной кислотой, а сами в это время спали. Один раз произошел такой случай. Мы все проснулись от какого-то очень густого дыма. Дым был настолько густ, что ничего не было видно в двух шагах; дышать трудно, открыть форточку нельзя, потому что этим можно было обратить внимание на выходящий из форточки дым с улицы. Подняться и идти во весь рост невозможно — дым ест глаза и горло. Тогда мы ползком пробрались в кухню, взяли там воды и начали поливать пол. Подползаем к нашей лаборатории и видим, что в нашу смесь попала какая-то елочка, произвела какую-то реакцию, и вся масса буквально бурлит и выпускает темные клубы дыма. Мы совершенно не знали, что делать в таком положении. Схватили эту смесь, вылили в уборную и спустили воду.

Когда мы рассказали об этом нашему инструктору, он пришел в ужас и заявил нам, что мы были за минуту до взрыва. А нужно сказать, что в это время у нас было 15 фунтов тремучей ртути и 3 боржомных бутылки с нитроглицерином. Одной бутылки нитроглицерина достаточно, чтобы взорвать целый поезд.

Наша мастерская обслуживала не только Питер, но и Кавказ и Латвию. Потребности быстро росли, так что наш кустарный способ уже не отвечал потребностям, и перед нами встала задача наладить получение химических веществ на заводах, самим же делать только оболочки. К тому же наша мастерская была провалена. Провалил эту нашу лабораторию один наш работник, который из-за особой подозрительности и мнительности ранил жандарма на улице вблизи мастерской и убежал. Пришлось нам все дело прикрыть. Правда, никто из нас арестован не был. Лабораторию спасти.

В последнее время существования лаборатории нам приходилось заряжать по 50—100 бомб в день. Это одно говорит о том, что дело было поставлено серьезно. Мы перешли на другой способ, а именно: доставали готовую химическую продукцию, сами же делали только оболочки и ударники, а снаряжали на местах. Динамит мы до-

ставали в Финляндии, где закупали его «официально» (конечно по подложным документам) у разных фирм, и целые бригады наших товарищей, главным образом женщины, перевозили на себе этот динамит. Правда, этот финский динамит был качеством ниже нашего. Товарищи девичьи транспортировали этот динамит, надевая двойные кофты и панталоны, в которых провозили очень большие количества его. Очень часто, везя на себе этот динамит в вагоне первого класса, они любезно беседовали с каким-нибудь жандармским офицером, который сидел рядом. Перевозка динамита лежала почти всецело на плечах женщин. Наш брат в этом отношении был мало пригоден.

Несколько позднее мне пришлось организовать легально механическую мастерскую под видом починки самоваров, примусов и пр. Тут мы за токарным станком изготавливали оболочки и главным образом ударники. Раньше, как я уже сказал, бомбы у нас были примитивные. Мы же изобрели особый ударник, который почти на 100 проц. был безопасен для владельца. Это было очень важно, так как несчастные случаи с отдельными товарищами все-таки бывали.

Перейду теперь к освещению той работы, какую мне пришлось вести после работы в мастерских. Я работал на Сестрорецком заводе по экспроприации винтовок. Этот завод изготовлял около 200 винтовок в сутки. Там у нас было крупное ядро своих товарищей, и мы наладили систематическую экспроприацию этих винтовок. Каждый день изымали довольно порядочное количество их. Мы таскали винтовки

из складов, из мастерских. По отдельным частям, а потом в определенном месте их собирали. Бывали дни, когда нам удавалось изъять до 90 винтовок. Все это было основано на том, что на самом заводе не было никакого учета изготавливаемого оружия и никто не мог обнаружить, что идет такое колоссальное хищение винтовок. Местность там чрезвычайно благоприятная: большой пруд, речка, кругом дюны, Финский залив. Почти все рабочие этого завода — рыбаки, имеют свои лодочки; они же — хозяева своего маленького хозяйства. Местность дачная, там всегда бывала масса публики. Мы туда не раз привозили целую бригаду наших товарищей женщин; как-то раз приехала целая дружина путловцев и забрала массу винтовок со всех наших складов. Все это было очень хорошо подготовлено, и если бы попался хоть один пипик при попытке ареста кого-нибудь из наших, ему бы пожалуй не поздоровилось. Участники этой работы, 60 человек, приезжали не сразу, а в 2-3 поездах. Должен сказать, что они перевозили на себе только стальные части, деревянные мы перевозили в Ленинград на лодках, и уже в Ленинграде эти винтовки собирались.

Вот очень краткая схематичная страничка из истории нашего участия, нашей борьбы по подготовке вооруженного восстания.

Уроки нашей практической работы на этом большевистском фронте в 1905 г. конечно не прошли бесследно.

Во всей последующей работе партия использовала боевой опыт 1905 г. для подготовки великого Октября.

Ударницы социалистической стройки

Решения XVII всесоюзной партконференции вдохновляют на активную борьбу за социализм новые десятки миллионов трудящихся Советского союза. Рабочий класс дает все новые и новые образцы энтузиазма и героизма на фронте социалистического строительства. Ударничество в едином мощном порыве объединило почти четырехмиллионную армию рабочих и работниц. Рабочий класс выдвигает тысячи и тысячи руководителей и организаторов промышленности и новых работников в органы пролетарской диктатуры—в советы и хозорганы. Осуществляются в массовом масштабе сдвиги в отношении культурного уровня и перестройки быта и психологии советского рабочего и работницы. «Нам надо,—писал Ленин, обращаясь еще в 1920 г. к женщинам-работницам,—чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, научатся быстро и догонят мужчин» (Ленин, т. XXV, стр. 40).

Это требование Ленин выдвигал неоднократно, настойчиво требуя, чтобы женщины-работницы были решительнее и смелее втянуты в общую борьбу и стройку вместе со всем рабочим классом. Ленин всегда подчеркивал, что полное и окончательное укрепление пролетарской диктатуры возможно только на основе максимального втягивания в активную политику именно тех, кто был более всего угнетен при капитализме.

«Суть большевизма, суть советской власти — в том, чтобы, разоблачая ложь и лицемерие буржуазного демократизма, отменяя частную собственность на земли, фабрики, заводы, всю государственную власть сосредоточить в руках трудящихся и эксплуатируемых масс. Они сами, эти массы, берут в свои руки политику, т. е. дело строительства нового общества...

А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не даст: во-вторых — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой оупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашнего-семейного хозяйства. Большевицкая советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире» (Ленин, т. XXVI, стр. 193).

Помещаемые ниже три автобиографии работниц Трехгорной мануфактуры — конкретная, живая иллюстрация к этим бесспорным утверждениям В. И. Ленина. Все жизненные силы, все творческие способности этих трех работниц, как и многих, которых они представляют (ибо они

весьма типичны), были скованы при капитализме двойной цепью угнетения: эксплуатацией их наемного труда и домашним рабством их семейного быта. Дети, семья, забота об их прокормлении, тупая, изнуряющая работа и постоянная нужда, бесправие, неграмотность, несознательность — вот обычные и привычные черты, характеризующие положение женщины при капитализме. Огромное большинство работниц стояло тогда вне сознательного участия в общественной жизни, в классовой борьбе пролетариата. И только Октябрьская революция и советская власть дают настоящую, прочную почву для полного и окончательного раскрепощения женщины-работницы от ее двойного рабства. Только большевистская советская политика подрезывает корни угнетения и неравенства женщины — не только путем законодательным, уничтожая лицемерие брачного и семейного права и неравенства в отношениях и правах мужчины и женщины, но и путем прямого и непосредственного вовлечения миллионных масс самих трудящихся женщин в активную работу по переделке условий их труда и жизни, по перевоспитанию их психологии на практике социалистического строительства.

Приводимые ниже автобиографии — живое тому доказательство.

И Игнатова, и Коненкова, и Мещерякова по крайней мере полжизни провели в условиях капиталистического и домашнего рабства, мешавшего им до революции войти в сознательную и активную армию борцов за революцию.

Только практическое участие этих работниц в общественной жизни, в социалистическом строительстве последних лет вносит решительный сдвиг в их сознание, вызывает и оформляет их сознательные силы, направляет их энергию к действительному преобразованию условий жизни миллионных масс, освобождает их для сознательной борьбы за полное построение социалистического общества. Автобиографии этих работниц, работающих и сейчас на производстве, дают наглядный показ положения работницы при капитализме и при социализме.

Вот Н. А. Игнатова. Она — активная производственница, премированная в 1931 г. за ударную работу поездкой за границу. До 1925 г. Игнатова стояла далеко от политической жизни и от общественной работы. Подростком она прошла учебу у портнихи и полностью извела часть ученицы в мелком кустарном предприятии дореволюционного времени. «Как счастлива теперешняя молодежь, что она не знает этих кошмарных дней» — говорит Игнатова по поводу своего обучения у портнихи. Поступив в 1921 г. на фабрику и втянувшись в жизнь фабричного коллектива, Игнатова принимает сейчас активное участие в общественной работе. В настоящее время Н. А. Игнатова — не только технически грамотная (большая часть автобиографии написана самой Игнатовой), но и политически активная ударница-работница. С 1929 г. Игнатова — член партии. В настоящее время она работает в цехе как заместитель председателя цехового комитета, активно участвует в постановке работы хозрасчетных бригад и в борьбе за снижение себестоимости. Игнатова учится в райкомвузе и наверстывает упущенное в более молодые годы.

Автобиография Игнатовой — наглядный показатель того, какие широкие возможности творческой работы открываются перед работницей в условиях пролетарской диктатуры. Ей становятся доступными и учеба и самая активная общественно-политическая работа. В своей автобиографии Игнатова ярко и красочно передает то впечатление, какое производит на советского рабочего более близкое и непосредственное знакомство с условиями жизни рабочих в капиталистических странах. Она его в основном выразила в следующих словах: «Потянуло неудержимо домой, к своим станкам, к своей работе, чтобы продолжать укреплять нашу Страну советов и никогда не допустить зависимости от капиталистов».

С детских лет она знала лишь нужду и эксплуатацию, душившие и глушившие ее силы. Советская власть, условия крупного социалистиче-

ского производства, вся политика большевистской партии в отношении воспитания угнетенных ранее масс, пробуждающихся теперь к интенсивнейшей социалистической стройке, — вот факторы, не только освободившие эти подавленные силы, но и с необычайной силой способствующие их дальнейшему развитию, их расцвету.

Доказательством того же положения является и жизненный путь, пройденный К о н е н к о в о й. Это — старая кадровая работница Трехгорной мануфактуры, пережившая на этом предприятии 1905 г., революцию 1917 г. и все годы гражданской войны. В настоящее время Коненкова — активная ударница, нарзаседатель народного суда и профуполномоченный в цехе. В прошлом это была отсталая и неграмотная работница, не участвовавшая активно в политической жизни. Сейчас она — активная участница социалистического строительства.

Процесс переделки в условиях социалистического строительства захватывает не только молодых, но и более старых работниц. Пример — М е щ е р я к о в а, которой сейчас уже 55 лет. Она родилась в крестьянской семье, прошла тяжелый путь нищеты и бесправия. Она не училась грамоте, была политически неразвита и не принимала участия в революции 1905 г. Но уже Октябрьская революция заставила ее подумать и решительно пойти за советскую власть. Развернувшееся социалистическое строительство, пуск новых фабрик и заводов, непосредственное участие ее в работе новыми темпами и в новых формах вносят резкий сдвиг в ее сознание. Несмотря на свои годы, на свою неграмотность, обремененность семьей, Мещерякова втягивается в общественную работу, начинает учиться, активно проводит в своем цехе соцсоревнование и вступает в партию. Перелом, происшедший в Мещеряковой, является таким образом одним из многих ярких доказательств прочности и несокрушимости пролетарской диктатуры, поднимающей своим воспитательным воздействием новые и новые слои рабочих и работниц на путь учебы и активного участия в соцстроительстве.

А таких, как Мещерякова, — многие тысячи и сотни тысяч во всем Советском союзе. На одной Трехгорной мануфактуре из 5½ тысяч рабочих и работниц учебной сетью (не считая студентов вузов и техникумов) охвачены 1.084 чел., из них 416 учатся в ФЗУ, 400 — в ликбесе. В партшколах и политкружках учится 1.953 чел., в совпартшколах — 669 чел., в райкомвузе — 70 чел., на кандидатских курсах текущей политики — 94 чел. и в кружках ленинизма — 50 чел. Работницы Трехгорки подтягиваются и повышают свою квалификацию. Они посещают техническую учебу, активно участвуют в производственных совещаниях, переходят к высшим ступеням соцсоревнования. Ударные бригады, хозрасчетные бригады и сменно-встречное планирование вовлекают сейчас на Трехгорной мануфактуре не менее 95 проц. всех работниц-производственниц. На 1 января 1932 г. организована 121 ударная бригада, объединившая 1.505 рабочих и работниц, 211 хозрасчетных бригад с 2.923 работающими в них, 23 бригады со сменно-встречным планированием, охватывающим 203 чел. и в индивидуальном порядке соревнуются 587 чел.

Работница Трехгорки активно включилась в выполнение боевой программы на основе 6 условий т. Сталина. В борьбе за выполнение пятилетки в 4 года работницы Трехгорки дерутся за высокие темпы социалистического строительства. Все более массовым становится приток работниц в партию. Из 964 членов партии (без кандидатов) работниц насчитывается в парторганизации 448 чел. В 1931 г. было подано 518 заявлений о вступлении в партию, из них 239 — от работниц.

Капиталистическая эксплуатация обрекала работницу на нищету, бесправие и одичание. — социалистическое производство в условиях СССР дает громадную возможность полного творческого расцвета всех возможностей и способностей работницы, которые она отдает на социалистическую стройку и на переделку старого быта и старой психологии тех по-

ных кадров, которые идут и которые придут на помощь борцам за социализм в качестве новых и новых резервов.

О. Ч.

Настоящие автобиографии взяты из фонда анкетно-биографической комиссии секции истории пролетариата Института истории при Комкадемии, собранного и обработанного для особого сборника: «Работница на социалистической стройке».

Ксения Коненкова

Мне сейчас пошел 44-й год.

Родилась я в деревне, в Рязанской губернии. Родители — крестьяне. Очень жили бедно, бывало сперва у людей уберут хлеб, а потом себе, как бы заработать копейку. Живых нас 7 человек детей было. Палаша совсем не жил с нами, только в праздники; жил он в Ожиткове, Московской губернии. Он красильщиком был, красил панку на фабрике.

Тетка взяла меня в Москву и определила в няньки. Одной ногой качаешь люльку, руками стираешь.

Исполнилось мне 15 лет. Мои хозяева — ткачи — определили меня на фабрику Прохорова. Поставили меня в уточную. Получала около 7 руб. в месяц. Платила за комнату 2½ руб., за харчи высчитывали в артель. Через два месяца нужна была вышивалка-модельщик. Меня позвали. Привели к директору, спрашивает: «Ты шить умеешь?» Я говорю: «Себе шью платья, кофты». «Ну, тут не узоры вышивать». Наклеймили на тряпочку номера и дали вышивать. Потом понесли директору показывать, он сказал: «Привыкнет». Меня там оставили. 9 лет была вышивальщицей в браковочном отделении. Потом однажды заставили меня сверхурочно работать. Я кусок вышила, другой вышила. Мне стрельнуло в руку, и я больше не могла работать. Доктора признали воспаление сустава от большой патуги. Ведь все время руками машешь, за день 2½ сотни срабатываешь. За 100 платков платили 50 коп. 4 месяца аккуратно не работала.

Шел 3-й год, как я работала на фабрике. Прибежала как-то молодежь из ситуационной: «Остановливай фабрику». Остановили, пошли на другие заводы — и все производство стало. Пошли со знаменами — наши девочки расшивали. На знаменах было написано «Долой самодержавие». Потом стрелять стали. Тут боевая дружина начала столбы резать, лавки снимать и

мы помогали все это к Пресне таскать. Наваливали, баррикады строили, чтобы не проехало войско. Мы, девочки, с ними скамейки таскали, баррикады строили. Началось восстание. Рабочих разбили. Стали стрелять из орудий. У прядильной весь угол расшибли, у Шмидта все разбили, у Мамонтова деревянный сарай сторел. Потом, когда этот страшный бой прошел, привязали мы на две палки простыню и пошли к Горбатову мосту сдаваться и тут нашего одного человека убило.

Потом боевая дружина видит: все прикончилось. Ребята к нам книги приносили и говорили: «Спрячьте!» Девочки прятали в уборных. Помню, они приносили к нам прятать кочерыжечки железные, а на конце острое, вроде пика такая, мы их позже в уборные побросали. Был у нас дружинник Нечаев, по прозвищу «Колька-белые-сапоги», пришел к нам и хотел куда-нибудь спрятаться. Семеновский полк приехал для расправы с нашими рабочими. «Куды мы тебя спрячем? — говорим мы. — Ложись на койку, мы тебя спрячем здесь!» Положили на кровать, одели одеялом. Через несколько времени Семеновский полк появился к нам. Мы все перепугались. «Кто мирные жители, поднимайте руки». Ну, мы, конечно, все подняли. С полчаса так держали. После обыска велели опустить. Потом говорят: «Где у вас «Колька-белые-сапоги» сохраняется?» Все молчат. Тогда два офицера вбежали в нашу спальню и по всем койкам стали искать. Нашли его и кричат: «Вставай!» Он встал. «Руки вверх!» А он не поднял: «Можно и так меня обыскивать». Когда он сказал так, его один офицер в бок ударил, потом кричит: «Пу, идем!» Колька взял шапку, пошел: «Ну, девочки, до свидания, теперь я конечно отжил». На другой день приходят наши товарищи и говорят: «Кольку расстреляли».

Потом и остальных 18 человек забрали.

Забыла их фамилии. Раньше, чем расстреливать, их посадили в 40-й казарме, в столовой, а к вечеру перенесли в ткацкую контору. Работницы пошли было к ним, хотели снести им поест, повидаться. Семеновцы лежали на полу в сторожке и не пускали к арестованным. Многих расстреляли, некоторых в тюрьму посадили. Был у нас один рабочий в ситценабивной — немой, на кого он зол был, на того показывал. Много народу из-за него погубили. Раз офицер оделся в штатское, немой и на него показал, ну тут ему и перестали верить.

Зверские были солдаты семеновцы. Я видела, как одного старика схватили за горло, привязали его к столу и давай трясти. Старик кричал: «Не виноват, не виноват!» Но они ничего не слушали. Многих расстреляли.

Пошли мы днем в сарай в 14 отделение полиции. Смотрим — лежат расстрелянные. Увидела знакомых и земляков... Со мной в сарае сделался такой дурман, как увидала одного из них — Ванюшку. Здорово разворотили у него бок штыком. Не стала больше глядеть.

Многие из нас, как помещанские, ходили в те дни. Особенно было жаль Кольку и земляка из красильни — Василия Егорыча. Умный человек был Колька. Он был хорошо грамотен и много учился. «Девочки, не бойтесь, — говорил он нам в последний раз. — А самодержавие мы все-таки свергнем!»

Василий Егорович тоже бывало скажет: «Не бойтесь, ничего не будет до самой смерти! А погибнем — другие за нас будут держаться и продолжать наше дело». Рассказывают, что когда его расстреливали, раз в него стрельнули, а почему-то не застрелили, он стал на коленку и кричал: «Долой самодержавие!»

Тогда собирали тайные собрания. В ясах — в Филях, чтобы не узнали. Я в Филях бывала. Было там человек 10—13. Нам читали про самодержавие. Также и здесь на фабрике, как бывало гуляние, мы незаметно сядем, молодежь читает и разговаривает, а мы, девочки, сидим себе и слушаем. Я малограмотная была, но слушала и понимала, что к чему.

Семеновцы у нас ночи при ночевали, у кого постель хорошая, сгоняли и сами ложились, озорничали над некоторыми девочками. Меня самое лично обыскивали. в сундук лазили, все перекладывали и под постель смотрели.

Зам. директора и секретарь фабзавкома
Трехгорки — работники-выдвиженки

Замуж я вышла в 1909 году. Муж тоже рабочий. С 15 лет его на фабрику определили. Жили мы плохо. Муж мой зарабатывал всего 15-18 руб. в месяц, на харчи нам хватало, а на одежду и обувь нет. 4 года 10 месяцев в нужде прошли, потом на войну его взяли.

Перед самой войной у меня дочка заболела. Через два дня умерла. Пошли мы проб покупать с мужем. Идем, видим афиши прибиты — «Война». Я говорю: «Тебя-то не возьмут?», а он говорит: «Нет, это про тех, кто с действительной пришел, а я уже 5 лет как со службы». Встретили товарища: «Ну, Семенович, — говорит тот, — соиграй котомку». «Да, придется». «Гроб несешь?» «Да уж придется и нам гроб для себя заказывать». Пришли домой, а его уже в контору вызывают. Пошел он в контору, — ему полный расчет. Как пришел из конторы, заплакал. Девочку схоронили на следующий день, а его забрали в Крутицкие казармы. Больше он не вернулся; год с месяцем он был на фронте, а в 1915 году был убит.

Фабрика в годы войны плохо работала: 3 дня в неделю. Мы больше по двору работали, на складе, кто где, а некоторые раз'ехались. Мы не уезжали, некуда было ехать. У меня были дети. Разве я нужна кому? Некоторые товарищи подпольно работали.

Когда царя свергли, стрельба была. В школе засада сидела, три дня все колебалось. Я вышла на Пресню. Один военный говорит: «Царя свергнули». Сначала я даже поверить не решалась.

Потом Меркулов собрание на 40-й спальне сделал. Пришли с флагами. Меркулов впереди. Подошли к воротам. Ворота открыли и все вошли во двор, а хозяин вышел и говорит: «Ну, взяли власть, сумеете удержать». А Меркулов сказал: «Не беспокойтесь!» Здесь речи были. Меркулов и другие звали поддержать революцию.

На другой день были похороны убитых товарищей. Вся Трехгорка на похороны ходила. Тогда буржуазия удивлялась, что все рабочие, как один, ходили хоронить товарищей. Гробы были красные.

Когда свергали буржуев, мы в школе дежурили, ночами там сидели, сменялись между собой.

После Октябрьского переворота у нас выбрали из рабочих директора и мастеров.

У нас часто тогда были собрания — все больше на кухне. Я никогда их не пропускала, всегда этим интересовалась. Один раз Калинин выступал у нас во дворе фабрики. Все слушали его со вниманием.

Ленин был у нас на кухне в 1921 году. Народу пришло очень много. Все хотели его послушать. На печке, на трубах сидели. Даже дети приютские пришли. Был он в темнозеленом френче, в сапогах. Помню, он Трехгорку приветствовал. Потом говорит: «Как вы в 1905 году боролись и взяли революцию в свои руки, так держите

ее теперь в своих руках крепко, как одна семья».

Когда у нас появилось ударничество, на фабрике у нас почему-то не все решились поступать в ударники. Я не боялась — я первая записалась. Вообще я знала — нужно активно работать, производительность поднимать. За мной записалась Иванова. Она тоже старая — со мной работает лет 15, теперь она партийная. Понемножку и другие стали записываться, потом все взошло.

Я все время обгоняла всех ударниц. У нас все стараются. Как же не стараться! Надо производство поднимать, дать государству много товара, чтобы рабочим было гораздо лучше. Вижу, работница ленится, обязательно подойду к ней и скажу: «Надо производство поднимать». У нас есть молоденькие девчонки, любят интые побаловаться. Я им говорю: «Если не будете хорошо работать, из бригады выгоним. Если человек ленится, на кой он нам нужен в бригаде?» У нас сколько сработал, через день вывешиваем. Раз отстал, два отстал — скажем; но у нас это редко бывает, все стараются.

Меня в угольник ввели профорганизатором. Как только какой в работе беспорядок, — должна устранить. Проходит месяц. Бригадир когда и не вывесит, кто сколько сработал. Ну, ему и говорить:

Комсомолка-ударница, награжденная орденом Ленина (Завод им. Лепсе)

Почему ты не вывесил?» Или вот намечено за переработку не вывесили, сказала ему, чтобы вывесил, кто сколько сработал. Я должна смотреть, сколько кто вырабатывает.

Прорыв когда был на фабрике, пришел мастер: «Идите в отбельную». Мы пошли, там работали, помогли им прорыв ликвидировать. В своей браковочной мы промфинплан до этого уже выполнили — раньше других. Про меня писали в газете:

Старая хорошая работница, с такого-то года на фабрике». Списала я в своей браковочной, кто грамотный, кто неграмотный, кто учится, кто не учится. Будем обучать неграмотных.

Выбрали меня в санитарную комиссию при спальнях, и врач со мной много раз ходил обследовать дом.

Послали меня недавно в суд народным заседателем. Там много дел разбиралось.

Как-то судили с базы 16 человек: тащили мануфактуру. Ну, их нечего было миловать. Одному дали год, другим по 8—10 месяцев.

У нас вот на фабрике сколько материю мы же не таскаем. Надо сознательней жить. Мы должны помнить: теперь государство — наше, должны сами укреплять его, а не расхищать.

Пришла в суд одна женщина из деревни. Привлекли ее за то, что не выплатила налога. Говорит, нечем было. А у нее 30 десятин земли.

Я спросила: Товарид «у нея, можно задать вопрос?» «Скажите, — говорю я женщине, — своими вы руками обрабатывали землю?» Она говорит: Один работник был».

«Ну, — говорю я, — одним работником 30 десятин не обработаешь. Наверно у тебя не один, а три работника было».

Все время с 1905 года я стремилась быть сознательной. Только мое здоровье плохое — не позволяло в партию записываться. Потом решила записаться. Все же пользу могу принести партии и советской власти. За мной записалась Киселева, записалась Дуня (забыла ее фамилию). Хотя перед смертью буду партийная.

Ольга Егоровна Мещерякова

Мне лет уже много — 55, состарилась здесь. Родилась я в Рязанском уезде, в Якимовской волости, в деревне Песцово. Хозяйство у нас небольшое было. Как разделился отец, свалили нас всех в избу копеную: по черному топились. Были у нас лошадь и корова. Отец землю пахал бариону, исполу: две десятины ему, одну себе. Семья большая была, одних ребят семь человек. Родители неграмотные были, и я нигде не училась. Сейчас учусь на старости лет. В церковь родители ходили. А я покои века бога не понимаю.

В Москву я приехала 10-ти лет. Одна наша деревенская определила меня на шелковую фабрику у Девичьего Поля. Разматывала я там шелк, 3 рубля получала. Жила на спальные, койки содвинуты друг на друга, так и жили. Полтора рубля отдавала в столовую, а полтора на руки получала. Что хочешь, покупай. Паспорт у хозяина лежал, а работать 10-ти лет нам не позволяли. Работала я как взрослая, потихоньку; бывало идет комиссия в обход, посадит меня в подвал, а я и не понимаю. А с 12 лет стала работать открыто. На этой фаб-

рике я работала до 19 лет. Потом вышла замуж за одного рабочего с Прохоровской фабрики. Он в ситцевом отделе работал. Как вышла замуж, так и стала на Прохоровской ситценабивной работать. Получала 22 коп. в день. А после 1905 года приходилось бывало работать с четырех часов утра до темноты, до ночи. Рублей 15 зарабатываешь, а муж после 1905 г. зарабатывал рублей 27—30.

А детей всех было 10 человек, пятеро умерло, пятеро живых. Жизнь тогда была с теперешней несравнима; раньше ничего не смели мастеру сказать — боялись, а теперь что не так, так и самому директору сказать не побоишься. Тоже перед войной: сколько было расчетов, скажут: «катись», и все тут. И жили раньше в одной комнате 15 человек, а теперь нас 7 человек, одна семья, в квартире живем, три комнаты и кухня.

Жили мы сначала в общей казарме; я на девичьей, а муж на холостой. Потом положили нас в парную спальню. Тут нас жило четыре семейства, а когда родился у меня ребенок, то положили нас вдвоем с дру-

Раскрепощим работницу от домашнего рабства.
Детский сад

гой парой. У них было четверо детей. У меня ребенок да нянька, да взрослых четверо. Ох, тяжелое выходило положение.

В деревне у меня ничего не было. Я туда не ездила и детей не отправляла, и денег не посылала, да и оттуда нам тоже куски хлеба не посылали.

В 1905 году у нас была забастовка. Остановили фабрику, просили надбавку. Были и другие требования. А сколько потом всего нагляделись? На собрания я ходила, баррикады строила, везде была. Бросить ребенка, бежишь.

Война началась, я аккуратно девочку родила, больна была. Мужа на войну взяли. А за что воевали — не знали. Вот теперь если будет война — все пойдем, все себя защищать будем.

В 1917 году пришла революция. Царя сбросили. Ходили мы к Городской думе. Много было у нас собраний на фабрике. Комитеты тут у нас разные были, околоточных арестовывали. Весь народ пришел в движение. В Октябре власть решили взять в руки рабочих.

Тут уже все сознались, что за советскую власть надо идти. Когда мы голосовали, то уже понимали, что эсеры — партия, чуждая рабочим, правая, а большевики — наша, рабочая, левая. Я больше придерживалась за эту партию и за нее голосовала. У нее справедливая программа. С нею там будет свободнее и лучше.

Во время гражданской войны наша фабрика стояла года два. Мы ходили на отметку, посылали нас работать в огород и на железную дорогу. Потом стали фабрику пускать. Тут и женщины даже позвали машины ставить. Когда пускали фабрику, все машины были поломаны, но мы сумели пустить и теперь работаем и работаем, и все лучше и лучше, хоть и есть у нас трудности.

Бывало вертят карусели: «Вам фабрику не пустить». А пустили, и идет стройка. Сейчас мы 16 казарм перестраиваем.

При советской власти я стала на фабрике общественную работу нести. Была делегаткой, ходила по больницам, садам, старалась детские дома улучшить. Уговорила я женщин, чтобы они шли машины пускать.

Было у нас собрание, как составлять бригады. Стали цех с цехом соревноваться. Вызывают меня. «Вступай в соревнование». Я пошла к своим женщинам, спрашиваю их, как они? Они говорят: «согласны». И все пошли. Постановлено было у нас, чтобы браку было меньше, чтобы прогулов не было. Если у меня например какая работница хуже работает, я должна ее втянуть. В моей группе на красных барабанах все сейчас хорошо работают. Работает нас 5 женщин, а вся бригада 10 человек. Перешли мы на хозрасчет, уже два месяца работаем; выполняем свой план. Браку меньше у нас стало, а прогулов совсем нет, а то ведь у нас есть общественный суд.

По общественной работе я по лавкам хожу, гляжу, чтобы продукты хорошие были, а плохие бракую, смотрю, чтобы справедливо давали. Сейчас старые прохоровские спальни перестраиваем; в совещаниях участвую, в трест хожу, — все больше о кирпиче да о лесе хлопочем.

Грамоте я все лето училась, да голова плохо работает.

В партию вступила на старости лет: надо к одному сбиваться, а то в бота не верю, а сама никуда! Вступила я в 1929 году. По работала на общественной работе, поглядела, рассудила, что справедливо поступают и что нельзя идти в одиночку; «ну, думаю, вступлю». Теперь я партийная.

Наталья Александровна Игнатова

Когда умер мой отец, мне было шесть лет. Мы с матерью жили в деревне. Земли у нас было очень мало, через два года на третий только сеяли хлеб. После смерти отца, оставшись без всяких средств, мать уехала со мной в город, где она поступила в прислуги. Двух остальных маленьких детей мать оставила в деревне у соседей.

Вскоре моя мать была принуждена отдать меня в детский дом. Эти 2 года, проведенные мною в детском доме (в то время приют Прохорова), и были единственными годами моего детства. По капризу фабрикантки Прохоровой, я была взята из приюта и увезена ею сначала в Харьков, а потом в Петроград. Она из меня хотела сделать горничную, но моя мать, перенося чуть ли не каждый день капризы и унижения от своей барыни и работая с утра до поздней ночи без отдыха, не захотела сделать из меня прислугу. Она взяла меня от Прохоровой и отдала к портнихе в ученье. Как счастлива теперешняя молодежь, что она не знает этих кошмарных дней! Я опишу один день нашей жизни, жизнь подростков от 12 до 16 лет.

Мы вставали в 6 часов утра. От сна в душной комнате болела голова. Наскоро попьешь чаю и скорей вверх в мастерскую, там надо все приготовить к приходу мастериц и заказчиц, и начинается день беготни: мастерицы посылают и с письмами, и в лавочку, да все это скорей, чтобы не знала хозяйка, а то попадет и от хозяйки, и от мастерицы; а там глядишь послали нести заказ — это уж девочек постарше. А там подчас капризная барыня, примеряя платье, промучила тебя часа полтора. С коротким перерывом на обед и чай, приблизительно по 20 мин., кончался наш трудовой день в 10 час. вечера. Мастерицы работали с 9 утра до 8—9 час. вечера, а ученицы с 7 утра до 10 час. вечера. Мы жили в подвале и вечером, когда сидели и смотрели в окно, то через решетку видели одни ноги. В 10 часов вечера нас запирали в небольшой комнате человек 12, а на утро опять то же самое, до воскресенья.

В воскресенье же мы, девочки, тоже не полный день отдыхали. Надо было перемыть полы, сделать генеральную уборку всей квартиры и тогда уже можно было идти к своим родным. И так четыре длин-

ных года. В дни баррикад в 1905 году, нас хозяйка отпустила по домам.

Помню один вечер, когда горела фабрика Шмидта и дома на Пресне. Моя мать и дядька школы собрали все полотенца, какие были у них в школе, и поддерживали огонь в плите, чтобы была теплая вода и биты для раненых рабочих, которых дружинники хотели приносить в школу, если будет столкновение с полицией. Раненых не принесли, но утром одного рабочего расстреляли у наших ворот. Я тогда еще не разбиралась в этом. Работая в мастерской, я настолько уставала, что мысль о рабочем движении у меня даже не зарождалась в голове.

Так я работала до 1910 года, а в этом году поступила в приют Прохорова работать портнихой. Тут я узнала, что был и в то время закон, определяющий количество рабочих часов. Капиталист Прохоров в своей школе готовил и растил себе дешевую рабочую силу: девочек обучали читать и писать в пределах 3 классов городской школы, а мальчиков отдавали в мануфактурно-техническую школу. Прохоров говорил про мальчиков, что ему нужна квалифицированная рабочая сила.

В 1914 году, во время войны, мне, тогда 18-летней девушке, втолковали в голову, что войну нам навязали немцы, и если они победят, то нам будет очень плохо. И поэтому мол нам нужно вести войну до победного конца.

Мы с ребятами в школе старались работать для раненых, чинили, шили для них теплые белье и противогазы. И я часто оставалась работать позже, чем полагалось, чтобы чем-нибудь помочь этой войне.

Политически я была тогда совсем неграмотна.

После свержения царя я симпатизировала Керенскому и временному правительству, и момент Октябрьской революции был отчасти для меня непонятен. Что это за революция, в чем дело? Царя свергли и как будто бы все хорошо. Я не понимала еще разницы между буржуазной и социалистической революцией. Учредительное собрание, по тогдашним газетам, я понимала так: там будут делегаты от буржуазии и делегаты от рабочих, и они договорятся. У

меня такое было мнение, что рабочий класс в большинстве, а буржуазия меньшинство. Поэтому она не пойдет против рабочих. Она подчинится рабочим и будет все хорошо, будет тишь да гладь. Что рабочий с буржуазией никогда окончательно не стоворятся, что никогда рука об руку не пойдут—это я хорошо поняла только потом, при советской власти.

После Октябрьской революции я постепенно поняла, что такое партия. Это передовой отряд сознательных рабочих, которые добровольно берут на себя руководство рабочим классом в борьбе за социалистическое строительство и за свержение капиталистического строя. И все передовые рабочие должны идти в партию и укреплять ее ряды. Но это я поняла позже. Тогда же, в октябрьские дни, я как раз родила ребенка (я вышла замуж в 1916 году за раклиста с фабрики Прохорова). Мой муж в эти дни дежурил во дворе, в домовой охране, и целый день его не было. Орудийная пальба будила моего ребенка. Настроение конечно было нехорошее. Хотелось, чтобы скорей кончилось: покоя не было. А потом началась гражданская война.

В 1918 году моего мужа взяли на фронт. На меня легли все домашние заботы. Жизнь где-то шла, а до меня не доходила. Но постепенно у меня появилась мысль, что все идет к лучшему. На продовольственные и хозяйственные затруднения я смотрела, как на временные. Все мы переживем, и будет хорошо.

Особенно религиозной я никогда не была,—некогда было молиться. В приюте, хо-

ги и ходили в церковь и исповедывались, но так крепко религию не вбили. Замуж вышла—муж мой богов не признавал.

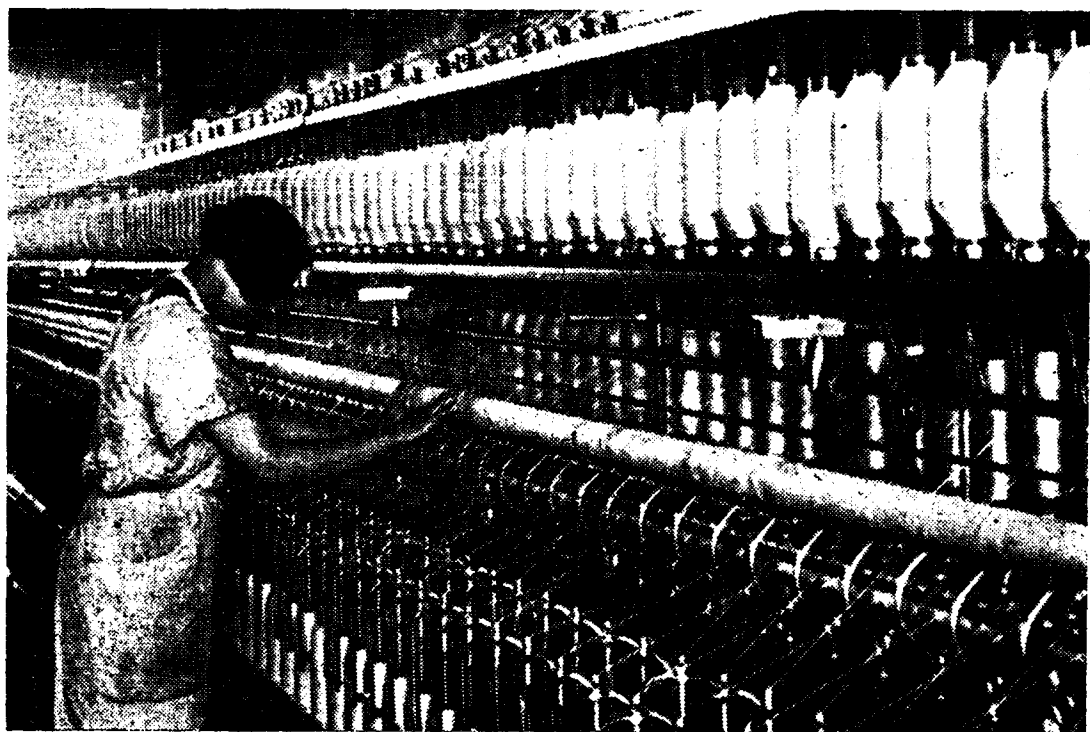
На меня сильно подействовал следующий случай в 1921 году. Накануне смерти моего ребенка я полтора часа молилась в церкви, чтобы девочка моя жива осталась, но она в эту ночь умерла: бог не помог. Пон начал отпевание дочки; в руке он все время зажимал деньги, которые перед этим ему дал какой-то мужчина за погребение покойника. Посреди службы поп смотрел на руку, сколько ему дали денег, вытащил еще из кармана деньги, посчитал, ему показалось мало, и он, не закончив службу, бросился догонять мужчину, который ему мало дал денег за отпевание.

Так я потеряла всякое уважение к духовному званию.

С 1921 г. я перешла работать на фабрику в белошвейную мастерскую. Там я работала чисто механически; отработаешь 8 часов — и все. В 1925 г., перейдя на ситцебивную фабрику, где я стала работать учетчиком, я уже вступила в общественную работу. Но с двумя маленькими детьми на руках я не имела свободного времени, чтобы всецело отдаться общественной работе. В это время мой муж вступил в партию.

На фабрике я втянулась в общественную жизнь.

В 1925 году меня сначала выбрали в цеховые делегатки, а потом делегаткой по охране труда. На фабрике сама жизнь наталкивала меня на работу. Моя сменница была молоденькая комсомолка. Нас обеих

Работница на социалистической стройке. Работа на банкоброшной машине, установленной в 1927 г. (Трехгорка)

выбрали нарзаседателями в суд. Я пришла к мастеру своему и говорю, чтобы он подобрал людей, которые работали бы вместо нас, пока мы будем на суде. Он тут выразился таким образом: «Ну, с тобой я бы еще помирился, ты постарше, а такой сопливой девчонке я бы и отвечать не стал на суде». Меня это взорвало, я ответила: «Несмотря на то, что сна девчонка, а вам бы пришлось ей подчиниться, так как на суде в ее лице говорила бы представительница советской власти». С косностью наших старых мастеров приходилось много бороться.

У меня как делегатки случались иногда конфликты с нашими мастерами и администрацией. Я видела несознательность некоторых рабочих и понимала, что борьба со старым еще не кончилась, что нужно еще бороться с пережитками старого. Постепенно я во всем стала видеть и понимать, что единственно правильная линия — это линия партии, и я в своей практической работе, часто даже сама этого не замечая, проводила линию партии.

Я понимала, что на практике мне и нашим работницам нужно еще много учиться, нужно стать политически грамотными и понимать, как лучше бороться за социализм.

В 1927 году мой муж заболел и перешел на социальное обеспечение. Нести партийную нагрузку он уже не мог, и мне все чаще и чаще стало приходиться в голову заменить место моего мужа в партии; дети мои подросли и свободного времени у меня стало больше.

В 1929 году я уже вполне сознала, что женщина должна стоять на одном уровне с мужчиной, и к 12-й годовщине нашей революции я подала заявление о приеме меня в партию. С вступлением в ряды партии я старалась всеми силами наверстать упущенное мною время. На производстве я стараюсь работать как можно лучше. Стали у нас говорить: ударничество, ударничество. Стали записывать, договора заключать — машина с машиной. Мы, учетчики, стали заключать стол со столом, закрепились до конца пятилетки. Договоры я также составляла.

Но первые 3 месяца мы результатов от ударничества не видели. Я стала думать: в чем же ударничество? Стала я наблюдать, сколько же у нас свободного времени остается. Стала за собой следить и подсчитала, что 2 часа времени у меня пропадает. Тогда я предложила сокращение с 7 учетчи-

ков до 4. Не только рабочие, но и заведующий не верил, что мы можем справиться. Он говорил мне: «Ты два года тому назад говорила, что не справимся, а теперь ты сама предлагаешь». А я ему в ответ, что изменились условия работы, переменялась система машин и облегчился весь процесс работы после проведения рационализации, поэтому учетная работа сократилась, и это мероприятие можно провести. Остальные работницы говорили: «На кой черт тебе это нужно? Не себе ты в карман кладешь!» А я ответила: «Хоть и не себе в карман, а хочу, чтоб было так, как нужно для государства».

Кроме того я предлагала, чтоб в починую смену сократили одну швейку, потому что ее может заменить учетчик: на 3 машины делать нечего. Работницы сказали: «Тебе хорошо говорить, сядь вот и поработай сама». А я: «Пожалуйста». Хоть я до сих пор работала в дневной смене, но тут стала работать ночью. Превосходно справлялась и за учетчика и за швейку. После этого сократили учетчиков с 7 до 4. Сейчас у нас 3 учетчика работают. Мы еще берем на себя учет показателей и хозяйственной бригады и хорошо справляемся. Некоторые из учетчиков были недовольны и в первые дни старались мне чем-нибудь напакостить. Они прятали талоны, в которых отмечалась выполненная работа рабочего, и я не могла заносить ее в ведомости. Из-за этого получалось недовольство среди рабочих и скандалы. Но потом это дело раскрылось.

Лучше стали работать и во всем нашем отделе. Все договоры наши заключались на лучшее обращение с инвентарем, на улучшение качества, — чтоб не было пуху на товаре, — и в особенности на снижение себестоимости. Здесь наш отдел все время сидел на осле и на черепахе. В конце концов рабочие стали говорить: «Нам надоело все на черепахе да на осле». И стали доискиваться, находить причины отставания. Одна, помню, старенькая работница, только ликвидировавшая свою неграмотность, подходит ко мне и говорит: «Вот все говорят, что мы плохие ударники. Ты вот заставь, чтоб наши инженеры сделали так, чтоб не надо было кусок три раза пропускать через машины, а только один раз». Уж и ее видно задела черепаха. Стали аккуратнее со светом, стали измерять занятость рабочей силы, и в результате вместо 100 рабочих ту же работу стали выполнять 67 рабочих.

Наш отдел получил премию за снижение себестоимости и за то, что ввел женский труд вместо мужского на ширильных рамах. Конечно приходилось много разъяснять рабочим. Я была тогда членом цехкомитета и работала в планово-оперативной группе. Мы собрали ребят на складе в один коллектив. Раньше каждый работал отдельно от других и отвечал только за свою работу. Теперь стали всем коллективом выполнять работу и все за нее отвечать: в результате штат коллектива постепенно сокращался с 15 до 10 человек. Сейчас я заместитель председателя цехкомитета и налаживаю работу хозрасчетных бригад. Я учусь в райкомвузе и постепенно расту вместе со всем рабочим классом в борьбе и строительстве социализма в нашей стране. Партия, членом которой я стала, помогает и руководит нашим ростом. На ту же дорогу вывожу я и своих ребят: они тоже активисты и общественники: девочка — пионерка, а мальчик — октябренок.

В 1930 году меня как ударницу послали в заграничную экскурсию. В этой экскурсии я сама видела результаты капиталистического кризиса. Первая наша стоянка была в Гамбурге; когда наш теплоход входил в порт Гамбурга, нас поразили целый лес подъемных кранов, громадные склады, масса судов, а когда мы поехали на маленьком катере осматривать порт, то оказалось, что подъемные краны стояли без действия, склады закрыты, многие суда стояли без пара и у них парусиной были затянuty трубы. Были мы на верфях; там тишина — одно судно только строилось, 2—3 судна в ремонте. Осматривали мы мастерские, первый кузнечный цех, — и там тишина. Мы спросили через переводчика: сколько в этом цехе может работать человек? Нам ответили, что человек 200, а работает 30—40 человек, а когда мы маленькой группой отошли с одной работницей, понимавшей по-немецки, то нам немецкий рабочий сказал, что работает там человек 15—20. И в это время к нам подошел один рабочий и сказал: «Вы счастливые, сами строили теплоход и сами поехали». И изобразив толстопузо, сказал: «А мы еще вот на кого работаем!» Один наш рабочий задал немецкому рабочему вопрос: «Часто ли ты кушаешь мясо?» Тот ответил: «Если будешь кушать мясо, то ходи раздетым».

На другой день мы осматривали город: в буржуазном квартале не дома, а в буквальном смысле дворцы; там не разре-

шается быстрая езда на автомобилях и на мотоциклетах, чтобы не нарушать покоя буржуазии, а рядом в рабочем квартале тоже нет этой езды, только причина этому совсем другая: там не может автомобиль проехать даже в одну сторону. Там всюду процветает проституция, вечером толпою ходят женщины, приглашая мужчин. Это голод и безработица гонят их на улицу.

На одной площади нас окружила толпа безработных, прося на память наши значки туристов. Мы скорее постарались сесть в автомобиль, чтобы не создать конфликта с полицией, и только успели отойти наши автобусы, как нагрянула полиция, но толпа успела рассеяться. После трех дней пребывания в Гамбурге мы с пением «Интернационала» и других революционных песен отошли от гамбургской пристани.

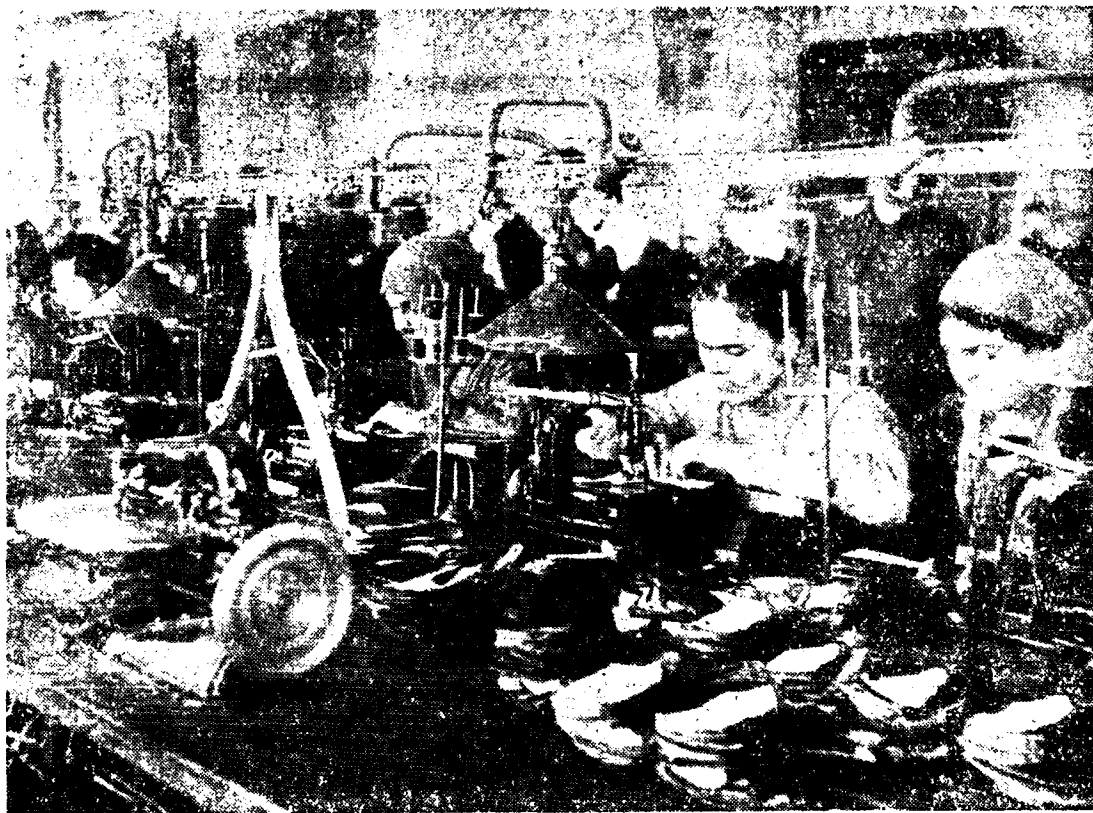
Вторая наша остановка была в итальянском городе Неаполе. Когда мы входили, у нас на палубе был митинг по случаю раскрытия заговора «Промпартии»: в стране фашизма рабочие на нашем теплоходе «Абхазия» подавали заявления о приеме в партию; это было ответом нашим врагам. Осматривали Неаполь — та же картина, что и в Гамбурге: роскошь в буржуазных кварталах и нищета в рабочих кварталах: те же узкие улицы, в которые мало доходят лучи солнца. Квартыры кустарей (там их очень много) — одна комната; здесь он работает, здесь и продает то, что сработал, и здесь же с семьей ест, пьет и спит. Туда так мало проникает дневного света, что он целый день работает с огнем. Зато икон там очень много, в каждом доме горят лампадки.

Были мы на ткацкой фабрике, оборудование несколько не лучше нашего, есть даже поделушные челноки; порядки там жестокие: если идет администрация, так рабочий голову боится поднять. Нам пришлось видеть такую картину: у одной молоденькой работницы оборвалась основа, и она долго ее присучивала; подошла к ней надсмотрщица, ударила ее по щеке, показала ей, как сделать. Очевидно это — обычное явление.

Полиция там на каждом шагу, всех рангов и мастей, и нас она сопровождала всюду. При осмотре раскопок гор. Помпеи нас женщин в помещение не пускали; женщинам нельзя — папа римский запрещает. А вот на улицу женщину добывать себе хлеб они допускают.

С нами все время в Неаполе был Горький. Он много с нами беседовал, об-

Лучшая женская ударная
бригада фабрики имени Ми-
кояна

яснял. Из Неаполя мы тоже уезжали с пением «Интернационала» и других революционных песен. М. Горький, провожая нас, долго стоял и глядел нам вслед. Он говорил нам, что, живя здесь, в Италии, он душой всегда с нами, в СССР.

Последняя наша остановка—это Константинополь. Здесь еще резче видна нищета и проституция, здесь еще тяжелее жизнь женщины; на одной и той же работе женщина получает меньше, чем мужчина.

Там дети (мы это видели на ткацкой фабрике) работают с 12 лет, работают одинаковое количество часов со взрослыми, а получают зарплату меньше, чем женщины, на 50 проц. Там есть целые кварталы проституток. Из Стамбула нас потянуло неудержимо домой, к своим станкам, к своей работе, чтобы скорее продолжать укреплять нашу Страну советов и никогда не допустить зависимости от капиталистов.

„Полного равноправия не дало ни одно, даже самое прогрессивное республиканское, демократическое, буржуазное государство.

И Советская республика России сразу смела все без изъятия законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону“

(Ленин, т. XXV, стр. 63)

ЖАН ФРЕВИЛЬ

Альбер Матъез

ОТ РЕДАКЦИИ. Заметка нашего французского товарища Фревиля, помещенная в органе ЦК компартии Франции «Юманите» от 8/III 1932 г., конечно ни в какой мере не исчерпывает характеристики Матъеза. Некоторые из наших советских историков страдали до последнего времени значительной переоценкой этого мелкобуржуазного историка; выявить подлинное лицо Матъеза, его настоящую роль в развитии исторической науки, указать на ошибки, допущенные в отношении к нему со стороны некоторых историков-марксистов,—все это составляет политическую задачу отнюдь не последней важности. Редакция этим вопросам отведет надлежащее место на страницах «Борьбы классов».

Десять дней тому назад во время чтения лекции в Сорбонне умер от кровоизлияния в мозг Альбер Матъез.

Матъез, посвятивший себя изучению французской революции, был мелкобуржуазным демократом, якобинцем, застывшим вне живого исторического движения. Ложные представления привели его в ряды коммунистической партии в момент, когда после войны поднялась волна революции. Увлечаясь русской революцией, он восхищался ею, но не понимал ее, ибо смешивал диктатуру санкюлотов с диктатурой пролетариата. Поэтому победоносное развитие социализма в СССР оттолкнуло его симпатии от Советского союза. Когда историк Тарле, участвовавший в заговоре «Промпартии», был в 1930 г. арестован в Москве, Матъез присоединил свой голос к «демократическим» проклятиям врагов международного пролетариата. В своей политической деятельности он давно уже вступил в ряды защитников частной собственности.

Матъез,—и в этом одна из его заслуг,—вел борьбу с ложью официальной истории. Он боролся с Мишле, вратом Робеспьера, и Оларом, апологетом Дантона. Он ожесточенно восставал против легенды о Дантоне, которого прославили Отюст Конт и школа позитивизма, легенды, канонизированной в 1890 г. в университетах 3-й республики так же, как и сам Дантон. Этот продажный

авантюрист, который является для империалистической буржуазии символом патриотизма и священного единства классов.

Однако невежество в отношении марксизма и незнание диалектического материализма не позволяли Матъезу понять динамику развития общества. Он ограничил свой политический кругозор буржуазной демократией. Под его «якобинизмом» в эпоху империализма скрывается реакционное содержание. Поэтому Матъез, оказавшийся сродни «якобинцу» Эррио, является великим человеком в глазах радикалов, демагогическая фразеология которых пролагала путь буржуазному Комитету общественного спасения и фашизму.

Загипнотизированный французской революцией, Матъез видит в ней решающий факт. Вся дальнейшая история человечества, по его мнению, должна лишь выполнять заветы Великой революции. Он называет Бабефа «учеником и наследником Робеспьера» и в своем стремлении объединить пролетариат с буржуазией пишет, что «рабочее право черпает из того же источника и исходит из того же начала, что и буржуазное право». Это делает его одним из излюбленных историков для реформизма.

Как и Жорес, он убежден, что «демократия по самой своей природе обладает социалистической добродетелью», хотя и на-

зывает бунтовщиками рабочих Сент-антуанского предместья, выступавших на улицы по призыву «бешеных» или Гебера. Не обвиняя Матьеза во всех заблуждениях «Социальной истории французской революции» Жореса, «расширявшего» Маркса при помощи Плутарха и Мишле, мы все же должны подчеркнуть, что Матьез рассматривает социализм как развитие демократии и считает, что пролетариат может быть только союзником и придатком буржуазии в борьбе с ее врагами.

«Весь французский терроризм,—писал Маркс в одной статье, помещенной в «Новой рейнской газете» в 1848 г.,—был не чем иным, как плебейским способом покончить с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и буржуазным духом».

Для Матьеза весь французский терроризм, вся революция — это Робеспьер. Он дает таким образом ложный анализ движущих сил революции. Он замаскировывает другое лицо якобинизма, его реакционное лицо, угрожающе обращенное к пролетариату и гебертизму. Он показывает якобинизм только в его борьбе с дворянством и не показывает его репрессий по отношению к четвертому сословию.

Матьез берет монтаньяров под защиту от жирондистов, этих собственников, пропитанных чувством социальной иерархии, разбогатевших от торговли национальными имуществами и съестными припасами.

«Были ли жирондисты вправе,—писал Матьез,—смешивать монтаньяров с коммунистами? Коммунисты не составляли партии. Это были отдельные разрозненные индивидуумы, не имевшие связи друг с другом. Коммуна поклялась уважать личность и собственность. Робеспьер категорически отрекся от коммунизма. Он считал аграрный закон «абсурдным пугалом, которым порочные подлецы пугают глупцов». В этом Робеспьер оставался неизменным. Он всегда считал коммунизм несбыточной и безумной мечтой. Он хотел ограничить право собственности, чтобы предотвратить злоупотребления. Он никогда не думал его уничтожить»¹.

Когда образовалась в Париже вокруг Варле и Жака Ру партия «бешеных», требовавшая пилотины для скупщиков,—партия, которую мы, коммунисты, приветствуем как выразительницу парижских рабочих в 1793 году,—Робеспьер повел с

ней борьбу. «Свобода,—воскликнул 25 июня 1793 г. Жак Ру перед Конвентом,—свобода есть лишь пустой призрак, если один класс людей может безнаказанно морить голодом другой».

Движение принимало явно антиякобинский характер. Рабочие грабили магазины, силой заставляли отпускать им мыло, сахар, свечи, по ценам, которые назначали они сами. «Порой можно было бы бояться,—писал Матьез,—что революция политическая (?) сменится революцией социальной, что после дворян, попов и короля настанет очередь и богачей»².

Буржуазия объединилась единым фронтом против пролетариата. Дантон предлагает, чтобы «собственность стала вечной». Марат обвиняет петиционеров-рабочих в том, что они были переодетыми аристократами, наемниками роялизма. 18 марта Конвент вотирует смертный приговор каждому, кто предложит аграрный закон, т.е. раздел земель.

В историческом анализе этих событий Матьез целиком стоит на стороне буржуазии и против революционного пролетариата и одобряет борьбу Робеспьера за сохранение буржуазных отношений. «Робеспьер,—пишет он,—проявляет в августе 1793 г. усилия, достойные восхищения. Он оказывает революции величайшую услугу освобождением ее от демагогии «бешеных»³.

Робеспьер пускает о них клевету Марата и бросает в тюрьму Жака Ру, который там кончает с собой. Однако уже слышались раскаты народного гнева. Напор гебертистов в августе и сентябре 1793 г. заставляет поставить террор в порядок дня, вынуждает Конвент принять закон о подозрительных и установить таксу на продукты первой необходимости (максимум), внушает мысль о создании революционной армии для реквизиций, словом, спасает республику. «Это—открытая война богачей с бедняками, они хотят раздавить нас, так раздавим же мы их сами», заявляет Шометт. Гебер в «Пер Дюшене» призывает к восстанию своих войска слесарей и строительных рабочих. Революция развивается все шире и глубже, разгорается борьба против религии и «предрассудков 18 столетий». Под давлением масс булочные почти повсюду муниципализируются, в них выпекается теперь только один сорт хлеба—хлеб равенства.

² A. Matiez, La question sociale pendant la Revolution française, p. 29.

³ A. Matiez, La Revolution française, v. 3, p. 31.

¹ A. Matiez, La Revolution française, v. 2, II p., p. 64 — 67.

В декабре 1793 г. в Париже вводятся карточки,—сначала на хлеб, потом на мясо, на сахар и масло. Перед пролетариями, до сих пор презируемыми, начинают занекивать и, чтобы угодить санкюлотам, сменяют фрак на короткую куртку—карманьолу.

Гербы, наконец, разбиты,
Поповские одежды болтаются на крюке.

Богословию дали в зад;
Закон не признает больше воскресенья.

Весь фанатизм попов опиум,
И их «отче наш»—
Чепуха по сравнению с нашим максимумом.

Из этой песенки, распевавшейся гебертистами в честь таксации продуктов (максимум), Маркс заимствовал образ для своих знаменитых слов: «Религия — опиум для народа». В этой песне отражалась радость пролетариев, стремившихся к равенству, действительному, а не словесному.

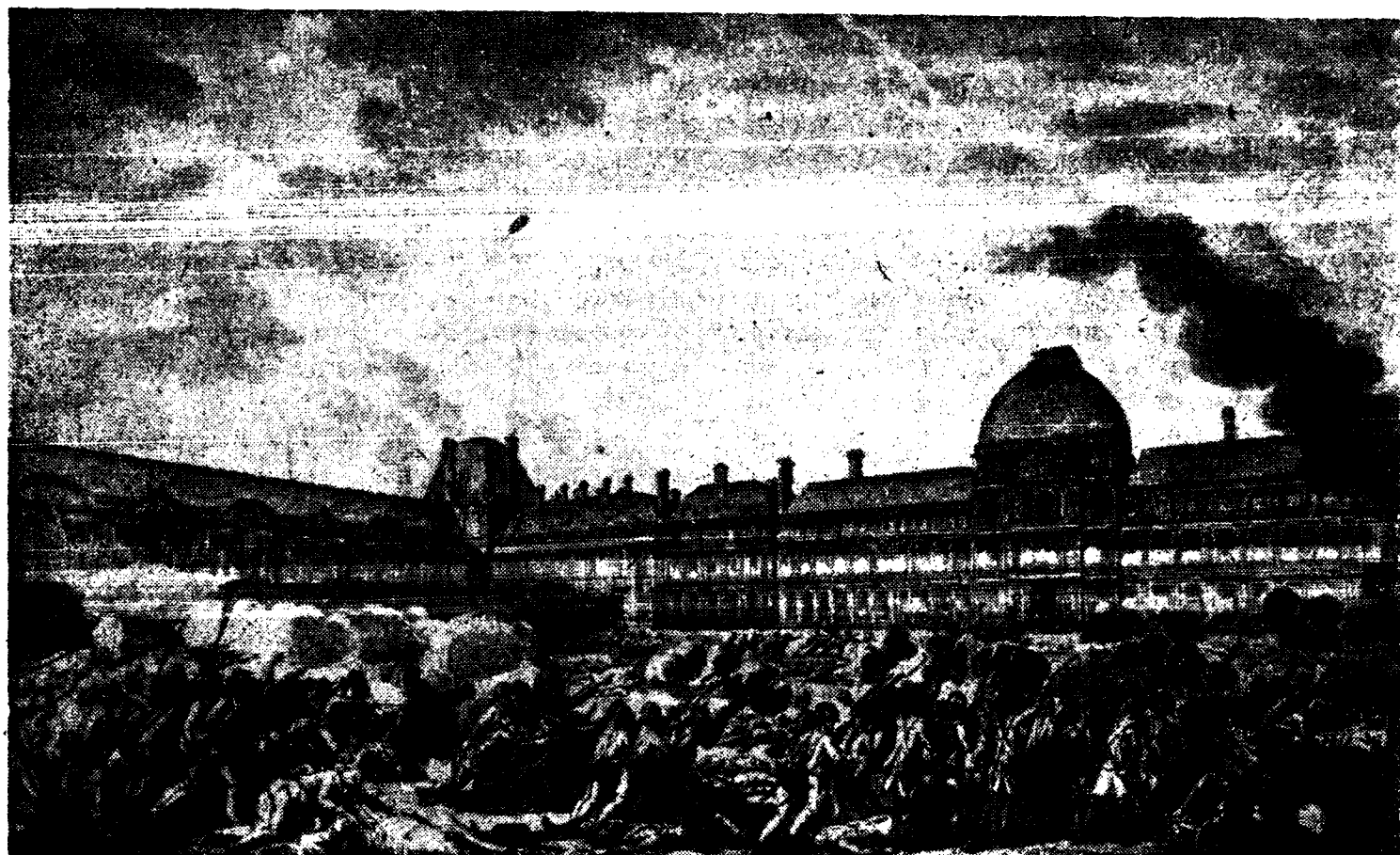
«Экцессы» вызывают сопротивление со стороны имущих классов, делающих Робеспьера исполнителем своих желаний. Атеизм и материализм «Пер Дюшена» подрывают «моральные основы общества», и «Неподкупный» возьмет на себя задачу покончить с этими врагами общественного

порядка и добродетели. Вопреки Геберу, он распустит большую часть департаментских революционных армий, он ослабит революционную армию Парижа и 2 марта 1794 г., когда Гебер и Карье призовут к восстанию, Робеспьер прикажет арестовать «заговорщиков», которые 24 марта будут казнены.

Разгром «гебертистских мятежников», как выражался Матьез, был смертельным ударом, нанесенным диктатуре якобинцев. Робеспьер разбил самую последовательную движущую силу революции и подготовил вместе со своим собственным концом победу термидорианской реакции.

Матьез не видит всего этого. Он не понимает законов развития революции, так же как не понимает ошибок и слабостей якобинизма.

Безоговорочно одобряя действия якобинцев, отказываясь их критиковать, становясь на сторону буржуазии в первой великой борьбе современного пролетариата против имущих классов, осуждая будущих могильщиков капиталистического «старого порядка», Матьез тем самым изменяет революционным традициям якобинцев. Он объективно становится на сторону капиталистического старого порядка и в своих произведениях защищает его от первых волн пролетарской революции.

Восстание 10 августа 1792 года

За большевистскую историю нашей партии

О четырехтомнике „История ВКП(б)“ под ред. т. Ем. Ярославского

С исчерпывающей ясностью и полнотой т. Сталин сформулировал задачи историков-коммунистов:

«Поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

Огромные победы нашей партии во всех областях социалистического строительства, успехи, достигнутые в борьбе за ее генеральную линию, не дают классовым врагам возможности открыто выступать против нашей партии под флагом троцкизма и правого оппортунизма.

«Оппортунизм пытается поэтому пролезать сейчас в наши ряды, прикрываясь, примазываясь, прикрашиваясь, ползая на брюхе, пытается проникнуть в щели и в особенности пытается влезть через ворота истории нашей партии» (Каганович).

Контрреволюционный троцкизм пытается воздействовать на воспитание молодых членов партии и комсомола, протаскивая свою контрабанду в историю вообще и в историю нашей партии в особенности. Приглушение классовой бдительности, гнилой либерализм некоторых коммунистов играют на руку контрреволюционному троцкизму и правому оппортунизму.

Наша партия придает огромное значение большевистскому воспитанию молодого поколения.

Особенно необходимо критически подойти к литературе, на которой обучаются миллионы членов партии и комсомола.

развертывая беспощадную борьбу с троцкистскими и всякими другими фальсификаторами. В свете этих задач необходимо указать на ошибки, их характер и внутреннюю взаимную связь в учебном пособии для вузов, комвузов и совпартшкол — четырехтомнике «История ВКП(б)». Необходимо показать и разоблачить целую систему ленинских взглядов, проводившихся «школой троцкистских контрабандистов», подвизавшихся в этих книгах, изданных под общей редакцией т. Ярославского.

I том «Истории ВКП(б)» под редакцией т. Ем. Ярославского охватывает период от 60-х гг. XIX ст. до второго съезда партии включительно. С точки зрения истории нашей партии чрезвычайно важно выяснение социально-экономических условий, в которых зародилось, росло и крепло рабочее движение в России. Изучение рассматриваемого в I томе периода имеет огромное значение для понимания условий возникновения и будущей роли большевизма.

В I томе «Истории ВКП(б)» мы не находим последовательного ленинского анализа исторического развития пореформенной России.

Ленинское учение о «двух путях» капиталистического развития не получило освещения на страницах I тома.

Уже в оценке реформы 1861 г. мы сталкиваемся с игнорированием ленинского учения о «двух путях». Авторы I тома явно преувеличили социально-экономическое значение реформы 1861 г. для развития капитализма, а вследствие этого они приходят к преувеличению социально-политических последствий реформы. Они пи-

шут: «Передвижка в изменении соотношения классовых сил, в выросшей роли буржуазии отчасти отразилась и на личном составе правительства и на его политике. Создавался блок двух классов — дворянства и буржуазии (в особенности торговой)» (стр. 12). А несколькими строчками дальше авторы говорят не о создающемся, а о «создавшемся блоке».

Таким образом, по мнению авторов, в результате реформы 1861 г. произошли такие социальные передвижки, что изменилась социальная сущность самодержавия. Отсюда неизбежен вывод, что прусский путь уже победил, так как в результате реформы 1861 г. создавался и создавался блок двух классов — дворянства и буржуазии. Утверждая это, авторы дают такое освещение всей эпохи, что единственным выводом, вытекающим из их трактовки, получается лишь тот, что реформа 1861 г. сняла вопрос о буржуазно-демократической революции.

Здесь авторы целиком повторяют давно уже разоблаченную антиленинскую, ликвидаторскую постановку вопроса о «перерождении» самодержавия, которую пытался протащить в историческую литературу известный правый оппортунист А. Слепков.

В письме к И. И. Скворцову-Степанову (от 16 II 1909 г.) Ленин считал постановку вопроса о победе прусского пути не только в результате реформы 1861 г., но и в период столыпинщины — меньшевистской.

Всякому марксистски-грамотному человеку известно, что «до февральско-мартовской революции 1917 г. государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым» (Ленин, т. XX, стр. 100). Утверждения авторов четырехтомника находятся в полном противоречии со взглядами Ленина.

Как ставят авторы вопрос о возникновении марксизма в России? Мы сталкиваемся в этом вопросе с попыткой авторов показать, что «главная заслуга в деле перенесения марксизма на русскую почву принадлежит Г. В. Плеханову» (стр. 92), что именно «Плеханов дает блестящее изложение марксистской исторической теории и образец приложения ее к российской действительности» (стр. 94), что именно Плеханов дал (в брошюре «Задачи социалистов в борьбе с голодом») не только «нео-

бычайную оценку момента», но и «программу практической работы подлинно революционной партии» (стр. 115), что уже группа «Освобождение труда» еще в 1883 году дала первый, правда очень туманный и слабый, намек на роль союза пролетариата и крестьянства в русской революции», а в программе 1887 года уже вполне определенно обрисовала взаимоотношение пролетариата и крестьянства в русской революции, что уже группа «Освобождение труда» выразила «достаточно точно» марксистский тезис о диктатуре пролетариата, что уже группой «Освобождение труда» был намечен лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Анализ авторов в этом вопросе сводится к тому, что большевизм ведет свою родословную от Плеханова, а не от Ленина, что Ленин был всего лишь его незаурядным учеником.

Авторы приписывают роль Ленина и дают неверное фальсифицированное изображение истории возникновения и развития ленинизма. Авторы забыли, что именно Ленин уже в своей работе «Что такое друзья народа» наметил тактические проблемы русской революции и организационные принципы революционной партии, не только правильно применив метод Маркса к русским условиям, раскрыв сущность русского исторического процесса, но и двинув дальше развитие марксизма, разрабатывая его потом во всех своих работах в новых исторических условиях новой эпохи всемирной истории.

Именно Ленин поставил перед собой задачу организации партии, выработку ее программы и обе эти задачи успешно разрешил.

О своем же отношении к группе «Освобождение труда», в частности к Г. Плеханову, Ленин говорит в письме к Х. следующее:

«Мы представляем из себя самостоятельную литературную группу. Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и группа «Освобождение труда», но отсюда никто не вправе заключать, что мы теряем хоть частичку нашей самостоятельности. Вот все, что мы можем сказать людям, желающим прежде всего узнать, как мы относимся к группе «Освобождение труда» (Лен. сб. I, стр. 62).

Преувеличив роль Плеханова, дав неправильную характеристику группы «Осво-

бождение труда» (сыгравшей несомненно большую роль в деле пропаганды марксизма в России, но не бывшей конечно родоначальником большевизма и имевшей целый ряд таких установок в важнейших вопросах революции, которые получили потом свое развитие в меньшевизме) авторы, естественно, не могли дать правильной исторической оценки роли большевизма и поэтому неверно оценили роль «Зари» и «Искры» и не показали, что искровское направление было ленинским направлением, что инициатором, организатором и душой «Искры» был Ленин.

Как известно, организационный план Ленина (см. «Что делать») имел своей целью организационное закрепление искровского влияния. Выступая против Маргова на II съезде, Ленин заявил:

«Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность «Искры», как частичной группы, а теперь речь идет уже о большем—об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. Я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем».

Вместо того, чтобы показать во всем объеме историческое значение рождения большевизма, показать ленинскую оценку меньшевизма как буржуазной агентуры в рабочем классе, авторы I тома говорят о борьбе большевиков с меньшевиками, как о борьбе между «двумя братьями». «История,—пишут авторы I тома,—впоследствии показала, что если это и была «братоубийственная борьба», то это была борьба между братьями, один из которых впоследствии оказался предателем пролетарской революции, а другой — в лице большевизма — уже тогда предвидел предательские черты своего «брата» и пытался приостановить их развитие, уменьшить их вред, если нельзя было совершенно их уничтожить» (стр. 383).

Меньшевики потому и повели борьбу против решений II съезда, что на нем оформилось искровское, ленинское направление в партии. Меньшевики в этой борьбе являлись проводниками буржуазного влияния на рабочий класс.

Прямой апологией троцкизма является изображение Троцкого на II съезде ВКП(б) как талантливого защитника ленинских позиций. Авторы заявляют, что по вопросу об уставе «блестящий ответ Либера получил от Троцкого» (стр. 337), что Троцкий

дал единственно правильный ответ Акимову по вопросу о том, что означает утверждение «Искры» партийным органом» (стр. 346), что еще до II съезда Троцкий «защищал в организационных вопросах точку зрения Ленина» (стр. 363) и т. д.

Откуда взяты все эти «факты», откуда взяты эти «глубокие» обобщения? Они списаны у Троцкого, в частности из его книги «О Ленине», которая в момент составления «Истории ВКП(б)» была нашей партией разоблачена как клеветнически-фальсификаторский документ.

Оценивая весь первый том в целом, мы вынуждены констатировать, что коренные вопросы истории народов СССР и истории нашей партии рассматриваемого периода даны в чуждом большевизму духе.

Давая троцкистско-меньшевистское освещение коренных вопросов истории народов СССР и истории партии (проблема двух путей, оценка народничества, роли Плеханова, умаление роли Ленина, апологетика Троцкого и др.), школка расчищает путь для протаскивания троцкистской контрбанды во II и в следующих томах.

II том охватывает важнейший этап в истории революции и в истории нашей партии — 1905—07 гг. Революция 1905 г. оценивалась Лениным как генеральная репетиция великой Октябрьской революции. Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, проблема подготовки условий к завоеванию диктатуры пролетариата являются центральной осью в работах Ленина и Сталина, посвященных оценке 1905—07 гг.

Эти коренные вопросы большевизма даются во II томе в троцкистском освещении.

Авторы начинают II том главой, посвященной анализу экономических предпосылок первой русской революции. Но этот «анализ» они проводят таким образом, что он их приводит к отрицанию «материальных предпосылок» для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Перерастание, по мнению авторов, возможно лишь при трех условиях (стр. 205), из которых решающим оказывается социалистическая революция на Западе. Авторы пишут: «Ленин в 1905—1907 гг. прямо ставил вопрос о том, что в тот период (1905—1907 гг.) без Запада русский пролетари-

ат не сможет непосредственно совершить социалистическую революцию. Да это и совершенно понятно, поскольку материальных предпосылок для такого переворота в России еще тогда не было» (т. II, стр. 205).

Это положение авторами целиком заимствовано из арсенала контрреволюционного троцкизма; именно это положение было одним из краеугольных камней «знаменитой» теории перманентной революции Троцкого.

Ленин проблемы буржуазно-демократической революции всегда рассматривал в неразрывной связи с проблемами революции социалистической.

«Полная победа теперешней революции,—писал Ленин,—будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства—полный разгром реакции, завоевание демократической республики—будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернется эта новая борьба. Лозунг «демократической диктатуры» и выражает исторически ограниченный характер теперешней революции и необходимость новой борьбы на почве новых порядков за полное освобождение рабочего класса от всякого гнета и всякой эксплуатации. Другими словами: когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется еще на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, тогда мы «подменим» (может быть при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота» (Ленин, т. VIII, стр. 118 — 119).

Этим ленинским установкам о немедленном переходе от первого этапа революции ко второму ее этапу школка троцкистских контрабандистов противопоставляет троцкистскую теорию о невозможности победы социалистической революции в нашей стране без революции на Западе.

Авторы, исходя из антиленинских позиций, стали на защиту меньшевистской те-

рии «перманентной» революции Троцкого, выдвигая в качестве решающего условия перерастания социалистическую революцию на Западе.

Тов. Сталин в борьбе с троцкизмом и правым оппортунизмом разоблачил меньшевистскую сущность троцкистской перманентной революции и показал, что «идея непрерывной революции Маркса» является «одним из краеугольных камней теории революции» Ленина (Сталин, «Вопросы ленинизма»).

Принимая позу защитников ленинизма против троцкизма, авторы на самом деле сводят всю суть революции к характеристике ее как крестьянской, выдав это положение за ленинскую оценку революции 1905 г., подготавливая этим самым почву для защиты троцкистской идеи о двух стратегических планах, развиваемой авторами в IV томе.

В непосредственной связи с отрицанием ленинской теории перерастания находится непонимание ленинской постановки проблемы «двух путей». По мысли авторов, между буржуазно-демократической и социалистической революциями лежит длительный период торжества капитализма. Победу буржуазно-демократической революции авторы увязывают не с ленинской теорией перерастания ее в социалистическую, а с перспективой длительного развития капитализма в России по американскому пути, т. е. скатываются к каменевщине 1917 г. и к троцкистскому извращению истории большевизма.

Рассмотрение проблемы «двух путей» вне проблемы перерастания приводит к изображению большевиков как буржуазных демократов, борющихся за расчистку пути для капиталистического развития. Это и есть троцкистская клевета на Ленина, которой тов. Сталин и партия дали большевистский отпор. Авторы этой клеветы считают, — как вскрыл тов. Сталин — будто бы

«Ленин понимал размах русской революции, как левый буржуазный революционер или как реформист типа социал-демократов, по мнению которых революция буржуазная не должна перерасти в революцию социалистическую, по мнению которых между революцией буржуазной и революцией социалистической должен существовать длительный исторический интервал, длительный перерыв... в продолжение которого капита-

низм будет процветать, а пролетариат будет прозябать» (И. Сталин, «Об оппозиции», стр. 390).

Грубое искажение авторами четырехтомника ленинской теории мы видим также и в оценке международного значения революции 1905 г. Вместо того, чтобы показать великую роль большевизма на международной арене, авторы занимаются изложением позиций лидеров II интернационала в вопросах оценки русской революции и их отношения к борьбе в РСДРП и рассматривают меньшевиков как чуть ли не передовых борцов с международным оппортунизмом. Этой якобы существовавшей борьбой меньшевиков против оппортунизма на международной арене авторы объясняют невозможность постановки вопроса о полном разрыве с ними. Авторы спрашивают: «Позволяла ли обстановка уже прямо ставить вопрос о полном разрыве — безусловном, безоговорочном, раз навсегда?» И отвечают: «Нет, не позволяла... были глубоко принципиальные причины, объясняющие такое «сожительство» на основе борьбы, уроки которой имели и имеют огромное международное значение. Одна из причин заключалась в роли и значении меньшевистских руководящих кадров в борьбе с ревизионизмом и бернштейнианством во II интернационале в этот период» (стр. 67).

Это утверждение, что русские меньшевики были истинными борцами против оппортунистов на международной арене и поэтому Ленин будто бы не рвал с меньшевизмом, может сравниться с фальсификаторскими положениями троцкистского контрабандиста Слуцкого.

Вместо того, чтобы со всей отчетливостью показать борьбу Ленина (большевиков) с оппортунизмом всех мастей и центризмом в том числе, авторы превращают Каутского в «почти большевика». Они утверждают, что «Каутский безусловно не был меньшевиком, вопреки мнению некоторых товарищей, но не поднялся и до большевизма» (т. II, стр. 749), и что «Каутский сумел (по тактическим вопросам) довольно близко подойти к позиции русских большевиков» (т. II, стр. 761).

Вместо того, чтобы показать, что отличало Каутского от большевиков и Ленина в 1905 г., авторы III и XII глав ищут общность взглядов Каутского и большевиков. Известно, что под влиянием ре-

волюционных событий 1905 г. под напором рабочего класса Запада, Каутский на словах «левел», но в корне ошибочно утверждение, что центрист Каутский «особенно ярко отражал на себе влияние революционного под'ема масс в 1905—07 гг.» (стр. 749). Авторам должно бы быть известно, что Каутский не только не приближался к позиции большевизма, но выступал против перенесения на Запад опыта русской революции как «продукта отсталости движения». Каутский никогда не солидаризировался с ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и поддерживал меньшевиков и в организационных вопросах.

Как же можно говорить, не искажая истории, что Каутский приближался в 1905 г. к взглядам революционного марксизма, к взглядам большевиков?

«Марксистская заря», выходившая в 1901—2 гг. в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была полемизировать с Каутским, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на парижском международном социалистическом конгрессе 1900 г... В самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способа трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем историю новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму» (Ленин, т. XXI, стр. 443).

Рисуя позицию Каутского в революции 1905 г., авторы «позабыли», что «кауткианство — не случайность, а социальный продукт противоречий II интернационала, соединение верности марксизму на словах и подчинение оппортунизму на деле...» «Каутский, — говорит Ленин, — наибольший авторитет II интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или «брентанизм».

Характерно, что и при оценке позиций Розы Люксембург в 1905 г. авторы занимаются затушевыванием ее ошибок, подчеркивая, что Роза «не скатывается к меньшевизму в аграрном вопросе» (стр. 764). В другом месте они утверждают, что

Роза никогда не колебалась в вопросах тактических в сторону «центристов» (т. II, стр. 149).

Разве такая характеристика немецких левых и Люксембург не есть полутроцкистская контрабанда? Как раз в вопросах тактических Люксембург стояла очень далеко от большевизма. И в эпоху революции 1905 г. Люксембург, как известно, защищала организационные принципы меньшевиков, отстаивала меньшевистски-троцкистскую теорию перманентной революции — теорию, не имевшую ничего общего с учением Маркса, — защищала меньшевистские позиции в вопросах крестьянском, национальном, профсоюзном и др. Авторы почему-то «забывают» показать ленинскую критику Люксембург. В своем ответе на критику Розой брошюры «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленин вскрывает оппортунизм Люксембург этого периода, он показывает общность ошибок Люксембург с ошибками меньшевиков.

«Как раз такую же коренную ошибку, — писал Ильич, — совершает Р. Люксембург; она повторяет лишь голые фразы, не давая себе труда уяснить их конкретный смысл, она запугивает различными ужасами, не изучив действительной основы спора»... «Читатель, который даст себе труд изучить первоисточник нашей партийной борьбы, легко поймет, что выражение т. Р. Люксембург об ультра-централизме, о необходимости постепенной централизации и т. д.... является прямым опошлением марксизма, извращением настоящей диалектики марксизма» и т. д. (Лен. сб. XV, стр. 206).

В годы войны В. И. Ленин, критикуя Люксембург и немецких левых, подчеркивал, что они опутаны со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантизма, «дружелюбия» к оппортунистам (Ленин, т. XIII, стр. 435, 440). Нужно ли доказывать, что весь анализ позиций Люксембург, данный школой, находится в вопиющем противоречии с действительной историей? Тов. Сталин в своем письме в «Пролетарскую революцию» писал:

«Они (Парвус и Люксембург) сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и

противопоставили ее большевистской схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

Искажения ленинской оценки левых радикалов, центризма, извращения ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую нашли свое дальнейшее развитие и в III томе (2 вып.).

Совершенно не случайно, что вопрос о роли большевизма на международной арене ставится лишь в томе, посвященном мировой войне, ибо авторы «Истории ВКП(б)» считают, что большевизм выступил на международную арену только во время войны.

Эта установка авторов не имеет ничего общего с подлинной историей большевизма. Большевизм вел беспощадную борьбу с оппортунизмом не только в России, но и на международной арене с самого своего возникновения. Большевизм как течение политической мысли и как политическая партия существует с 1903 г. «Ленин еще задолго до войны, — писал тов. Сталин, — примерно с 1903 — 1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии, вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в Российской социал-демократической партии, и там, во II интернационале, в частности в Германской социал-демократии».

Совершенно очевидно, что ленинизм возник и оформился на прочной базе марксизма как учение международное. Всем известно, что «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции».

Между тем установки авторов четырехтомника в этом коренном вопросе истории большевизма расходятся со всем тем, чему учат Ленин и Сталин, установки авторов непосредственно смыкаются с троцкизмом.

Авторы «Истории ВКП(б)» не рассматривают весь процесс международного социалистического движения под углом зрения ленинских указаний о том, что а) коренные вопросы русской революции были и остаются коренными вопросами мировой революции, б) что борьба оппортунизма и революционного марксизма стала интернациональной (см. Ленин, т. IV, стр. 366, «Что делать») и в) что история II ин-

германистского движения была историей борьбы двух тенденций в социалистическом движении: революционной и оппортунистической.

Несомненно, что именно в свете этих коренных указаний должна быть разработана история большевизма и показана руководящая роль большевизма в революции, в борьбе против всех видов оппортунизма на международной арене на всем протяжении истории большевизма.

В четырехтомнике под ред. т. Ярославского мы этого не находим.

Утверждения авторов четырехтомника, что большевизм выступил на международную арену только в годы империалистической войны, и «забвение» ими международной роли большевизма на всем протяжении его истории являются не случайными. Эта постановка вопроса стоит в непосредственной связи с протаскиванием клеветнической троцкистской теории «переворота» большевизма в 1917 году.

В III томе авторы пишут:

«Война с необычайной в мирное время быстротой ускорила историческое развитие, приблизила и обозначила крах капиталистического общества. Пролетариат вплотную придвинулся к задаче непосредственной борьбы за социалистическую революцию. Перед революционной социал-демократией встал целый ряд совершенно новых и чрезвычайно серьезных проблем о путях и методах этой борьбы, о стратегии и тактике пролетариата в борьбе за социалистическую революцию.

Под гениальным руководством Ленина партия в годы войны наметила и разработала все эти основные вопросы и заложила фундамент III интернационала...» (т. III, стр. 103, подчеркнуто нами).

Это целиком совпадает с тем, что говорил Карл Радек в своем троцкистском предисловии к I тому «Германской революции». По Радеку, большевики до войны не могли разработать вопросов социалистической революции, т. к. имели «позади незаконченную демократическую революцию и перед собой новую демократическую революцию» («Германская революция», т. I, стр. X). Радек считает, что большевизм, по крайней мере до войны, «был теорией и организацией пролетариата, стремящегося к гегемонии в демократической революции» (К. Радек, «Герм. рев.», т. II, стр. X).

Совершенно очевидно, что эти высказывания по существу ничем не отличаются от утверждений авторов четырехтомника, что объективная связь революции против царизма с революцией против империализма была осознана партией только в годы войны, что нашло свое выражение в новой постановке Лениным вопроса о перерастании демократической революции в России в социалистическую в связи с данной войной. Она нашла свое выражение в подготовке смены стратегических планов.

Это положение имеет только один смысл: целиком оправдать «теорию» троцкистов о расщеплении ленинизма на две части: «на ленинизм довоенный, ленинизм «старый», «негодный», с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный, октябрьский, который рассчитывают они приспособить к требованиям троцкизма» (Сталин).

Совершенно очевидно, что все утверждения школки по этому вопросу являются отрицанием того, что ленинизм с самого момента его возникновения является теорией и тактикой пролетарской революции. Отрицание этого коренного положения наложило яркий отпечаток на всю трактовку авторами четырехтомника вопроса о роли большевизма на международной арене. Оно привело авторов четырехтомника к троцкистской теории «переворота» большевизма, которая получила у них свое законченное освещение в IV томе «Истории ВКП(б)».

Наряду с извращением международной роли большевизма, у авторов III тома имеется еще целый ряд оппортунистических ошибок и извращений основных вопросов истории партии.

Так, в главе «Большевизм на международной арене» авторы совершенно не показывают борьбы Ленина (большевиков) с шатаниями и колебаниями среди левых (в кавычках и без кавычек) групп и течений в разных странах и сводят все дело к борьбе Ленина с «левыми» из среды большевиков (Бухарин, Пятаков) и лишь косвенно упоминают о левых радикалах (Радек, Люксембург, Панекук), и то лишь в связи с вопросом о самоопределении наций и о государстве. Ошибки же Розы Люксембург в национальном вопросе не увязаны у авторов с ее полуменьшевистской теорией империализма.

Авторы утверждают, будто все левые радикалы были последовательными интер-

националистами (стр. 102). Естественно, что при такой оценке левых радикалов для авторов отпадает необходимость со всей полнотой осветить борьбу большевизма за III интернационал,—борьбу, которую вел большевизм не только с социал-шовинизмом и центризмом, но и с шатаниями и колебаниями среди левых радикалов в вопросе о разрыве с оппортунизмом, о создании III интернационала и т. д.

Здесь налицо подкрашивание люксембургизма в троцкистском духе, с которым мы уже сталкивались во II томе.

В анализе причин краха II интернационала авторы ограничиваются освещением позиций довоенного оппортунизма лишь по вопросу о войне. Между тем для ясного понимания краха II интернационала необходимо было развернуть всю картину оппортунизма во II интернационале, все формы и методы, при помощи которых вожди оппортунизма пытались проводить политику классового сотрудничества, приспособить все рабочее движение к интересам империалистической буржуазии.

Не останавливаясь на ряде других ошибок и неправильных формулировок, которые являются следствием в корне ложной общей концепции, необходимо отметить, что в работе проводится прямая апология троцкизма. В 4-й ч. III т. мы находим утверждение о том, что «в идеологии троцкизма есть своеобразие, которое, несмотря на его с.-д. сущность, сделало возможным его временное слияние с большевизмом».

Отсюда последовательным является и другой вывод авторов, которые вместо разоблачения буржуазной теории троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране ограничиваются утверждением, что Троцкий лишь «приходит к пессимистическим выводам о невозможности победы социализма в одной стране».

И все дальнейшее изложение позиций Троцкого, троцкизма вращается в плоскости беззубых рассуждений о «неудовлетворительности» тех или иных его взглядов.

«Теоретическая установка Троцкого,—пишут авторы,—из которой он исходит при решении проблем войны, его понимание и характеристика империализма безусловно неудовлетворительны» (т. III, стр. 94).

В специальном разделе, посвященном троцкизму, мы не находим ни одной из

уничтожающих характеристик троцкизма, данных Лениным и Сталиным.

Последний, IV том, охватывающий историю периода от февраля 1917 года до 1920 г., периода завоевания пролетариатом власти и укрепления диктатуры пролетариата, завершает систему антиленинских троцкистских установок, данных авторами на протяжении первых трех томов, установок, переплетающихся с правооппортунистическими ошибками.

Целиком прав т. Каганович, который в своей речи на 10-летнем юбилее ИКП по поводу четырехтомника сказал: «Надо знать хотя бы немножко историю, чтобы видеть связь между ошибками «Истории» под ред. т. Ярославского в оценке роли большевиков в 1905 г. и клеветнической троцкистской оценкой роли большевиков в феврале, марте 1917 г.».

Уже с первой главы «Характер и перспективы Февральской революции» авторы IV тома подготавливают читателя к восприятию троцкистской теории о «переворужении» большевизма. Февральская революция изображается ими как «стихийная». Партия отсутствует, работа, которую проделали большевики за весь предшествующий период до революции, исчезает. После всего этого становится понятным утверждение авторов во II главе, что апрельские тезисы Ленина произвели на партию впечатление неожиданно разорвавшейся бомбы¹.

«Революция была стихийной в смысле охвата масс, настолько глубоко, что затруднен был самый факт организованного руководства ею. В этом смысле революцией никто и не руководил».

Эта теория «стихийности» Февральской революции обосновывается авторами четырехтомника «анализом» состояния политических партий. Большевистской партии как самостоятельной организации в феврале 1917 г. оказывается не существовало; авторы рассматривают большевизм лишь в системе других «течений». И это положение авторами вполне «логично» увязано с характеристикой меньшевиков и других политических групп.

Если Ленин считал, что меньшевики являются не чем иным, как агентами буржуазии в рабочем классе на всем протяжении

¹ В печати уже указывалось, что эта мысль и формулировка целиком взяты из Троцкого (см. «Уроки Октября»).

нии их «деятельности» в рабочем движении, то авторы четырехтомника делают совершенно иной вывод:

«В линии поведения меньшевиков в революциях 1905 и 1917 годов можно отметить только одну разницу: в первой революции они были проводниками буржуазного влияния лишь объективно, во второй революции они выступили в роли левого крыла буржуазии вполне сознательно» (стр. 39, подчеркнуто нами).

Эта характеристика меньшевиков вытекает у авторов из «теории», развитой ими еще в I томе, где они говорят о борьбе между большевиками и меньшевиками как о «братоубийственной борьбе». По этой «теории» один из братьев оказался сознательным предателем лишь в 1917 г. Надо прямо сказать, что такого рода «характеристики», даваемые авторами меньшевикам, есть в сущности полное непонимание исторической роли меньшевиков, есть отказ от того, чтобы дать подлинно ленинскую характеристику классовой сущности меньшевизма.

Не менее «оригинальна» постановка вопроса у авторов четырехтомника о Троцком и троцкизме. Они пытаются, максимально смягчая критику Троцкого, возвести троцкизм в марксистскую ортодоксию, превращая Троцкого в подлинного революционера. Они не разоблачают троцкизм как меньшевистскую разновидность; наоборот, они обвиняют Троцкого лишь в непонимании отдельных теоретических высказываний Ленина. Авторы пишут о «порочных местах» теории Троцкого, заставляя читателя предполагать, что в его теории были черты и не порочные, большевистские. Авторы пишут о том, что и у Ленина и у Троцкого было «формальное совпадение задач пролетарской партии, сформулированное одинаково и у Троцкого и у Ленина,— переход власти в руки пролетариата...» (стр. 70). Тут целая куча вреднейших политических ошибок; у школки получается, что и Ленин и Троцкий одинаково боролись за захват власти пролетариатом; у школки получается, что план Ленина и «план» Троцкого совпадали; по мнению школки троцкистских контрабандистов далее выходит, что по вопросу о захвате власти пролетариатом взгляды Ленина и Троцкого совпадали, были поставлены одинаково. Это есть полное искажение исторической действитель-

ности. Все это необходимо авторам для того, чтобы показать, что политическая сущность троцкизма не враждебна большевизму, что троцкизм стоял на одинаковых позициях с большевизмом.

Во II главе авторы по ряду коренных вопросов откровенно стоят на позициях троцкизма. В этой главе школка пытается показать, что большевистская партия по основному вопросу революции — по вопросу о власти — занимала ошибочную позицию. Это положение «подкрепляется» такими антипартийными источниками, как «воспоминания» А. Шляпникова, которые являются троцкистско-меньшевистским оружием борьбы против нашей партии. Шляпников, его книги служат авторам основным материалом, основным источником, из которого они черпают характеристики партии. Какова была позиция партии, партийных организаций по вопросу об отношении к совету, к Временному правительству, к меньшевикам? Школка троцкистских контрабандистов заглядывает в книгу Шляпникова и пишет: «Давая правильную оценку классовой сущности Временного правительства и советского контроля над ним, резолюция эта¹ все же не ставила вопроса о власти Советов, тем более о борьбе за государство Советов, и ограничивалась идеей воздействия на Временное правительство; таким образом в этом пункте позиция Бюро ЦК была близка к идее давления на Временное правительство, которой ошибочно держалась подавляющая часть партийных организаций в первый период революции» (стр. 76, подчеркнуто нами.—*Бригада*).

В дальнейшем изложении авторы продолжают именно такого рода «освещение» позиции большевиков. Большевики, по мнению авторов, были пропикнуты примиренчеством, объединительными тенденциями и к тому же страдали известной «неформальностью теоретических взглядов» и «полуменьшевистскими воззрениями» «на характер революции и тактику партии» (стр. 79).

Вполне понятно, что такого рода партия должна была все более и более скатываться на позиции меньшевизма.

Возвращение из ссылки старых большевиков, по мнению авторов четырехтомника, не меняет положения. Наоборот, позиция большевиков под их влиянием пра-

¹ Речь идет о резолюции Бюро ЦК. — *Бригада*.

вест и принимает полуменьшевицкий характер.

Так изображают историю нашей партии в период до приезда Ленина «историки» из шkolки троцкистских контрабандистов.

После того, как авторы нарисовали эту троцкистскую карикатуру на большевизм, читатель должен усвоить списанное Кином из работ Троцкого утверждение, что «Ленинские тезисы произвели среди собрания впечатление разорвавшейся бомбы» (стр. 87) ¹.

Приезд т. Ленина имел исключительное значение; Ленин помог партии разобраться в сложнейшей обстановке; однако представить дело так, что ленинская позиция была для большевиков подобна «разорвавшейся бомбе», т. е. что она была полной неожиданностью, противоречит взглядам на ход развития революции и позиции большевиков,—это значит по-троцкистски представлять позицию большевиков до революции 1917 г. и во время этой революции; это значит стать на троцкистскую позицию двух стратегических планов и «переворужения» большевиков; это значит давать троцкистско-клеветническое изображение истории партии.

И авторы не скрывают этого. На стр. 93 они пишут:

«В первые дни после приезда Ленина партийные организации не сумели разобраться в ленинской позиции. Когда на заседании ЦК 21 (8) апреля были поставлены на голосование тезисы Ленина, за них голосовало только двое при 13 против и 1 воздержавшемся. Под влиянием быстрого революционизирования пролетарских масс колебания в отношении к ленинской позиции были вскоре отброшены, хотя и не были совершенно ликвидированы, ибо на каждом решительном тактическом повороте и шаге партии эти разногласия снова обнаруживались»...

¹ Следует отметить, что вся фальсификация истории, проводимая Кином и другими авторами в отношении партии в этот период, все клеветнические их утверждения об объединенчестве с меньшевиками являются продолжением той клеветы, которую до этого распространяли троцкисты по адресу большевиков, клеветы, нашедшей яркое выражение в статье Кина «Борьба с объединительным угаром» (см. «Пролетарская революция», 1927 г., кн. 6). Нельзя не пожалеть, что эта клеветническая статья до сих пор не разобрана специально как яркий пример фальсификации истории большевизма.

«Не лучше дело обстояло и в московской организации. Здесь и общегородская конференция приняла резолюцию, свидетельствовавшую, что москвичи не шли дальше позиций 1905 г.» (стр. 93, подчеркнуто нами).

Как понять положение, что москвичи не шли дальше позиций 1905 г.? Очевидно авторы хотят сказать то, что они говорили в первых томах: что позиция большевиков в 1905 г. ограничивалась завершением буржуазно-демократической революции и меньшевицком понимании этого завершения, т. е. что они не ставили задачи,—как только будет осуществлена рев.-демокр. диктатура пролетариата и крестьянства,—борьбы за социализм, за диктатуру пролетариата. Еще в 1905 г. Ленин писал: «У революционно-демокр. диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно единство воли пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов. Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму» (т. VIII, стр. 84).

Авторы на протяжении всех четырех томов искажают ленинскую теорию перерастания. В IV томе большевики снова охарактеризованы как буржуазные радикалы, ставящие перед собой задачу доведения до конца буржуазно-демократической революции. Во II томе авторы четырехтомника отрицали ленинскую теорию о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую для того, чтобы «доказать», что в 1917 году Ленин пошел за Троцким.

Это является прямым поклепом на большевистскую партию и Ленина.

Авторы отождествили позицию партии с меньшевистской позицией Каменева и группы Севрука-Войтинского. Вот почему в главе об апрельской конференции мы не найдем ни слова о большевистской критике позиции Каменева, Рыкова и др.

Точно так же обстоит дело с критикой троцкизма. Авторы игнорируют работы Сталина, в которых разоблачена контрреволюционная сущность троцкистской тео-

рии перманентной революции и показана действительная роль Троцкого в Октябре; авторы четырехтомника расточают по адресу Троцкого «революционные эпитеты». «Троцкий — политический революционер» (стр. 63). «Троцкий — один из активных участников Октябрьской революции... он тоже стоит на той позиции, что изучать Октябрьскую революцию необходимо...» (стр. 241) и т. п.

Таким образом на страницах четырех томов «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского троцкизм как контрреволюционная теория не разоблачается, а наоборот, авторы пытаются всячески обелить роль Троцкого и окрасить троцкизм в революционную краску.

В главе «Октябрьская революция» авторы искажают сущность Октябрьской революции, ее социалистический характер. На протяжении всей главы Октябрь изображен как сочетание «двух революций» — крестьянской и пролетарской.

«В Октябре по движущим силам и по содержанию было две революции — пролетарская, социалистическая революция, во имя которой шли на штурм власти пролетариат и полупролетарий и пролетарий деревни, и буржуазно-демократическая, которую доделывали, совершая свою основную революцию, рабочие и пролетарии и полупролетарии деревни совместно со всем крестьянством» (стр. 238—239).

Эта теория «двух» революций ничего общего не имеет с ленинизмом.

Л. Крицман, у коего заимствовано положение о двуликости Октября, открыто сомневаясь в социалистическом характере Октябрьской революции, писал:

«Но дело не только в этом двойном характере русской революции, но и в особенности сочетания антикапиталистической революции, которая была бы (!) социалистической революцией, если бы не сочеталась с революцией антифеодальной, которая была бы чисто буржуазной революцией, если бы не сочеталась с революцией пролетарской» («Героический период великой русской революции» (опыт анализа т. н. «военного коммунизма»), 1925 г., стр. 29.

Всякому ясно, что эти установки не имеют ничего общего с большевизмом.

Что значит утверждение о несоциалистическом характере Октябрьской революции? Это значит совершенно исказить, оклеветать историю Октября, это значит отнять уверенность у миллионов пролетариев Советского союза в том, что они проводят социалистическое строительство, обезоружить их и прямо привести к капитуляции перед врагом.

Это значит обезоружить не только пролетариат Советского союза перед контрреволюционной буржуазией, но и обезоружить пролетариат капиталистических стран, который борется с капитализмом под лозунгом защиты СССР — социалистического отечества пролетариев всего мира; это значит сказать, что у пролетариев нет социалистического отечества, им нечего защищать от капиталистической интервенции; сказать это — значит ослабить фронт, руководимый Коминтерном и компартиями отдельных стран, и усилить фронт империализма против СССР; говорить так — значит наконец подрывать СССР как базу мировой пролетарской революции.

По Ленину Октябрьская социалистическая революция лишь «попутно», «мимоходом» завершает недоделанные буржуазно-демократические задачи революции. По пути к социалистической революции, на ходу была завершена пролетариатом общекрестьянская борьба против помещиков; следовательно Октябрьская революция с самого начала была социалистической революцией, а завершение буржуазно-демократической революции было побочным продуктом социалистической революции 1917 г.

В оценке дальнейшего хода развития революционных событий и революционных мероприятий авторы стоят на правооппортунистических и меньшевистских позициях. Всем известно, что декрет о земле, провозглашенный на II съезде советов, означал фактически национализацию земли, не что иное, как отмену частной собственности на землю, запрещение купли-продажи земли и т. д. «Право частной собственности отменяется навсегда: земля не может быть ни продаваема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждения». Он проводился с целью борьбы с кулачеством, а не в союзе с ним. Автор же III главы, анализируя

декрет о земле, заявляет: Таким образом декрет о земле довел до конца буржуазно-демократическую революцию» (стр. 231, подчеркнуто нами.—*Бригада*). Авторы ни словом не обмолвились о том, что декрет этот был направлен не только против помещиков, но и против деревенской буржуазии. Вместо этого они изображают декрет о земле как мероприятие, которое направлено только против помещиков. Таким образом получается, что Октябрьская революция имела целью только завершение буржуазно-демократической революции. Такой вывод станет совершенно очевидным, если обратить внимание на то, как авторы изображают социальную природу советской власти. «II съезд советов провозгласил диктатуру пролетариата, переход власти в руки советов, выявил в основных чертах программу, во имя которой пролетариат в союзе с крестьянством под руководством партии начал революцию» (стр. 231, подчеркнуто нами.—*Бригада*). Совершенно очевидно, что эта формулировка ставит под сомнение социальную природу диктатуры пролетариата. По Ленину эта классовая природа определяется властью одного класса—пролетариата. Согласно же установкам авторов советская власть — не диктатура пролетариата, а диктатура пролетариата и крестьянства.

Как же осуществлялась социалистическая революция в Октябре в действительности и какие стратегические лозунги были выдвинуты нашей партией на протяжении всей революции 1917 г. (лозунги, о которых, кстати сказать, не говорят авторы)? Всей партии известно, что «в период второго этапа революции мы шли вместе с беднейшим крестьянством против власти капитала, за пролетарскую революцию». Всем известно, что «до февраля 1917 г. мы вели работу при лозунге революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а после февраля 1917 г. этот лозунг заменили лозунгом социалистической диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства» (Сталин).

Считать лозунг «Союз со всем крестьянством» основным для всего хода нашей революции—значит пересматривать ленинскую точку зрения на диктатуру пролетариата. После февраля Ленин и партия выдвинули новый лозунг, соответствующий новой обстановке: «Союз пролетариата с

деревенской беднотой против всех буржуа при нейтрализации среднего крестьянства» (Сталин).

В. И. Ленин писал: «сначала вместе со всем крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической), затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев-кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической» (Ленин, т. XI, стр. 508, подчеркнуто Лениным).

Об этих стратегических лозунгах партии авторы совершенно умалчивают. Тем самым они смазывают социалистический характер Октябрьской революции, они затушевывают особое сочетание классовых сил в период социалистической революции. Кулак превращается на страницах четырехтомника в союзника Октябрьской революции.

В этом важнейшем вопросе—вопросе о характере и движущих силах Октябрьской революции—авторы четырехтомника ревизуют ленинизм, проводя троцкистские взгляды.

Основное внимание в главе, посвященной гражданской войне, уделяется авторами изложению истории различных контрреволюционных образований, разбору их политики. Материалы, рисующие положение Советской страны в годы гражданской войны, почти совершенно отсутствуют.

Гражданская война получает при том одностороннее, принципиально неверное, антиленинское освещение. Собственно гражданская война, которую вела страна диктатуры пролетариата, под руководством большевистской партии — против российской и международной контрреволюции, выпадает; авторы дают лишь своеобразную историю контрреволюционных образований, выросших в гражданской войне против советской власти; в освещении истории гражданской войны нет основного — нет советской власти, нет организующей роли нашей партии. Не показана, как партия и советская власть организовали победу над контрреволюцией, не показана в достаточной мере стратегия и тактика пролетарской диктатуры в борьбе против интервентов и белогвардейщины.

не показано, как организовывалась и росла Красная армия.

В трактовке вопроса о движущих силах контрреволюции авторы допускают ряд грубых политических ошибок. Наиболее серьезной из них мы считаем то, что во всей главе нигде не подчеркнута с необходимой резкостью контрреволюционная роль кулачества, игравшего видную роль во всех контрреволюционных движениях, направленных против диктатуры пролетариата. Авторы совершенно игнорируют ленинское указание на то, что кулачество выступало в гражданской войне как злейший и непримиримый враг советской власти. «Кулаки — бешеный враг советской власти» — писал Ленин. «...Кулака можно и легко помирить с помещиком, царем и попом, даже если они и поссорились, но с рабочим классом никогда» (Ленин, т. XXIII, стр. 206). И в другом месте: «кулацкие элементы и составили из себя главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России» (т. XXIII, стр. 158 — 159).

Вопреки этим четким и ясным ленинским указаниям на роль кулачества авторы в ряде мест прямо извращают эту ленинскую постановку вопроса. Кулак, которого авторы иногда даже избегают называть его настоящим именем, показывается как идущий со всем крестьянством против диктатуры буржуазии. См. например рассуждения авторов о представителях «аграрного капитала или американского типа» (?) на стр. 371, явно смазывающие контрреволюционную роль кулачества. Здесь мы имеем прямое искажение указаний Ленина. Это особенно важно отметить еще и потому, что в последующих двух главах хотя и говорится о контрреволюционной роли кулачества, но говорится далеко не достаточно, говорится между прочим, мимоходом.

Серьезнейшей принципиальной ошибкой является то, что в главе о гражданской войне почти совершенно обойдена роль в гражданской войне угнетенных народов бывшей Российской империи. «Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи» (Сталин). Это важнейшее положение явно недооценивается авторами. Иначе как объяснить отсутствие во всей главе (как впрочем и во

всем четырехтомнике) показа этой роли угнетенных народов?

Не менее важной принципиальной ошибкой является то, что в главе о гражданской войне и в последующих главах совершенно не освещена роль международного пролетариата в гражданской войне. Важнейший фактор, обеспечивший нашу победу в гражданской войне, подчеркивающий со всей силой международный характер Октябрьской революции, совершенно обойден. Авторы упускают из виду неоднократно отмеченное Лениным положение, что: «Если всемирной буржуазии не удалось в течение трех лет при ее громадном военном перевесе сломить слабую и отсталую страну, то только потому, что эта страна перешла к диктатуре пролетариата, только потому, что этой стране было обеспечено сочувствие трудящихся масс во всем мире, можно сказать во всякой стране без исключения» (Ленин, т. XXVI, стр. 151). Эту поддержку со стороны трудящихся масс всего мира Ленин называет «последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплён, а в пределах нашей республики и осуществлён, что он оказал действие на все страны» (Ленин, т. XXVII, стр. 115).

В главе «Гражданская война» нет даже намёка на такую постановку вопроса. Зато ошибки, которые отмечены уже в других главах, повторяются и здесь. На стр. 340 авторы, извращая смысл приводимой ими цитаты из решений XI съезда партии, рассматривают борьбу за советы и борьбу против национального гнета как «две задачи», тогда как резолюция говорит о «двух сторонах одного и того же процесса» и т. д.

Авторы не использовали богатейшего ленинского наследия по вопросам гражданской войны. Ряд основных, важнейших указаний Ленина не нашел совершенно своего отражения в этой главе. Совершенно игнорируются также соответствующие работы т. Сталина, имеющие важнейшее принципиальное значение. Во всей главе не освещена роль партии, роль ее вождей — Ленина и Сталина. Обходя вопрос о борьбе партии против троцкизма в гражданской войне, школка этим самым пытается прикрыть троцкистскую легенду о мнимой роли Троцкого в гражданской войне, — легенду, изображающую Троцкого в роли вождя и организатора побед нашей

Красной армии, притом даже «единственного» и «главного». Авторы не показывают того, что наша победа в гражданской войне достигнута не под руководством Троцкого, а вопреки и против его планов, под руководством ленинского ЦК партии при непосредственном участии гг. Ленина, Сталина, Фрунзе и Ворошилова.

Мы не можем здесь останавливаться подробно на целом ряде других политических ошибок и извращений, которые допускают авторы четырехтомника в своей «Истории ВКП(б)», к тому же многое уже достаточно освещено в печати. Приходится констатировать, что все освещение истории партии, ее состояния в отдельные моменты, история ее развития, ее борьбы даются в совершенно искаженном виде. Партия большевиков на всем протяжении своей истории выступает не как организатор; она, партия, всего лишь регистратор событий, делающий эту регистрацию с более или менее значительным опозданием. Так, они пишут например: «Бурный и беспорядочный поток революционной лавы отливался в те новые формы, которые ощупью и наугад находила партия» (стр. 404, подчеркнуто нами; речь идет о периоде перед VIII съездом.— *Бригада*). Партия шла «ощупью и наугад»—и это называется освещать организующую роль партии!

Формулировки подобного рода у авторов не случайны. Что такое партия в представлении шkolки троцкистских контрабандистов? Мы находим на этот вопрос совершенно точный ответ: «Партия — своеобразный сейсмограф социально-экономических колебаний...» (стр. 433).

Такова партия и ее роль в исторической борьбе за диктатуру пролетариата в представлении авторов четырехтомника. Понятно, что и все другие вопросы, связанные с борьбой партии, освещаются авторами в соответствии с этим представлением совершенно не в ленинском духе. Каковы социальные корни оппортунизма? Каковы классовые причины проникновения оппортунистической идеологии в партию? Эти корни и причины, оказывается, отнюдь не в классовом влиянии буржуазии; дело заключается в том, что просто некоторые люди иногда немного кое-чего недопонимают. Именно так и изображают дело авторы четырехтомника. Рассказывая на 405-й странице о «шатаниях и колебаниях

отдельных слоев партии», авторы пишут: «необходимость жесткой централизации и дисциплины, необходимость союза с крестьянством, использования специалистов для организации победы на фронтах, для самого существования советской власти,— все это до такой степени стало очевидным, что не оставляло никакой почвы для левого коммунизма». Итак, почва для «левого» коммунизма заключалась в непонимании и необходимости союза с крестьянством и использования специалистов. Для партии и до этого момента была ясна необходимость союза с крестьянством, а для «левых коммунистов» она была не ясна; авторы даже не задумываются над вопросом о том, почему, по какой причине для «левых коммунистов» раньше это не было «очевидным».

Освещая борьбу партии с «левыми коммунистами», авторы делают упор не на то, что во время VIII съезда партии пришлось завершать борьбу с этим мелкобуржуазным течением, с этой формой проникновения мелкобуржуазной идеологии в ряды партии; вместо того, чтобы показывать, как росла партия в борьбе с оппортунизмом, авторы восхваляют «левых коммунистов» за то, что они «на VIII съезде держались в строгих рамках партийной дисциплины» (стр. 404). Снисходительно оговаривающее отношение к «левым коммунистам» продолжается у авторов весьма либеральным отношением к антиленинским лозунгам, выдвигавшимся Бухариным и Пятаковым в борьбе с Лениным по вопросам партийной программы. Что означает например такая формулировка: «защита необходимости полной централизации революционного движения, Пятаков высказался даже (!) против лозунга «право трудящихся на самоопределение» (стр. 407). По мнению авторов очевидно борьба Бухарина против Ленина с его (Бухарина) отрицанием необходимости включения в программу партии положения о праве наций на самоопределение вплоть до отделения не представляла собою политически вредного антибольшевистского дела. Авторы выражают сожаление по поводу того, что Пятаков высказался «даже» против этого лозунга: очевидно лозунг «право трудящихся на самоопределение» авторы четырехтомника могли бы принять; этот лозунг для них очевидно стоит близко к коммунизму. Так «защищают» авторы четырехтомника теоретические основы большевизма.

Партия большевиков, по мнению школы троцкистских контрабандистов, не была организатором классовой борьбы пролетариата: идя «общую и наугад», она не имела определенных представлений о ближайших путях развития, не обладала ясным пониманием объективных условий той эпохи, в которую она действовала. Партия не имела определенной идеологии. Именно так освещают авторы четырехтомника историю большевизма. На стр. 424 мы узнаем: «что тезисы Мещерякова и Сольца (о кооперации.—*Бригада*) прошли незамеченными для партс'езда «было понятно». «Специфические черты идеологии военного коммунизма,—пишут авторы дальше,—как раз предполагали непосредственный переход к коммунизму». Что это за «идеология военного коммунизма»? Что это за представление о партийном с'езде и о взглядах партии на роль кооперации в социалистическом строительстве?

Все освещение и VIII и IX с'ездов партии продолжается авторами в том же духе, в каком это делали они в отношении предыдущих с'ездов; полное непонимание процессов развития партии, искажение роли партии, ее внутренней жизни сквозит на каждом шагу.

Можно было бы привести очень много примеров поразительного искажения взглядов партии на вопросы социалистического строительства, на роль профсоюзов, роль кооперации и т. д. Так например, авторы совершенно недвусмысленно выражают свое весьма отличное от ленинизма представление о роли профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата. Так, совершенно не поняв ленинской критики «платформы» Троцкого по вопросу о профсоюзах (дискуссия перед X с'ездом партии), совершенно не поняв учения Ленина о профсоюзах как школе коммунизма, как приводном ремне, связывающем партию, авангард, с широкими рабочими массами, авторы возмутительнейшим образом искажают ленинские слова о том, что профсоюзы под руководством партии должны вести борьбу с бюрократическими извращениями советского аппарата, борьбу за повышение материального и культурного уровня трудящихся и т. д. Вместо того, чтобы показать, как меняется положение профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата, в отличие от их положения при капитализме, вместо того, чтобы привести

ленинские слова о том, что союзы утратили такую основу, как классовую экономическую борьбу, но далеко не утратили и долгие годы еще, к сожалению, не смогут утратить такую основу, как классовую «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами недоступными для этого аппарата, и т. п. (Ленин, т. XXVI, стр. 140),—вместо всего этого авторы и р о т и в о п о с т а в л я ю т вообще классовую борьбу борьбе экономической. «Профессиональная организация,—пишут они,—в условиях диктатуры пролетариата, вопреки утверждению Троцкого, должна была вести не классовую, но экономическую борьбу» (Подчеркнуто нами, стр. 435). Борьба с бюрократизмом и бюрократами, по мнению авторов четырехтомника, не есть одна из форм проявления классовой борьбы! Профсоюзы, по мнению авторов четырехтомника вообще не должны вести классовую борьбу; они должны стоять в стороне от нее! Какая безнадежная, политически вредная теоретическая путаница!

Подведем итоги.

Школа троцкистских контрабандистов искажает процесс исторического развития народов СССР, давая лишь историю России, допуская грубейшие методологические и политические ошибки троцкистского порядка в отношении коренных вопросов истории народов СССР в конце XIX и в начале XX веков: авторы фактически приходят к отрицанию предпосылок возможности буржуазно-демократической революции в России. Освещая революцию 1905 года, авторы дают антиленинское представление о развитии революционного движения, трактуя 1905 год как такую революцию, которая не могла перерасти в социалистическую, как такую революцию, которая не имела международного значения. Авторы пытаются «на историческом материале» обосновать тот тезис, что, во-первых, между буржуазно-демократической революцией и революцией пролетарской лежит долгий путь развития, что между ними находится китайская стена, и что, во-вторых, Россия не имела предпосылок к развитию пролетарской революции.

В соответствии с этим авторы искажают историю Октябрьской революции.

представляя ее как сочетание двух революций и этим самым отрицая ее пролетарский социалистический характер. Вся история гражданской войны и создания предпосылок победоносного социалистического строительства дается не в ленинском духе. Авторы приходят к отрицанию того, что Октябрьская революция открыла новую эпоху мировой истории, к отрицанию того, что СССР, строящий социализм, является базой мировой пролетарской революции.

Все эти искажения исторического процесса авторы допускают потому (и это главное), что они фальсифицируют историю ВКП, историю мирового большевизма.

1. Авторы отрицают мировое значение и международный характер большевизма, сводя его к национальному явлению, изображая большевиков как буржуазных радикалов — сторонников буржуазной, демократической революции.

2. Авторы искажают процесс возникновения большевизма, явно преувеличивая роль группы «Освобождение труда» и снижая величайшую историческую роль Ленина, большевизма.

3. Авторы всем своим «освещением» истории партии скрывают борьбу партии с меньшевизмом, изображая русских меньшевиков как героев борьбы с оппортунизмом II интернационала, как родных «братьев» большевизма.

4. В соответствии с этим авторы, изображая дело так, что будто бы только в 1914 г. большевизм вышел на мировую арену, не хотят видеть главного в большевизме: его международного характера как единственного последовательно революционного марксистского течения, как партии нового типа, выросшей в эпоху империализма и представляющей собою теоретически, политически и организационно высшую форму организации пролетариата, обеспечива-

ющую победоносную пролетарскую революцию и строительство социалистического общества. Авторы не видят международной роли большевизма, его борьбы с мировым, в том числе и русским, оппортунизмом, заставляя читателя думать, что Ленин (большевики) не видел оппортунизма во II интернационале и что следовательно Ленин и большевики не были настоящими большевиками.

5. Авторы смазывают контрреволюционную меньшевистскую сущность троцкизма как русского центризма, как одного из наиболее тонких проводников буржуазного влияния на пролетариат, троцкизма, «превратившегося теперь в передовой отряд буржуазной контрреволюции» (резолюция XVII партконференции).

6. Авторы смазывают всю борьбу большевизма на два фронта, изображая большевизм полубуржуазным революционным течением в 1905 г., ограничивающимся задачами демократической революции, и вплотную подводят к троцкистской теории «переворужения» в период 1917 г.

Вся «история» большевизма в изображении авторов четырехтомника есть, таким образом, целая система извращений истории, система фальсификации исторического процесса, последовательно проводимая авторами на протяжении всех четырех томов,—последовательно в определенном, именно троцкистском духе,—искажающая сущность ленинизма, сущность истории большевизма.

Перед нами — шkolка троцкистских контрабандистов.

Бригада ИКП истории:

ГРЕБЕНКИН К.,
ДОБРОТВОР Н.,
КУЗОВЕНКО В.,
МИЛЛЕР Ф.,
МИЛЬШТЕЙН Е.,
ЧУГАЙЛО Н.

За большевистскую разработку вопросов истории нашей партии

О книгах троцкистского контрабандиста Волосевича

Поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски» (Сталин).

Изучение и пропаганда истории нашей партии всегда имели громадное политическое значение. «История нашей партии — это история непримиримой борьбы с уклонами от последовательных революционных, марксистско-ленинских позиций»¹. В отличие от всех старых партий II интернационала наша большевистская партия росла и крепла в непримиримой борьбе с оппортунизмом всех мастей и оттенков. «Преодоление внутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии»². И не только нашей партии, но и всех братских коммунистических партий, выросших на идейных и организованных принципах большевизма. «Этот закон является законом развития для всех сколько-нибудь больших партий, все равно, идет ли речь о пролетарской партии СССР или о партиях на Западе... Преодоление противоречий является неминуемым элементом роста и укрепления партии. Так шло дело в прошлом. Так идет дело в настоящем»³.

Теория и практика большевизма — это теория и практика международного рабочего движения. «Большевизм — явление интернациональное, имеющее корни в международном развитии» (Ленин). Большевизм создал идейные и тактические основы Коммунистического интернационала. Большевизм указал человечеству верный путь спасения от ужасов войны и империализма. Большевизм развил, конкретизировал и популяризовал на весь мир идею диктатуры пролетариата. Большевизм руководит творчеством десятков миллионов рабочих и трудящихся масс в деле всемирно-исторического значения — в деле практиче-

ского осуществления социализма на $\frac{1}{8}$ части мира. Отрицание международного характера и значения большевизма есть троцкистская клевета на партию Ленина, троцкистская попытка подменить ленинизм троцкизмом, ставшим ныне, в дни великой борьбы двух систем, передовым отрядом контрреволюционной буржуазии.

Россия послужила очагом большевизма, родиной теории и тактики пролетарской революции, потому что она была узловым пунктом всех противоречий империализма, потому что «Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна». И только она благодаря этому была в состоянии разрешить противоречия империализма революционным путем. Узловым пунктом противоречий империализма, наиболее слабым его звеном Россия должна была стать, во-первых, потому, что именно в России всего легче вскрывались противоречия империализма ввиду особо безобразного, в бесчеловечной и варварской форме выражавшегося всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного; во-вторых, потому, что Россия была его резервом, давая свободный доступ заграничному капиталу и поставляя в пользу западных империалистов миллионы солдат. Наконец фактом величайшего значения было то, что только в России имелась в лице самого передового пролетариата и самой революционной партии реальная сила, способная разрешить противоречия империализма революционным путем. «Из этого следует, что революция в России не могла не стать пролетарской. что она не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, что она не могла, таким образом, не потрясти самые основы мирового империализма»⁴. «Вот почему Россия стала

¹ Л. М. Каганович, За большевистское изучение истории партии. Партиздат, 1932 г., стр. 13.

² И. В. Сталин. Сборник «Об оппозиции». Гиз, 1929 г., стр. 442.

³ Там же, стр. 442.

⁴ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Дешевая книга Гиза, 1930 г., стр. 11.

очагом ленинизма... родиной теории и тактики пролетарской революции»¹.

В настоящее время, когда партия, под руководством ее ленинского ЦК и во главе с вождем партии и Коминтерна, вождем мирового пролетарского движения т. Сталиным, добилась колоссальных успехов на всех участках классовой борьбы и социалистического строительства; когда к этой классовой борьбе и строительству социалистического общества приобщены многомиллионные массы пролетариев и трудящихся; когда в стальную партию Ленина идут широким потоком лучшие, передовые борцы за дело коммунизма; когда пролетарии и трудящиеся всего мира, угнетенные народы колониальных и полуколониальных стран все сильнее сплывают свои боевые ряды под знаменем ленинизма, готовясь под руководством КИ—большевистского штаба мировой пролетарской революции — к решительной вооруженной схватке с международным капиталом и его передовым контрреволюционным отрядом—троцкизмом,—изучение и пропаганда истории большевизма приобретают особо важное политическое значение.

Воспитать новое большевистское поколение борцов за коммунизм в духе ленинизма, в духе большевистской партийности, в духе непримиримой ленинской борьбы со всякого рода оппортунизмом, научить каждого члена партии рассматривать свою повседневную практическую работу в свете общих задач партии и рабочего класса, поднять новые и новые слои пролетариев и трудящихся масс до полного осознания всего прошлого пути исторической борьбы пролетариата, до осознания перспектив дальнейшей борьбы за полное построение социалистического общества в СССР, за победу диктатуры пролетариата во всем мире — всего этого сделать нельзя без изучения славной истории большевизма, славных большевистских традиций. «Нет лучшего опыта, нет лучшего орудия воспитания нашей молодежи в духе марксизма-ленинизма, чем история нашей партии»².

История нашей партии является сугубо политической наукой и должна служить актуальным задачам современной борьбы рабочего класса. Тот громадный опыт ре-

волюционной борьбы, который наша партия как партия нового типа накопила на протяжении всего своего исторического развития, должен стать достоянием широчайших партийных и пролетарских масс всего мира. Путь, пройденный нашей партией и КИ — международной партией большевизма, — это путь борьбы и побед за чистоту марксистско-ленинского знамени, за большевистское единство рядов ВКП(б) и Коминтерна, за завоевание и укрепление диктатуры пролетариата и за построение полного социалистического общества в нашей стране, за завоевание диктатуры пролетариата во всем мире. Изучение этой героической борьбы нашей партией должно дать многомиллионным партийным, пролетарским и трудящимся массам богатейший материал для лучшего понимания современных задач.

Воспитать стойкого, непоколебимого, стального ленинца можно только путем изучения и усвоения истории большевизма, путем изучения и усвоения ленинизма.

Молодые большевистские кадры должны понять и усвоить, что «без революционной теории не может быть и революционного движения» (Ленин), что теория — это «опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде» (Сталин). Она есть величайшая сила рабочего движения, «если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда движутся классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем»³.

Изучение истории партии должно быть поставлено по-революционному, по-ленински, т. е. не путем более или менее добросовестного изложения хронологии, отдельных фактов и событий, а путем изучения закономерностей развития и заострения внимания на главных и решающих вопросах, путем живой конкретной связи истории прошлого с генеральной линией партии, с теми задачами, которые партия и пролетариат ставят перед собой. Суть партийной учебы, смысл марксистско-ленинского воспитания в том, го-

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма. Дешевая б-ка Гиза, 1930 г., стр. 9, 11.

² Л. М. Каганович, За большевистское изучение истории партии, стр. 15.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 20.

ворит. т. Каганович, чтобы «к истории вчерашнего дня подойти так, чтобы историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией партии, с теми грандиозными новыми задачами, которые стоят перед нами сегодня и которые будут еще стоять завтра»¹.

Задачи, стоящие перед нами назавтра, колоссальны. Завершив построение фундамента социалистической экономики, мы ставим задачу построения в СССР во второй пятилетке бесклассового социалистического общества. «Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»².

Разумеется, осуществление этой грандиозной задачи будет протекать в ожесточенной классовой борьбе. Во-первых, мы не можем ни на один момент забывать о том, что мы пока еще живем в капиталистическом окружении. Вопрос «кто кого», решенный внутри Советского союза в пользу социализма, с тем большей остротой переносится на международную арену. Во-вторых, потребуется еще немало усилий для того, чтобы целиком и полностью добить эксплуататорские, кулацко-буржуазные элементы, сломить до конца озлобленное классовое сопротивление врага. В-третьих, потребуется огромная масса энергии и для того, чтобы преодолеть буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки среди самих трудящихся. «Новые успехи социализма рабочий класс обеспечит лишь в борьбе с остатками капитализма, давая беспощадный отпор сопротивлению гибнущих капиталистических элементов, преодолевая буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки среди трудящихся и ведя настойчивую работу по социалистическому их перевоспитанию»³.

Только правые оппортунисты могут утверждать, что во второй пятилетке наступит плавный ход развития. Только «ле-

ваки» могут не видеть трудностей роста в новых условиях, надеясь на администрирование и самотек. Тезис, что после 1932 г. наступит плавный ход развития, есть по сути дела в завуалированной форме правая теория потухания классовой борьбы, теория мирного вращивания кулака в социализм. Вредность и антиленинская сущность этих теорий общеизвестны. Попытка правых прикрыться «безобидной» формулой «наступит плавный ход развития» не удастся. Смешно, нелепо и преступно думать, что гигантская работа, предстоящая во второй пятилетке, будет протекать мирно, как плавный процесс эволюции. Классы уничтожаются только путем ожесточенной борьбы. Никаких других путей для уничтожения классов не существует.

Поэтому всемерное укрепление диктатуры пролетариата, укрепление единства стальных рядов большевистской партии — авангарда пролетариата — будет являться и во втором пятилетии (и не только во втором, а и до полного наступления коммунистической фазы) основной задачей. Поэтому от каждого члена нашей партии потребуются на новом этапе нашего дальнейшего движения еще большая революционная бдительность и непримиримость в борьбе «против сил и традиций старого общества», в борьбе с агентами недобитого еще классового врага, в борьбе с контрреволюционным троцкизмом, троцкистской контрабандой, с «леваками» и с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе, с примиренчеством и гнилым либерализмом, который, как говорит т. Сталин, «есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу».

Вооружить к этой борьбе многомиллионные массы молодых членов партии, комсомола, молодых пролетариев, не прошедших суровой школы борьбы с царским самодержавием и с буржуазией, не прошедших школы внутрипартийной борьбы с буржуазной агентурой в рабочем классе, есть основная задача разработки и изучения истории большевизма. Научить молодые большевистские кадры понимать, в борьбе с какими врагами вырос, окреп и закалился большевизм, в каких условиях выковывалась ленинская генеральная линия партии, как строилась большевистская тактика на отдельных исторических этапах борьбы за проведение этой генеральной линии партии в жизнь, — это значит научить конкретно понимать колоссальные

¹ Л. М. Каганович. За большевистское изучение партии, стр. 12.

² Резолюция XVII партконференции по докладам тт. Мологова и Куйбышева. «Правда», от 5/II 1932 г.

³ Там же

успехи социализма, достигнутые нами в борьбе, это значит научить огромные массы людей владеть искусством большевистского боя, искусством большевистского руководства массами в этом бою, это значит научить молодых борцов за коммунизм понимать, что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» (Ленин). «Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умющей следить за настроением массы и влиять на нее, вести успешно такую борьбу невозможно»¹.

«Особенности нынешнего этапа борьбы за партию, за ленинизм заключаются в том, — говорит т. Катанович, — что троцкизм разбит, правый уклон разоблачен, а генеральная линия партии победила по всей линии. Наши победы — это турбина за турбиной, завод за заводом, рост продукции промышленности и сельского хозяйства, большевистские темпы социалистического развития»². Открыто под флагом троцкизма или правого оппортунизма выступать теперь трудно, массе не завоевать, капитала не наживешь; оппортунизм пытается поэтому выступать под другими знаменами и лозунгами. Троцкизм в частности, чтобы поставить под сомнение последовательность ленинской теории, чтобы спорочить большевистскую практику осуществления генеральной линии партии, — троцкизм в настоящий период пытается подойти к массам с фронта истории партии, истории рабочего движения, используя флаг люксембургизма, надевая на себя всяческие маски.

Троцкистские контрабандисты, говорит т. Сталин, стараются проводить свою контрабандную работу пока по двум линиям:

«Во-первых, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма, при этом предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим революционером, что он стал таковым лишь после войны, после того, как «перевозвооружился» при помощи Троцкого.

Во-вторых, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию

социалистическую. при этом предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим большевиком, что он понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того, как «перевозвооружился» при помощи Троцкого»³. Задачей историков-ленинцев является разоблачать троцкистскую клевету на Ленина, на нашу партию, систематически срывать маски с троцкистских контрабандистов, фальсифицирующих исторический процесс в угоду контрреволюционной буржуазии.

В настоящей статье мы ставим своей задачей показать контрабандистскую работу «историка» В. Волосевича. Волосевич, разоблаченный и заклеянный т. Сталиным в его письме в журнал «Пролетарская революция», представляет собой типичного троцкистского контрабандиста. В своих выпусках «Истории ВКП(б)» и других работах он весьма тонко протаскивает «троцкистский хлам», бессовестно фальсифицируя историю большевистской партии. В врата истории этот троцкистских дел мастер пробирается под флагом: «ничего лишнего, но и ничего голословного»⁴.

Прикрываясь такой «ученой объективностью» и пользуясь либеральным отношением к троцкизму со стороны некоторых наших большевистских историков, Волосевич исключает из курса истории партии целый ряд важнейших и актуальных моментов, и конечно первым долгом историю борьбы партии с троцкизмом, и, наводя учебник различного рода цитатами, протаскивает контрреволюционные идеи троцкизма по самым основным вопросам марксизма-ленинизма. «Учебник по истории партии, — говорит Волосевич, — обязательно требует введения большого количества цитат из разносторонних источников и направлений мысли». «Желательно и важно, — пишет далее этот троцкистский контрабандист, — чтобы учащийся ознакомился с подлинным выражением мысли того или иного документа, того или иного политического деятеля»⁵.

Таков «дальний прицел» формулы: «ничего лишнего, но и ничего голословно».

³ И. В. Сталин. О некоторых вопросах истории большевизма. Орган «Московский рабочий», 1931 г., стр. 15.

⁴ В. В. Волосевич. Курс истории ВКП(б). вып. I, предисловие, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 6.

¹ Ленин. Собр. соч., изд. 2-е, т. XXV, стр. 191.

² Л. М. Катанович. За большевистское изучение партии, стр. 26.

го. Смысл философии историка Воло-
севича ясен: протащить контрабандой в
нашу литературу замаскированный троц-
кистский хлам¹. попытаться «оказать
свое влияние на изучение истории нашей
партии... оказать свое влияние на воспита-
ние нашей партийной и комсомольской
молодежи»².

Протаскивание троцкистского хлама:
Волосевич начинает с обычного для троц-
кистских контрабандистов приема — с
утверждения, что Ленин (большевики) до
империалистической войны не вел борьбы
с оппортунизмом во II интернационале,
что на международную арену большевизм
вышел лишь в тоды империалистической
войны. Выходит таким образом, что Ле-
нин (большевики) не был до империали-
стической войны настоящим революцио-
нером, марксистом, не был настоящим боль-
шевиком, что партия большевиков не была
тогда единственной в мире последователь-
ной революционной партией пролетариата.
Рассечение ленинизма на две части:
на ленинизм доверенный и ленинизм после-
военный — уловка всех троцкистов в борь-
бе с нашей партией. Эта троцкистская «ме-
ханика» борьбы с нашей партией давно
разоблачена партией во главе с т. Стали-
ным. Путем рассечения ленинизма троцки-
сты пытаются обосновать свою теорию о
«первооружении» большевизма в 1917 г.

Остановимся кратко на вопросе о дея-
тельности большевиков на международной
арене в период до империалистической
войны.

Большевики с 1903 г., т. е. с начала сво-
его оформления «как течения политиче-
ской мысли и как политической партии»³,
вступают в ожесточенную непримиримую
борьбу с оппортунизмом в России и на
международной арене. «Всем известно, —
говорит т. Сталин, — что ленинизм родил-
ся, вырос и окреп в беснующейся борьбе с
оппортунизмом всех мастей, в том числе с
центризмом на Западе (Каутский), цент-
ризмом у нас (Троцкий)»⁴. Всем известно,
что ленинизм возник и оформился на прочной базе марксизма как
учение международное. Всем из-
вестно, что «ленинизм есть марксизм эпо-

хи империализма и пролетарской револю-
ции»⁵.

Ленин уже первыми своими работами —
«Что такое друзья народа», «Экономиче-
ское содержание народничества», «Разви-
тие капитализма в России» и др. — открыв-
вает новый, более высокий этап в разви-
тии марксизма. В 1899 г. из сибирской
ссылки Владимир Ильич писал: «Мы вовсе
не смотрим на теорию Маркса, как на не-
что законченное и неприкосновенное. Мы
убеждены, напротив, что она положила
только краеугольные камни той науки, ко-
торую социалисты должны двигать
дальше во всех направлениях, если они не
хотят отстать от жизни»⁶. Ленин (больше-
вики), не в пример Каутским и Троцким и
в борьбе с ними, действительно дви-
гал марксизм дальше, возводя на крае-
угольных камнях учения Маркса и Энгель-
са, этих великих теоретиков и вождей про-
летариата, грандиозное здание лени-
низма.

Борьба Ленина с народничеством, ле-
гальным марксизмом и экономизмом в Рос-
сии шла в неразрывной связи с борьбой с
оппортунизмом международным, с борьбой
за чистоту марксизма и за его дальней-
шее развитие. В одной из своих ста-
тей о периоде старой «Искры» Ленин пи-
шет:

«Происхождение коммунизма неразрыв-
но связано с борьбой так называемого эко-
номизма (оппортунизма, отрицающего по-
литическую борьбу рабочего класса и его
руководящую роль) против социал-демо-
кратии в 1897 — 1902 гг. Экономизм, под-
держиваемый Бундом, был побежден и вы-
брошен известной кампанией старой
«Искры» (Мюнхен, Лондон и Женева в
1900—1903 гг.), которая восстановила на
началах марксизма и революционных со-
циал-демократических принципах социал-
демократическую партию (основанную в
1898 г., но потом разрушенную арестами).
На II съезде РСДРП (август 1903 г.)
искровцы раскололись: большинство их
стояло за принципы и тактику старой
«Искры», меньшинство же повернуло к оп-
портунизму, встретив поддержку прежних
врагов, экономистов и бундовцев».

Как известно, эту поддержку в борьбе с
большевиками после II съезда меньшевики
нашли и во II интернационале, среди его
официальных вождей — Августа Бебеля.

¹ И. В. Сталин, О некоторых вопросах исто-
рии большевизма, стр. 15.

² Л. М. Каганович, За большевиетское
изучение партии, стр. 27.

³ В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XXV,
стр. 174.

⁴ И. В. Сталин, О некоторых вопросах исто-
рии большевизма, стр. 4.

⁵ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 6.

⁶ В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. I,
стр. 402.

Карла Каутского и многих других. В то же время против большевиков как «раскольников» и «дезорганизаторов» вожди II интернационала организуют систематическую травлю. Каутский, будучи редактором ЦО немецкой социал-демократии, бессовестно третирует Ленина (большевиков). Каутский не помещает статей Ленина, освещающих для международного рабочего движения истинные причины раскола в РСДРП, и с особенной заботливостью печатает грязные статьи меньшевиков и Троцкого, направленные против большевиков.

Перед созывом III съезда партии Бебель и другие вожаки II интернационала, видя провал меньшевиков в предсъездовской подготовительной кампании, прилагает все усилия к тому, чтобы помочь последним отстоять свою гегемонию в рабочем движении, свернув его на буржуазный путь реформизма. Бебель в письмах к Ленину настойчиво требует немедленного объединения с меньшевиками, грозя третейским судом. Как же ведут себя при этом большевики, Ленин? В ответных письмах к Бебелю и в письмах в Международное социалистическое бюро (МСБ) Ленин, характеризуя деятельность меньшевиков, резко осуждает позицию Каутского и др. по отношению к меньшевикам и указывает в связи с этим на незаконное вмешательство II интернационала в дела РСДРП. III большевистский съезд единогласно отклоняет предложение Бебеля об объединении и третейском суде.

В период революции 1905—1907 гг. в письмах в МСБ Ленин резко критикует бездействие II интернационала. В одном из таких писем Ленин, настаивая на том, чтобы II интернационал выступил по поводу русской революции с воззванием ко всем рабочим и трудящимся мира, подчеркивает, что в России идет революция, а не бунт. Такое разъяснение Ленина («в России идет революция, а не бунт») было не в бровь, а в глаз вождям II интернационала. Ибо они, в том числе и Каутский, который тогда довольно много говорил и писал о событиях в России, видели в русской революции 1905—1907 гг. если не бунт, то во всяком случае событие чисто русское, не являющееся по характеру и движущим силам, по средствам и методам борьбы событием международного значения.

В 1907 г. на Штутгартском конгрессе Ленин выступает с жесткой критикой оппортунистических позиций II интернацио-

нала по вопросам войны, по национально-колониальному вопросу и др. По вопросу о войне Ленин при поддержке левых радикалов добивается к резолюции поправки, в которой в ясной и четкой формулировке говорилось, что задачи социалистов в войне — использовать экономический и политический кризис для свержения господства капитала. Каутский, Бебель и др. узловым пунктом штутгартской резолюции о войне выставили апитацию и арбитраж. Бебель, выступая от немецкой делегации, уверял членов конгресса, что «немецкие социал-демократы сделают все возможное, но сейчас нет надобности обострять отношения между партией и властью». Солидаризируясь с открытыми оборонческими позициями Жореса и его сторонников, он заявил, что «положение коммунистического манифеста: «пролетариат не имеет своего отечества» — для данной эпохи неверно».

В октябре 1907 г., в статье, посвященной Штутгартскому конгрессу, Ленин разоблачает оппортунистическое поведение большинства членов колониальной комиссии конгресса при обсуждении и голосовании резолюции. Ленин разоблачает также оппортунизм большинства немецкой делегации и огромной части конгресса. Предложение колониальной комиссии после долгой и упорной борьбы получило на съезде 108 голосов, 10 воздержались; резолюция была отклонена всего лишь 128 голосами. Ленин, освещая этот вопрос, писал: «Голосование по колониальному вопросу имеет очень важное значение. Во-первых, особенно наглядно разоблачил здесь себя социалистический оппортунизм, пасующий перед буржуазным обольщением. Во-вторых, здесь сказалась одна отрицательная черта европейского рабочего движения, способная принести не мало вреда делу пролетариата и заслуживающая поэтому серьезного внимания»¹. Важность и серьезность этого дела Владимир Ильич вскрывает в следующей характеристике колониальной политики империализма.

«Широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетарий отчасти попадает в такое положение, что не его трудом содержится все общество, а трудом почти поработанных колониальных туземцев. Английская буржуазия например извлекает больше доходов с де-

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 2-е, т. XII, стр. 79.

сятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом»¹. Как видим, Ленин, разоблачая оппортунистическую сущность поведения половины членов Штутгартского конгресса, вскрывает со всей силой и глубиной материалистической диалектики социальные корни и социальную природу оппортунизма.

В 1908 г. в статье «Марксизм и ревизионизм», посвященной 25-летию со дня смерти Маркса, Ленин, характеризуя ревизионизм как систему либерально-буржуазных взглядов, писал:

«То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу. Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства»².

Следовательно Ленин (большевики) задолго до войны не только вел борьбу с оппортунизмом во II интернационале, но и ясно представлял себе необходимость очищения мирового рабочего движения от всякого рода оппортунизма и ясно представлял себе исторические судьбы, неизбежность краха II интернационала развращенного буржуазными идеями реформизма, перешедшего в 1914 г. открыто на сторону империализма.

Борьба с оппортунизмом в России была неотделима от

борьбы с оппортунизмом между народным. Иначе и не могло быть, ибо «коренные вопросы русской революции, вроде вопросов о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций, об освободительном движении угнетенных наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п.» — все эти вопросы были вместе с тем коренными вопросами мировой революции³.

Только троцкисты пытаются, фальсифицируя историю, отрицать это. Только гнилые либералы, оказывая своей политической слепотой услуги контрреволюционному троцкизму, не понимают этого. Ленин с самого начала своей революционной деятельности и в России и на международной арене ведет непримиримую принципиальную борьбу и с бернштейниадой, с открытой ревизией учения Маркса и Энгельса, и со всякими попытками завуалированного искажения марксизма. Ленин разоблачает оппортунизм и центризм как его прикрытую форму (Каутский на Западе, Троцкий в России), критикует левых радикалов за их меньшевистские ошибки в важнейших вопросах пролетарской революции. Ленин задолго до империалистической войны говорил про Каутского и др. вождей II интернационала, что они «контрабандою торгуют гнилым товаром оппортунизма».

В статье «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении», направленной против К. Легина, одного из видных социал-демократических оппортунистических вождей профессионального движения в Германии, Ленин писал: «Подумайте, над чем смеется этот тоже-социалист: над тем, что социалисту может шитти в голову мысль о необходимости говорить против капитализма. «Государственным мужам» немецкого оппортунизма подобная мысль чужда бесконечно: они говорят так, чтобы не задеть «капитализма». И, позоря себя этим лакейским отречением от социализма, они хвастаются своим позором». И дальше: «Легин — не первый встречный. Он — представитель армии, или

¹ В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XII, стр. 80.

² В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XII, стр. 189.

³ И. В. Сталин, О некоторых вопросах истории большевизма, стр. 10.

вернее офицерского корпуса армии, профессиональных союзов. Его речь вовсе не случайность, вовсе не обмолвка, вовсе не единичная выходка... Возьмите немецкий журнал «Социалистический (!?) ежемесячник», и вы увидите в нем постоянные выступления подобных «Легину» деятелей, насквозь оппортунистические, ни чего не имеющие общего с социализмом, выступления, касающиеся всех важнейших вопросов рабочего движения... И чем чаще в России либералами и ликвидаторами (Троцким конечно в том числе) делаются попытки переносить на нашу почву это милое качество, тем решительнее должен быть дан отпор этому»¹.

Создавая в России пролетарскую партию нового типа, партию без оппортунистов и против них, партию революции, Ленин (большевики) ведет все время линию на раскол во II интернационале, линию на организацию мировой воинствующей партии большевизма. На Штутгартском конгрессе, а затем на Копенгагенском Ленин делает попытку объединить и оформить на основе идейных и организационных принципов большевизма левые элементы II интернационала. Большевистская тактика раскола старых партий II интернационала и создания Коммунистического интернационала вытекала непосредственно из ленинской оценки эпохи империализма, из всего учения Ленина. Вопрос о создании подлинно марксистских партий, умеющих вести систематическую упорную революционную борьбу при любых конкретных условиях, Ленин считал самым важным вопросом.

Разумеется, создание таких партий нельзя было представить иначе как в непримиримой борьбе с оппортунизмом, иначе как путем откола и организационного оформления левых элементов II интернационала, подвергая одновременно жесточайшей критике их полуменьшевистские позиции, их непоследовательность в борьбе с оппортунизмом и особенно с центризмом Каутского плюс Троцкого и К^о. Ленин требовал от большевистской партии неутомимой работы по отвоеванию каждого честного социалиста, блуждающего еще в политическом бездорожье, и при этом ставил обязательным условием строить эту работу на принципе безусловного признания тем или иным левым, той

или иной группой левых идейных и организационных принципов большевизма.

Вся теоретическая и практическая революционная деятельность Ленина (большевиков) во II интернационале до империалистической войны 1914 г. с очевидной ясностью показывает, что большевики были единственной в мире революционной, последовательной партией пролетариата, что Владимир Ильич был задолго до великих октябрьских побед пролетариата, задолго до организации III интернационала вождем мирового пролетариата, душой его революционного движения.

Но какое дело Волосевичам до действительной истории! Они затем и пишут, чтобы исказить историю, чтобы оклеветать Ленина (большевиков), чтобы сфальсифицировать историю большевистской партии. Оправдать социал-фашизм и контрреволюционный троцкизм, оправдать всякого рода оппортунизм в рабочем движении, показать большевизм непоследовательным, ошибающимся, представить Ленина учеником Каутского и других оппортунистов из II интернационала — вот главная задача контрабандиста Волосевича.

На 12 стр. III выпуска «Истории ВКП(б)» Волосевич пишет: «Ильич вполне соглашался с Каутским, с его теорией «ультраимпериализма». Волосевич таким образом утверждает, что Ленин не только не вел борьбы с Каутским, с его вреднейшей теорией «ультраимпериализма» (направленной против теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата, доказывающей мирное вращение капитализма в социализм, так как, по Каутскому, в эпоху империализма интересы труда и капитала так оближаются, что противоречия между ними снимаются сами собой путем мирного завоевания пролетариатом парламентского большинства), но что будто бы Ленин соглашался с Каутским. По Волосевичу таким образом получается, что и Ленин и Каутский имели одни и те же взгляды по вопросу об империализме, по вопросу о пролетарской революции! Так «историк» Волосевич, прикрываясь формулой: «ничего лишнего, но и ничего голословного», фальсифицирует историю в угоду контрреволюционному троцкизму.

Всем известно, что Ленин не только никогда не соглашался с Каутским, с его теорией «ультраимпериализма», но и вел с ним непримиримую борьбу, как с самым вредным и поганым лицемером, ту-

¹ В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XVII, стр. 335.

пым педантом, крючкотворцем и обманщиком. «Каутский, — писал Ленин, — всех лицемернее, всех отвратительней и всех вреднее». «Нет на свете теперь ничего более вредного и опасного для идейной самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего затушевать и замазать, успокоить софизмами и якобы ученым многоглаголением разбуженную совесть рабочих»¹.

Каутскианскую теорию об «ультраимпериализме» Ленин квалифицировал как самую тонкую, наиболее искусно подделанную под научность буржуазную теорию социал-шовинистов. Каутский «определяет империализм, — пишет Ленин, — как политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом, как стремление «промышленных» стран аннектировать «аграрные» страны... «Это определение Каутского, — говорит Ленин — теоретически насквозь фальшиво. Особенность империализма — господство как раз не промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз не только аграрных, а всяких стран. Каутский отрывает политику империализма от его экономики, отрывает монополизм в политике от монополизма в экономике, чтобы расчистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма вроде «разоружения», «ультраимпериализма» и тому подобного вздора. Смысл и цель этой теоретической фальши всецело сводится к тому, чтобы затушевать самые глубокие противоречия империализма и оправдать таким образом теорию «единства» с апологетами империализма, откровенными социал-шовинистами и оппортунистами»².

«Теория Каутского о «мирном» ультраимпериализме, — пишет Ленин в другом месте, — реакционная попытка запуганного мещанина спрятаться от грозной действительности». «Финансовый капитал и тресты, — продолжает Ленин, — не ослабляют, а усиливают различия между быстрой и медленной частями всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, при капитализме, разрешение противоречия, кроме как в силе?»³.

Каутский, — писал Ленин в статье «Крах II интернационала», — «довел марксизм до неслыханного протушивания и превратился в настоящего попа... Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину»⁴.

Теория «ультраимпериализма» необходима была Каутскому для оправдания оппортунизма II интернационала, для оправдания открытого перехода вождей II интернационала на сторону империалистической буржуазии. Продолжением и развитием этой предательской тактики оппортунизма является современная теория социал-фашизма об «организованном капитализме». Господа Каутские и Троцкие верны своим буржуазным идеям! В угоду этим буржуазным идеям, забегая «петушком, петушком» вперед Рудольфа Гильфердинга, Карла Каутского и всей мерзкой социал-фашистской компании, троцкий Волосевич сознательно извращает ленинское учение об империализме.

В «Самой краткой истории ВКП(б)» Волосевич пишет: «Именно он (капитализм) настолько обобществил производство, что оно ведется уже по точному, заранее выработанному плану... Такое плановое руководство изнутри целыми отраслями промышленности стало возможно, — продолжает он, — лишь вследствие устранения конкуренции между промышленными предприятиями. Конкуренция устранила сама себя... Целые отрасли мирового производства оказались в их (т. е. капиталистическом объединении. — Авторы) монопольном, т. е. не знающем конкуренции владении»⁵. Чем Волосевич не похож на Гильфердинга, который в 1927 г. на кильском партийном съезде немецкой социал-демократии воспевал империализм как такую эпоху, когда капиталистическая система хозяйства, преодолев эру свободной конкуренции и владычества слепых законов рынка, стала системой организованного хозяйства! Сходство троцкого Волосевича с социал-фашизмом Гильфердингом не случайно. Не случайно также, что об «истории» Волосевича дал весьма одобрительный отзыв небезызвестный правый оппортунист А. Слупков. «Изложение очень ясное, простое, живое. Брошюра

¹ В. И. Ленин, Письма к Шляпникову и Коллонтай, стр. 14, 16.

² В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XIX, стр. 302—303.

³ Там же, стр. 149.

⁴ В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XVIII, стр. 258—259.

⁵ Волосевич, Самая краткая история ВКП(б). Огиз, изд. 1929 г., стр. 82.

принадлежит к числу недурных популярных пособий», — так расхваливал троцкиста Волосевича в своей рецензии правый оппортунист Сленков. Эта похвала троцкисту со стороны правого оппортуниста конечно не случайна.

В основе мировоззрения социал-фашизма и троцкизма, являющегося передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, в основе теории правого оппортунизма лежит теория «организованного капитализма». Каутскианская теория об ультраимпериализме, теперь подновленная и подкрашенная социал-фашизмом в теорию «организованного государственного капитализма», является теорией, содержащей сущность не только социал-фашизма, но и сущность контрреволюционного троцкизма, а равно и правого оппортунизма. Ожесточенную, непримиримую, все возрастающую борьбу двух систем — системы умирающего капитализма и системы гигантски развивающегося на $\frac{1}{6}$ части мира социализма — они подменяют буржуазными баснями об «организованном государственном капитализме». Капитализм организуется в интернациональном масштабе, его высшая форма развития идет по направлению к мировому государственному тресту — вот песни этих господ. На формуле «организованного государственного капитализма» сходятся по сути дела и теоретики социал-фашизма, и контрреволюционные троцкисты, и правые оппортунисты.

Учение Ленина об империализме является краеугольным камнем ленинизма. По Ленину империализм — это «особая историческая стадия капитализма». «Особенность эта, — пишет Ленин, — тройкая: империализм есть (1) монополистический капитализм; (2) паразитический или загнивающий капитализм; (3) умирающий капитализм»¹. Что же следует из этой тройкой особенности империализма? Следует из этого то, что «империализм на самом деле не перестраивает и не может перестроить капитализма снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренций, кризисов и т. д. империализм не может»². Поэтому империализм не

устраняет капиталистических кризисов, конкуренций, не сглаживает капиталистических противоречий, а наоборот усиливает, обостряет их. Потому что «империализм есть оживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами — вот существеннейшая особенность империализма вообще»³.

«Именно это соединение противоречий друг другу «начал»: конкуренции и монополии — и существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию». «Социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма», — писал Ленин о капитализме в период мировой войны. Для реформистов же государственная монополия капитализма и есть социализм.

Для марксизма-ленинизма «монополия капитализма становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя лопается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют»⁴. Для реформистов монополия капитализма снимает антагонизм капитализма сама по себе.

Таким образом, если марксизм-ленинизм из факта роста капиталистической монополии, а с нею и необыкновенного усиления государственной машины делает вывод о неизбежности пролетарской революции, вывод о необходимости слома в этой революции буржуазной государственной машины и замены ее политическим господством пролетариата, его диктатурой, т. е. властью, не разделенной ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс, то господа из II интернационала, а с ними и оппортунисты всех мастей отождествляют современное развитие капитализма с социализмом.

Из оценки империализма как последней стадии капитализма, как «кануна социалистической революции» вытекает непосредственно учение Ленина и Сталина о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата. На основе закона о неравномер-

¹ В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XIX, стр. 301.

² В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XX, стр. 297.

³ В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XX, стр. 297.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 756.

ном развитии капитализма в эпоху империализма Ленин и Сталин развили идею о прорыве слабого звена империалистической цепи, идею о победе социализма первоначально в одной стране. «Неравномерность экономического и политического развития... пишет Ленин... есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»¹.

Против учения Ленина о революции ополчились в 1905 г. меньшевики и Троцкий. В противовес ленинскому учению о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую меньшевики выдвинули тогда буржуазную либеральную теорию о том, что революция приносит власть буржуазии, а Троцкий — свою «перманентную революцию».

Против ленинского закона о неравномерном развитии капитализма и учения о возможности победы социализма в одной стране ополчились в 1915 г. оппортунисты всех мастей. Тогда-то именно и выступил Каутский со своей пресловутой теорией об «ультраимпериализме», а Троцкий — с теорией «Соединенных штатов Европы». Тогда же выступил против Ленина Бухарин с люксембургской теорией «чистого» империализма, направленной против ленинского лозунга о самоопределении наций вплоть до отделения в самостоятельное государство, а Каменев — с теорией буржуазно-демократической революции, отрицающей идею Ленина о перерастании.

Как известно, по вопросу о перерастании и по вопросу о победе социализма в одной стране шла ожесточенная борьба партии с правыми (Каменев, Рыков и др.) и «левыми» (Бухарин, Радек, Осинский и др.) в период от Февраля до Октября и в период упрочения диктатуры пролетариата. Как известно, в 1923—1927 гг. партия вела непримиримую борьбу с троцкистско-дзюльевским блоком за ленинское учение о возможности построения социалистического общества в нашей стране. Партия во главе с т. Сталиным разгромила троцкистский блок, вскрыла перед широчайшими трудящимися массами всего мира контрреволюционную сущность троцкистских наскоков на генеральную линию партии, на ленинизм. Как известно, правые оппорту-

нисты также пытались атаковать линию партии по вопросу о возможности построения социалистического общества в нашей стране. Правда, они в отличие от троцкистов не говорили об этом открыто, но линия правых «заклучалась не только в срыве политики социалистического наступления, но и в прямой капитуляции перед кулачеством и буржуазными элементами»².

Троцкистский контрабандист Волосевич, трактуя эпоху империализма как эпоху организованного государственного капитализма, выступает с прямой защитой буржуазных концепций против ленинской теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Среди важнейших вопросов учения Ленина о пролетарской революции находится и вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. «Историк» Волосевич хорошо учитывает это и потому пытается направить свое троцкистское оружие против учения Ленина о перерастании. Контрабандистскую работу по искажению этого актуального вопроса он начинает также с утверждения того, что Ленин (большевики) до 1917 г. не ставил вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. В своей речи на Всесоюзной конференции историков-марксистов Волосевич по вопросу о перерастании говорит так: «Перерастание революции 1905 г. можно было мыслить конкретно только в связи с западноевропейской революцией»³. В третьем выпуске истории ВКП(б) Волосевич пишет о перерастании следующее: «Вопрос о русской революции ставится не в плоскости перерастания ее внутри страны, а в плоскости ее перехода в мировую гражданскую войну»⁴.

По Волосевичу выходит таким образом, что Ленин (большевики) ни в 1905 г., ни в 1915 г. не исходил в своей стратегии и тактике из установки перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Так Волосевич работает на Троцкого, подделывая ленинское учение о пролетарской революции под троцкистскую схему «перманентной револю-

² Резолюция XVII партконференции по докладу тт. Молотова и Куйбышева. «Правда» от 5 II 1922 г.

³ Труды Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. т. I, стр. 152.

⁴ В. Волосевич. Курс истории ВКП(б), т. III, стр. 65.

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 2-е, т. XVIII, стр. 232.

ции». А что такое перманентная революция Троцкого? «Это, — говорит т. Сталин, — революция без учета маломощного крестьянства как революционной силы»¹. «Перманентная революция» Троцкого, — говорит т. Сталин в другом месте, — не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. Перманентная революция есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к отрицанию ленинской теории диктатуры пролетариата»². «Перманентная революция» Троцкого есть неверие в силы пролетариата.

Перманентная революция, Троцкого по сути дела — не непрерывная революция, а наоборот, революция за один присест, революция как «единовременное выступление пролетариев всех стран Европы».

За непрерывную революцию в постановке Маркса, которую гениально разработал Ленин, боролась и борются большевики. В учении Ленина революция — это целая эпоха, соединяющая гражданскую войну пролетариата против буржуазии передовых стран с целым рядом демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений недостаточно развитых и угнетенных наций. «Социалистический переворот не может быть объединенным действием пролетариев всех стран. Об объединенном действии пролетариев всех стран «мечтать — значит откладывать социализм до греческих календ, т. е. до «никогда»»³. Троцкисты — этот передовой отряд контрреволюционной буржуазии — своей теорией перманентной революции как раз и откладывают социализм «до греческих календ», до «никогда», т. е. борются против социализма, против пролетарской революции.

Вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую встал перед Лениным (большевиками) не только в 1917 г., как это пытается изобразить Волосевич. Ленин занимается разработкой его с первых дней своей революционной деятельности. В своей знаменитой работе «Что такое друзья народа» Ленин писал: «политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России... Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что

русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России... На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и повелит русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»⁴.

В 1905 г. на основе опыта классовой борьбы конца XIX в. и начала XX в. Ленин развивает и углубляет идею о перерастании в целом ряде своих работ. В статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», давая оценку разворачивающимся революционным событиям в России, Ленин пишет: «От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не останавливаемся на полпути»⁵.

В 1915 г. в статье о «Двух линиях революции» Ленин писал: «Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то-есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении буржуазной России от военно-феодала — империализма» (царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции»⁶.

Утверждение Волосевича, что Ленин (большевики) не ставил вопроса о перерастании буржуазно-демократической рево-

⁴ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. I, стр. 193. — 194.

⁵ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. VIII, стр. 186.

⁶ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XVIII, стр. 318 (подчеркнуто нами. — Бригада).

¹ Сталин, сборник «Об оппозиции», стр. 118.

² Там же, стр. 135.

³ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XVIII, стр. 220 — 221.

люция до 1917 г., есть натлая лоскь замаскированного троцкиста. Тов. Сталин, ра-зоблачая на XV партконференции троцкистские уловки Каменева, выступавшего от объединенной троцкистской оппозиции, говорил, что «Ленин как в 1905 г., так и 1915 г. одинаково исходил из того, что революция буржуазная должна перерасти в России в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции в России является первым этапом русской революции, необходимым для того, чтобы перерасти немедленно ко второму ее этапу, к революции социалистической»¹.

Волосевич не только игнорирует работы Ленина, Сталина, партийные решения по вопросу о перерастании и самый факт осуществления ленинской идеи перерастания в 1917 г. Больше того, этот троцкистский фальсификатор в таких красках рисует состояние и поведение нашей партии накануне Февраля и в период от Февраля до Октября, что выходит, что большевистская партия не только не была авангардом пролетариата, его организующей и руководящей силой в развитии, в перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, но наоборот, была силой, затормаживающей это развитие.

В своей «Краткой истории ВКП(б)», выпущенной Огизом в 1931 г. 10-м изданием, Волосевич пишет: «Партия большевиков не могла дать сразу правильной оценки чрезвычайно сложного момента потому, что продолжала старую стратегическую линию довершения буржуазно-демократической революции, под устаревшим лозунгом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»². В этом «нет ничего удивительного, — продолжает Волосевич свою бессовестную клевету на Ленина, на большевиков, — при почти катастрофическом недостатке сил вообще и при полном отсутствии сил теоретических, партия не могла дать правильной оценки чрезвычайно сложного момента»³. До такой чудовищной клеветы доходит потешавший всякую совесть троцкистский контрабандист Волосевич!

Кто не знает гигантской деятельности

¹ Стеногр. отчет XV партконференции, стр. 372.

² Волосевич, Самая краткая история ВКП(б), стр. 143.

³ Волосевич, Курс истории ВКП(б), вып. III, стр. 112.

большевиков на протяжении всей их истории, в частности в период империалистической войны? Кто не знает, что большевики создали не только пролетарскую партию в России — партию воюющую, очищающуюся в непримиримой, беспощадной борьбе со всякого рода оппортунизмом, — но и подготовили своей неутомимой работой на поприще мирового рабочего движения условия для создания международной партии большевизма? Кто не знает, что «большевизм возник в 1903 г. на самой прочной базе теории марксизма... Возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал 15-летнюю (1903 — 1917 гг.) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете»⁴. Волосевич тоже об этом знает. Именно потому он так оголтело старается фальсифицировать довоенную историю большевизма.

Изображая нашу партию накануне Февральской революции и в период от Февраля до Октября беспомощной, раздробленной на отдельные группы большевиков, не умеющих осмыслить разворачивающихся событий, изображая Ленина и за границей и по приезде в Россию одиноким, Волосевич пытается выставить вождем подготовки и проведения Октябрьской революции Троцкого. В угоду этому «объективный» Волосевич очень просто поступает с фактами истории: он выбрасывает всю огромную работу, проделанную Лениным (большевиками) по мобилизации рабочих масс на борьбу с мелкобуржуазными партиями (меньшевики, эсеры), на борьбу за дальнейшее развитие революции, на борьбу с путчистской тактикой троцкизма и каменевским ограничением революции буржуазно-демократическими задачами, на борьбу за победоносную пролетарскую, социалистическую революцию.

По Волосевичу — как раз наоборот: большевики не только не мобилизовали масс на борьбу за пролетарский Октябрь, но они своей «выжидательной» тактикой тормозили инициативу масс в этой борьбе.

В клевете Волосевича на партию, прикрытой контрабандистской формой, имеется полное тождество с взглядами Троцкого.

Давно известно, что Троцкий с 1923 г. (мы уже не говорим о его грязных приемах борьбы против большевизма на протяжении всей истории, начиная со II съез-

⁴ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XXV, стр. 175.

да) вплоть до исключения его из рядов партии пытался пользоваться этим жупанским оружием в борьбе против партии, против ее генеральной линии. В своих «Уроках Октября» Троцкий, игнорирующий всю борьбу пролетарских масс, разделил период от Февраля до Октября на два периода — период разведки, длящийся до октябрьских дней, и период самого октябрьского восстания. Апрельская демонстрация, демонстрация в июне, июльские события — все это по Троцкому «было разведывательной вылазкой». Так ли было в действительности?

«На самом деле,—говорил т. Сталин,—все эти демонстрации являлись прежде всего результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны.

На самом деле роль партии состояла тут в оформлении и руководстве стихийно возникших выступлений масс по линии революционных лозунгов большевиков.

На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 г. готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее наконец к октябрю 1917 г.) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 г., создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание советов»¹.

Как видим, дело обстояло совсем иначе и не так просто, как пытается это изобразить Троцкий и его верный оруженосец Волосевич. Развертывание революционных событий, борьба за социалистическую революцию шли в ожесточенной классовой борьбе. Ленину, большевикам приходилось «создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновения классов, по мере того, как сами массы убеждались на собственном опыте в правильности политики большевиков»².

Троцкистская теория о разведках есть не что иное, как буржуазная концепция революции. Революция без участия масс, революция по указке группки «храбрых» интеллигентов наподобие Троцкого, революция одноактная, на тарелочке—вот схема революции в представлении мещанина и буржуа-либерала. По этой буржуазной

схеме Волосевич изображает подготовку и завоевание Октября. По Волосевичу, так же как и по Троцкому, выходит, что Октябрь совершился в два периода и что главным моментом Октябрьской революции является не 25 октября, а 9 октября, когда Петроградский гарнизон, якобы по приказу Троцкого, а не по призыву партии, отказался идти на фронт. 25 октября, по Волосевичу, понадобилось лишь как небольшое дополнительное восстание — и только.

Вместо партии большевиков во главе с Лениным, действительным организатором и вождем подготовки и проведения Октябрьской революции, Волосевич пытается в замаскированной форме выставить Троцкого, который будто бы через Петроградский совет осуществлял свое руководство и совершил революцию. Видите ли, Ленин вынужден был скрываться, партия же вела внутри себя борьбу с противниками восстания и тем самым не могла не проморгать восстания. Контрреволюционные уши троцкизма, как ни старается их спрятать Волосевич, явно выдают его. Утверждение Волосевича, что Октябрьская революция совершилась 9 октября, когда Петроградский гарнизон отказался выступить на фронт, есть чудовищное искажение ленинской теории революции, есть чудовищная фальсификация истории. Ленин учит, что самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. «В руках какого класса власть — это решает все»³. А как известно, пролетариат захватил господство в свои руки не 9, а 25 октября, в открытом вооруженном бою с буржуазией, с ее политическими агентами — меньшевиками и эсерами, в борьбе на два фронта внутри своих рядов.

Утверждение, «что партия большевиков весь подготовительный период от марта до октября только и делала, что топталась на месте, раз'едалась внутренними противоречиями и всячески мешала Ленину, и если бы не Троцкий, то неизвестно, чем кончилось бы дело Октябрьской революции»⁴, есть не что иное, как грязная клевета на партию. Ибо одним из главных условий успешной победы Октябрьской революции являлось как раз то, что «она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 112.

² Там же.

³ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XXI, стр. 142.

⁴ Сталин, Сборник «Об оппозиции», стр. 106.

опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами»¹.

Волосевич явно искажает историю, явно искажает роль партии, роль ее старых кадров профессиональных революционеров; он сознательно противопоставляет Ленина партии, а партию в целом классу.

Можно ли удивляться после всего этого, что в вопросе о характере Октябрьской революции Волосевич выступает как враг большевизма. По Волосевичу, в октябре было две революции. «С одной стороны,— пишет он,— Октябрьский переворот уже был социалистическим. С другой стороны, он был еще буржуазным»². А страницей дальше Волосевич совершенно открыто отрицает социалистический характер Октября. «Октябрьский переворот,— пишет он,— носил буржуазный характер, не только в том смысле, что он довершал буржуазно-демократическую революцию, но и по своим движущим силам»³. Волосевич считает неточной и неправильной формулировку т. Сталина, что «мы свергли власть буржуазии и поставили диктатуру пролетариата вместе с беднейшим крестьянством и при нейтрализации середняка против буржуазии города и деревни»⁴. «Во время Октябрьского переворота,— пишет Волосевич,— пролетариат мог идти и шел в действительности вместе со всем крестьянством в целом»⁵.

Зачем понадобилось такое утверждение Волосевичу?

Затем, чтобы извратить ленинскую позицию партии в вопросе о характере нашей революции, которую партия выковала и отстояла в борьбе и против троцкистов и против правых оппортунистов. Затем, чтобы извратить ленинскую оценку Октября как «первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания»⁶ и протащить троцкистскую теорию. Взгляды Волосевича целиком совпадают с взглядами Троцкого. «Если бы аграрный вопрос,— пишет Троцкий в своей контрреволюционной книге «История русской революции», — как наследие варварства

старой русской истории, был разрешен буржуазией... то русский пролетариат ни в коем случае не мог бы прийти к власти в 1917 г.»⁷.

Нетрудно видеть, что, выпячивая на первый план в характере Октября задачи буржуазно-демократической революции, задачи, которые были разрешены, как повсюду это подчеркивают Ленин и Сталин, как побочный продукт пролетарской революции, разрешение которых шло по пути, мимоходом и походя, троцкистский контрбандист Волосевич пытается «легально» со страниц учебника истории ВКП(б) протащить давно разоблаченную партией троцкистскую теорию о невозможности построения социалистического общества в СССР, теорию о термидорианском перерождении советской власти.

В заключительных словах 4-й части выпуска «Истории ВКП(б)», издание которой датировано мартом 1930 г., Волосевич пишет: «Доделать то, чего капитализм не успел сделать за время своего господства. — вот такая задача была поставлена перед пролетарской властью самым ходом развития нашей революции». «Гениальнейшим разрешением этой проблемы и являлся нэп»⁸.

«Ценное открытие» Волосевича не ново. «Историк» Волосевич здесь просто повторяет известные социал-фашистские и меньшевистские рассуждения о том, что большевики, взяв власть в стране, где еще «не созрели» предпосылки для социализма, «должны взять на себя дело развития производительных сил на капиталистической основе». Троцкисты в борьбе с партией целиком защищают эти буржуазные идеи Каутских и Данов, став ныне передовым отрядом контрреволюционной буржуазии. Правые оппортунисты также строили свою капитулянтскую линию на этих меньшевистских идеях.

И вот после того, как большевистская партия под руководством своего вождя т. Сталина разоблачила и разгромила троцкизм и правый оппортунизм, после «года великого перелома», в обстановке развернутого социалистического наступления по всему фронту за окончательное построение в 1931 г. фундамента социалистической экономики, «историк» Волосевич пытается утверждать, что нэп — не «особая полити-

¹ Сталин, сборник «Об оппозиции», стр. 128.

² Волосевич, Курс истории ВКП(б), вып. IV, стр. 29.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 313.

⁵ Волосевич, Курс истории ВКП(б), вып. IV, стр. 30.

⁶ Сталин, сборник «Об оппозиции»; стр. 159.

⁷ Л. Троцкий, История русской революции, стр. 72.

⁸ Волосевич, Курс истории ВКП(б), вып. IV, стр. 184.

ка пролетарского государства, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹. А политика развития капитализма, так как самым ходом революции поставлена задача «доделки того, что капитализм не успел сделать за время своего господства».

Помогли Вологовичу в его грязной и жульнической работе и редакторы Огиза и рецензенты, в частности г. К. Сидоров, который в своей рецензии, ограничившись указаниями отдельных недостатков, пишет про работу Вологовича, что «хорошей чертой» ее является научная, так сказать, обоснованность положений, оценок и т. д., опирающаяся на широкую историческо-партийную литературу. «Автор, — продолжает Сидоров, — на всем протяжении выпусков держится принципа: ничего лишнего, но и ничего голословного»². Так, вместо того, чтобы сорвать троцкистскую маску с контрабандиста Вологовича, К. Сидоров помог Вологовичу в его фальсификаторской работе.

«Троцкизм есть передовой отряд контр-революционной буржуазии. Вот почему либерализм в отношении троцкизма, — говорит т. Сталин, — хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу. Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протасовать контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны

встречать со стороны большевиков решительный отпор»³.

Разработка и изучение истории большевизма, истории нашей партии должны быть поставлены на большевистские, подлинно научные рельсы. Работа по марксистско-ленинскому воспитанию должна проходить под знаком выковывания стойких большевиков. Изучение и пропаганда истории большевизма должны быть поставлены прежде всего на основе изучения трудов классиков марксизма-ленинизма. Труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, решения нашей партии и Коминтерна — вот та основа, на которой надо изучать историю большевизма, историю нашей партии, на которой надо воспитывать молодое большевистское поколение в борьбе за коммунизм.

Письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» — этот величайший исторический важности документ, имеющий огромное теоретическое и политическое значение для ВКП(б) и Коминтерна, — обязывает всех членов партии к более глубокому изучению истории большевизма, истории революционной борьбы пролетариата. Оно обязывает нас к еще большей бдительности и непримиримой борьбе со всякими попытками фальсификации и попытками «отклонения от основного пути нашего направления — пути победы социализма в нашей стране и во всем мире»⁴.

Бригада ист. парт. ИКП:

В. СЕРЕГИН,
С. КОМИССАРОВ,
СУСЛОВ.

³ Сталин, О некоторых вопросах большевизма, стр. 15.

⁴ Л. М. Каганович, За большевистское изучение партии, стр. 30.

¹ Сталин, Сборник «Об оппозиции», стр. 211.
² Журнал «Коммунистическая революция», № 5-6, 1931 г.

ВСЕМ ОТДЕЛЕНИЯМ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

В связи с предстоящим в мае т. г. пленумом Общества историков-марксистов и в целях наиболее полного освещения вопросов, связанных с его подготовкой, редакция журнала «Борьба классов» просит вас немедленно прислать по адресу: Москва, Тверская, 8, ред. журнала «Борьба классов», следующие материалы:

1) подробную информацию о положении исторического фронта и о работе вашего отделения Общества историков-марксистов за последний год;

2) материалы и резолюции, принятые вами в связи с обсуждением на местах письма тов. Сталина;

3) материалы и резолюции, которые будут приняты вами в связи с предстоящим всесоюзным пленумом Общества историков-марксистов. Постановка такой широкой информации при посредстве нашего журнала поможет мобилизации сил и внимания историков-марксистов в деле решительной перестройки нашего исторического фронта на основе директив ЦК партии и указаний письма т. Сталина.

РЕДАКЦИЯ

ка пролетарского государства, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹. А политика развития капитализма, так как самым ходом революции поставлена задача «доделки того, что капитализм не успел сделать за время своего господства».

Помогая Вологовичу в его грязной и жульнической работе и редакторы Огиза и рецензенты, в частности г. К. Сидоров, который в своей рецензии, ограничившись указаниями отдельных недостатков, пишет про работу Вологовича, что «хорошей чертой» ее является научная, так сказать, обоснованность положений, оценок и т. д., опирающаяся на широкую историческо-партийную литературу. «Автор, — продолжает Сидоров, — на всем протяжении выпусков держится принципа: ничего лишнего, но и ничего голословного»². Так, вместо того, чтобы сорвать троцкистскую маску с контрабандиста Вологовича, К. Сидоров помог Вологовичу в его фальсификаторской работе.

«Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Вот почему либерализм в отношении троцкизма, — говорит т. Сталин, — хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу. Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протасовать контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны

встречать со стороны большевиков решительный отпор»³.

Разработка и изучение истории большевизма, истории нашей партии должны быть поставлены на большевистские, подлинно научные рельсы. Работа по марксистско-ленинскому воспитанию должна проходить под знаком выковывания стойких большевиков. Изучение и пропаганда истории большевизма должны быть поставлены прежде всего на основе изучения трудов классиков марксизма-ленинизма. Труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, решения нашей партии и Коминтерна — вот та основа, на которой надо изучать историю большевизма, историю нашей партии, на которой надо воспитывать молодое большевистское поколение в борьбе за коммунизм.

Письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» — этот величайший исторический документ, имеющий огромное теоретическое и политическое значение для ВКП(б) и Коминтерна, — обязывает всех членов партии к более глубокому изучению истории большевизма, истории революционной борьбы пролетариата. Оно обязывает нас к еще большей бдительности и непримиримой борьбе со всякими попытками фальсификации и попытками «отклонения от основного пути нашего направления — пути победы социализма в нашей стране и во всем мире»⁴.

Бригада ист. парт. ИКП:

В. СЕРЕГИН,
С. КОМИССАРОВ,
СУСЛОВ.

³ Сталин, О некоторых вопросах большевизма, стр. 15.

⁴ Л. М. Каганович, За большевистское изучение партии, стр. 30.

¹ Сталин, Сборник «Об оппозиции», стр. 211.
² Журнал «Коммунистическая революция», № 5-6, 1931 г.

ВСЕМ ОТДЕЛЕНИЯМ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

В связи с предстоящим в мае т. г. пленумом Общества историков-марксистов и в целях наиболее полного освещения вопросов, связанных с его подготовкой, редакция журнала «Борьба классов» просит вас немедленно прислать по адресу: Москва, Тверская, 8, ред. журнала «Борьба классов», следующие материалы:

1) подробную информацию о положении исторического фронта и о работе вашего отделения Общества историков-марксистов за последний год;

2) материалы и резолюции, принятые вами в связи с обсуждением на местах письма тов. Сталина;

3) материалы и резолюции, которые будут приняты вами в связи с предстоящим всесоюзным пленумом Общества историков-марксистов. Постановка такой широкой информации при посредстве нашего журнала поможет мобилизации сил и внимания историков-марксистов в деле решительной перестройки нашего исторического фронта на основе директив ЦК партии и указаний письма т. Сталина.

РЕДАКЦИЯ